Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ АЗЕРБАЙДЖАНА

№ 12

2020

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Эюб ГИЯС. **Последний идол.** *Роман* 3
Натиг РАСУЛЗАДЕ. *Рассказы* 105
Гафар ГУСЕЙНОВ. **Путь к Ахматовой** 120
Геллерт УАЙТ (Фуад АЛИЕВ). **Люди.** 124
Наргиз БАГИРОВА. *Юморески* 127

ПОЭЗИЯ

Гюлемаил МУРАД. *Стихи* 82
ГАБИЛЬ. *Рубаи* 102
Сергей ШАУЛОВ. *Стихи* 115
Мирза МЕХТИЕВ. **Унитаз.** 132

ПУБЛИЦИСТИКА

Елизавета КАСУМОВА. **Голуби над Шушой и азан над Карабахом** 76
Азер АБДУЛЛА. **А теперь я отвечу** 90
Гюлюш АГАМАМЕДОВА. **Плагиат** 100
Алина ТАЛЫБОВА. **Слово о журналисте** 111

Главный редактор – **Солмаз ИБРАГИМОВА**

Зам.главного редактора – **Елизавета КАСУМОВА**
Ответственный секретарь – **Эльдар ШАРИФОВ – СЕЙШЕЛЬСКИЙ**
Отдел прозы – **Надир АГАСИЕВ**
Отдел поэзии – **Алина ТАЛЫБОВА**
Отдел подписки и рекламы – **Джамиля ШАРИФОВА**
Литсотрудники – **Ниджат МАМЕДОВ, Егана МУСТАФАЕВА, Натаван ХАЛИЛОВА**
Корректор – **Анна КУЗЁМКИНА**

Редакционная коллегия: ***Почетный аксакал «Л.А.» Сиявуш МАМЕДЗАДЕ,*** **Кямаля АГАЕВА, Эльмира АХУНДОВА, Агиль ГАДЖИЕВ, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелаля ГАСАНЛИ, Александр ГРИЧ (Лос – Анджелес, США), Динара КАРАКМАЗЛИ, Азер МУСТАФАЗАДЕ, Эльчин ШЫХЛЫ**

Литконсультант – **Натиг РАСУЛЗАДЕ**

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г. в Министерстве печати и информации Азербайджанской Республики
Регистр. № 352

Адрес редакции:
AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53
Электронный адрес: litaz1931@gmail.com

Сдано в печать 24.11. 2020 г.
Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16
Печать офсетная, 8.25 печ. л.
Тираж 400
Отпечатано в типографии «OL»NKPT MMC
Тел.: 497 – 36 – 23
Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
В публикуемые материалы редакция вносит необходимую правку.

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала обращаться в типографию «OL»NKPT MMC

© «Литературный Азербайджан», 2020 г.

ЭЮБ ГИЯС

ПОСЛЕДНИЙ ИДОЛ

Роман

перевод Али Сеидова

Посвящается дорогим Эльвусалу, Гиясу, Орхану и Эльбрусу.

…Только чайки без гнезд
И люди, подобные им.
Может быть…
Может, это оттого,
Что и чайки счастливы,
И подобные им люди…

Море, раскрыв пасть, искало, кого бы проглотить. Старики говорили, что море, превратившись в дракона, всех проглотит…

Да и по телевизору показывали, что где-то море, превратившись в дракона, поглотило людей…

В газетах писали, что на фотографиях, снятых из космоса, видно, что в момент поглощения людей на волнах появилось слово АЛЛАХ…

Потом газеты опубликовали эти снимки.

Потом море затихло, как ягненочек, мерно продолжали перекатываться волны… Будто это было не то самое страшное море.

Люди говорили, что Аллах может в любое время превратить море в дракона.

***

Старый могильщик кладбища, долбя киркой глинистую почву, копал могилу. Старик был единственным из живых среди других на кладбище. Иногда, откладывая работу, старый могильщик глядел в конец кладбища, горько вздыхал. Там он себе выбрал укромное местечко для могилы, но на сердце было неспокойно, будто кто-то пытался это место отнять…

Переживая этот страх, старик хотел умереть побыстрее, однако, вспоминая о смерти, оттирал пот, глядел на небо. В такие минуты он как будто видел летающие над ним бесчисленные души, хотел жить… Смерти боялся…

***

Мамедага, двадцать восемь лет проведя в тюрьмах Баку и бывшего Союза, впервые в жизни сев в такси, спешил по улицам совершенно изменившегося города в сторону квартала, где он некогда жил…

У него не хватало духу через двадцать восемь тюремных лет сразу поехать домой, мгновенная свобода после долгого заключения, выход в мир без запоров через несколько железных дверей ему казались сном. Поэтому, чтобы проснуться, он хотел немного прогуляться по этому изменившемуся миру.

***

Руфат, выйдя с приморского бульвара, медленным шагом шел домой, но, проходя мимо старого кладбища, почему-то остановился, посмотрел на ряд могил, потом краем глаза поискал старого могильщика, по черневшему силуэту вдали и движениям узнал его. Прислонился к решеткам кладбища лбом, ощутил их холод, стал глядеть на копающегося вдали (конечно же, могильщика), ему захотелось самому стать могильщиком, он позавидовал ему…

ВОЗВРАЩЕНИЕ МАМЕДАГИ ИЗ ТЮРЬМЫ И ЕЩЕ ЖИВАЯ УБОРЩИЦА ГЫЗБАДЖИ

Они столкнулись на углу каменного здания, на мгновение придержали шаг, кивнув, поздоровались, потом, вместе пройдя несколько шагов, свернули во двор. Руфат, не говоря ни слова, прошел в ворота, а Мамедага, остановившись, зажег сигарету и стал припоминать, кто же был тот человек, с которым он встретился. Лицо было знакомым, и конечно же в памяти Мамедаги что-то должно было быть. Но что?

В утренних сумерках он прежде всего стал искать голубятню, которую оставил двадцать восемь лет назад. Ее не было, она попала «под сокращение времени», а на месте, где была голубятня, теперь стояло современное, сверкающее стеклом здание с надписью «СУПЕР-МАРКЕТ». Мамедага посмотрел на новое строение (несмотря на то, что оно существовало уже два года) глазами клиента, и первая мысль, которая пришла ему в голову, была следующей: вот бы по воле Аллаха у человека была бы такая голубятня, и тот собрал бы туда самых крутых голубей. Впрочем…

Квартал уже был совсем другим. В нем ни деревья, ни качели ничего не могли ему напомнить из прошлого. Кроме человека, которого он встретил.

Мамедага смотрел на свой квартал, где прошло его детство, странным взглядом. Чем дальше, тем больше его одолевала скорбь. Не было той детской площадки, на которой они гоняли в футбол, теперь ее огородили и превратили в стоянку для автомобилей. Наверняка дети уже не играют в футбол. На месте тира теперь стоял овощной киоск. Одним словом, квартал, в котором вырос Мамедага, полностью сменил облик, и ему казалось, что за всей этой современностью стоит некий коварный умысел, иначе какой смысл было одним разом стереть из памяти прошлое, не оставив хотя бы какой-то знак.

Он продолжал осматривать все вокруг и тут, увидев рядом с новым Домом торжеств, построенным на месте старого кинотеатра, женщину, подметавшую улицу, обрадовался. Он узнал старуху по силуэту в сумерках, но самым главным было то, что время смогло сохранить эту женщину с неизменным на её лице длинным носом. С давних времен все ее называли «Гызбаджи-вороний нос» и Мамедага, присмотревшись, увидел, что время сделало похожей на ворону и ее саму. Поношенный черный рабочий халат мог быть символом черной вороны.

Да, это была Гызбаджи, та самая, которая каждое утро начинала с площадной брани, завершая день таким же образом.

Подумав об этом, Мамедага вдруг растерялся, ему показалось, что за двадцать восемь лет Гызбаджи стала скульптурой, идолом. И судьба сохранила ее для остатков памяти Мамедаги.

Если бы женщина не двигалась, Мамедага так бы и подумал. Казалось, Гызбаджи подметала одно и то же место, но никак не могла подмести.

Он почувствовал безмерную радость оттого, что увидел ее живой и здоровой.

Мамедага отбросил сигарету, вновь поискал глазами Гызбаджи. Тихо подошел к ней, остановился в нескольких шагах, еще раз внимательно посмотрел на нее.

Да, это действительно была она.

– Доброе утро.

– Доброе, и еще пять в придачу… – произнесла старуха, не поднимая головы.

– Спасибо… – произнес Мамедага шепотом, но Гызбаджи его услышала. Прекратила работу и, опершись на метлу, смерила взглядом Мамедагу.

– Наш новый управдом, что ли?

Мамедага засмеялся, обернувшись еще раз, посмотрел на магазин, на месте которого раньше стояла его голубятня. Солнце уже поднималось из-за крыш. Прищурившись, Мамедага долго молчал, потом, о чем-то подумав, обернулся к старухе. Посмотрел на нее, потом на метлу и вдруг весело запел:

– Ай Гызбаджи, Гызбаджи!

Язык змеиный, сама горькая.

Гызбаджи так растерялась, что чуть не выронила метлу, покачнулась, еле удержалась, чтобы не упасть. Еще более прищурившись, внимательно посмотрела на Мамедагу. В ее памяти все перемешалось, казалось, большой бульдозер ездит по ее мозгам. Песенку, которую напел Мамедага, она слышала в последний раз лет двадцать, двадцать пять назад, и сейчас, услышав ее в предрассветных сумерках, Гызбаджи будто вновь вернулась в те сумбурные годы.

– Кто ты, сынок? Из чьих будешь?

– Свой я, тетя Гызбаджи, здесь вырос.

– Свой… Те свои, о которых ты говоришь, давно выросли, стали взрослыми мужчинами, но те, которые родились от них, совсем не похожи на прежних…

Гызбаджи перестала говорить, глянула в глаза Мамедаги, вдруг повлажневшие то ли от ветра, то ли от избытка чувств, потом из кармана халата достала носовой платок, оттерла свои слезы.

– Что-то родное в тебе видится мне… Говори поскорее, чей будешь? Как зовут, чей сын?

– Мамедага зовут меня… Сын покойного Мусы, водителя трамвая.

Гызбаджи, бросив метлу, всплеснула руками, потом бросилась на Мамедагу, нежно его обняла, уткнулась мокрыми глазами ему в плечо.

– Сынок, я же говорю, что-то родное чудится, добро пожаловать в дом родной. – Потом подняла руки к небу. – Слава тебе, Всевышний, проклятие тому, кто тебя не знает! – вскричала она.

Обернувшись к балкону дома Мамедаги, опять начала кричать.

– Ай, Зибейда, с тебя магарыч! Сын живой и здоровый из тюрьмы вернулся!

Потом было то, что бывает в таких случаях. Старые соседи в знак уважения, новые – из интереса, по одному приходили к ним домой, поздравляли Зибейду, выпив стакан чая, положив Мамедаге в карман трешку-пятерку, уходили. Среди тех, кто приходил, Мамедага упорно пытался углядеть того, кого повстречал утром, но его не было. Вот так им был встречен первый вечер свободы, потом все разошлись, Мамедага остался с матерью. Зибейда за эти двадцать восемь лет сына видела всего одиннадцать раз. Последняя встреча состоялась полтора года назад, когда Мамедага лежал в тюремной больнице в поселке Беюк-Шор. Тогда Мамедага заболел желтухой, о чем смог сообщить матери через соседей, которые пришли навестить своего отбывающего срок сына.

Мамедага в первый вечер, «обняв» домашнюю тишину, все пытался для себя уяснить, в чем разница между свободой и тюрьмой? Правильный ответ никак не мог найти. Но одно Мамедага знал точно: можно всю жизнь быть свободным, но чувствовать себя как в тюрьме, однако в заключении свободным быть нельзя. Все это, конечно, относительно, и Мамедага, получив удовольствие от своего философствования, вышел на балкон, чтобы посмотреть на ночной город.

Мамедага чувствовал, что пока не может насладиться свободой. Двадцать восемь лет трудностей, боли, скорби, мечтаний, длинные ночи, и вдруг – на тебе:

ничего не значащая свобода… За двадцать восемь лет он перевидал множество людей, со многими находил общий язык, порой, чтобы не сойти с ума, придумывал для себя образ жизни. Если всем этим был он, значит, и в этой жизни под названием «свобода» он найдет свое место. Обязательно!

Мамедага лежал, заложив руки под голову, мать рассказывала о событиях прошлых лет, о тех, кто умер, кто женился или развелся. Мамедага молчал, но мать знала, что он не спит, слушает ее, думает. Двадцать восемь лет… Это не шутка… Это хорошо знала и Зибейда.

Мать рассказывала о соседях, которые разъехались кто куда, о новых, которые во дворе хозяйничали, о войне с армянами, о приезжих из районов. Потом в конце она завела разговор о единственном сыне соседки Сакины Руфате, которого Мамедага в свое время пырнул ножом.

– Очень умный парень был, все буквально молились на него, но как только женился, все пошло наперекосяк. Мать отправил в дом престарелых, умерла, недавно сорок дней было. Болела она. Я иногда ее навещала, после ее смерти и моя жизнь опустела. А с Руфатом не знаю, что произошло, то ли заколдовали, то ли приворожили, что-то подмешали в еду, парень сошел с ума. Теперь, кажется, нигде не работает, целыми днями ходит по улицам… А года три назад он был у всех на устах. Сглазили бедолагу.

Слушая мать, Мамедага все пытался вспомнить лицо Руфата, и вдруг перед его глазами, уставленными в темноту, появился образ не того Руфата, который остался за двадцатью восемью годами, а ожил тот, кого он встретил утром. Именно тот, о котором столько времени думал Мамедага. Ему захотелось в эту глубокую ночь встать, подняться этажом выше, постучать в дверь, в которую уже никто не стучался в последние годы, встретиться с Руфатом, вспомнить прошлые годы. Но не встал, все так же лежал, уставившись в потолок, молча слушая мать. Через некоторое время по сопению матери понял, что она засыпает.

Мамедага до утра так и не сомкнул глаз. Встал, умылся, взял сигарету и вышел закурить на балкон. В это время обычно по улице бежали стайки школьников. Мамедага, будучи в заключении, мечтал пойти в школу, как и все тогда, в черном костюме и белой рубашке. Но теперь таких школьников не было, а нынешние не были похожи на тех, прежних. Девочки и мальчики в разноцветных одеждах больше напоминали тех, кто собрался на свадьбу. А если честно, Мамедага так и не понял, куда спешит эта молодежь.

Да, город, который 28 лет назад оставил Мамедага, стал современным, красивым, с широкими улицами и проспектами. Однако за всем этим, казалось ему теперь, крылись безразличие, показуха. Мамедаге подумал, что можно было бы прожить и безо всего этого, но непростительным остается то, что люди отдалились друг от друга, каждый замкнулся в себе. Можно же было оставить хотя бы один трамвай или старый светильник. Ведь когда забывается история, все меняется, разве не забывчивость губит нацию? Машины снуют туда-сюда, люди с непроницаемыми лицами куда-то спешат, телевидение, радио вещают о совсем ненужных вещах, нет ни одного знакомого лица. Куда катится этот мир? Куда ведет человечество отмежевание от прошлого? «Нет, – подумал Мамедага, – для того, чтобы прожить в этом мире и не сойти с ума, нужно придумать для себя сказку или же, плюнув на все, заживо закопать себя в могилу».

Мамедага был сильным человеком, понимающим, что могила не для него, знал, что рано или поздно сочинит себе сказку…

Когда он прошел в комнату, завтрак был на столе, мать, налив чай, ждала его. Мамедага сел напротив матери, взял в руки стакан и, взглянув на нее, увидел, что она что-то хочет ему сказать.

– Что с тобой, ма, ты, кажется, что-то хочешь сказать?

– Устала я, сынок, не могу больше… Старость уже подобралась, а у меня тоже есть мечты… Почему не женишься?

Мамедага так расхохотался, что чуть не выронил из рук стакан-армуды.

– Послушай, женщина, я первый день, как пришел домой… Когда я должен был найти время для женитьбы? А я думаю, что случилось? Придет время, и это будет. Если верить тебе, то я должен это сделать прямо сейчас?

– Почему сейчас? Но ведь время идет…

Мамедага встал, надел ботинки, потом взял из шифоньера пронафталиненное поношенное пальто отца, открыл дверь. Мать, осторожно прикоснувшись к его рукаву, протянула деньги.

– Возьми, может, понадобятся…

Мамедага, улыбнувшись, отвел руку матери.

– А говорили, будет коммунизм, деньги не нужны будут, – сказал он, спускаясь по лестнице.

Было примерно десять часов, но во дворе пока никого не было. Мамедага присел на корточки возле ворот, тоскливо посмотрел туда, где когда-то стояла его голубятня. Окна супермаркета блестели. Первая мысль, которая пришла в голову Мамедаги, была о том, что надо восстановить права разрушенной голубятни, чтобы почувствовать вкус, доброжелательность старых времен. Нужно срочно вернуть на место старую голубятню, чтобы такие легендарные голуби, как «Гарагуйруг», «Кякилли», «Ракет-бала», жили в новом времени.

Гонимый этими мыслями, Мамедага встал и пошел в сторону супермаркета. Только он прошел два-три шага, как звонкий голос Гызбаджи, ничем не уступающий полицейской сирене, объял весь квартал так, что Мамедаге показалось, будто случилось землетрясение. Ничего не понимающий Мамедага стал искать источник звука. Сирена продолжала выть.

– Дом твой разрушился, ай, Зибейда! Кровь будет течь вместо воды. Я же говорила, не трогайте птиц и голубятню мальчика. Я же предупреждала…

Потом с балкона раздался усталый, но тревожный голос матери.

– Не ходи! Не связывайся с ними. Они беженцы, у них документ на магазин, да и деньги есть. Ты не сладишь с ними. Заклинаю тебя своим молоком. У меня уже нет сил переживать твою новую тюремную жизнь.

Мамедага только сейчас понял весь смысл этих криков. Качая головой, он сперва посмотрел на Гызбаджи, потом на мать на балконе, затем вихляющей, блатной походкой вошел в магазин. В этот же момент полицейская машина въехала во двор. Двое полицейских хотели взять его под руки, но Мамедага не позволил.

– Сам пойду, – сказал он и сел в машину.

Его отвезли в отделение.

Зибейда плакала.

– Я знала, что так будет…

Гызбаджи, опершись на метлу, думала, правда, сама не понимая, о чем.

Хозяина магазина, построенного на месте голубятни, звали Мухтар, этакий колобок, что в высоту, что в ширину. Испуганно взглянув в сторону двора, он подумал про себя: «Ну надо было сейчас объявлять амнистию?!»

НОВЫЙ ДЯДЯ МАМЕДАГИ. ФИЛЬМ «ПОСЛЕДНИЙ ИДОЛ» И ЕЩЕ ПЕСНЯ КОМАРА

Когда Мамедагу сажали в полицейскую машину, он заметил вороватые движения Мухтара и, хотя не знал, кто это, по его трусливому взгляду понял, что это владелец магазина.

Единственное, что сказал Мамедага в этот момент, была короткая фраза:

– Ты совершил глупость…

Полицейская машина подъехала к участку, где его очень деликатно встретили, высадили. Всю дорогу Мамедага думал, что ему вновь придется распрощаться со свободой… Потому что человеку, двадцать восемь лет проведшему за решеткой, трудно прижиться в нормальном обществе и его, любым путем спровоцировав на что-то, снова могут упечь в кутузку. Он это чувствовал.

Мамедага прошел по вновь отремонтированному коридору полицейского участка, поднялся на второй этаж, ни словом не обмолвившись с сопровождавшим его капитаном. Время шло, Мамедаге это стало докучать, он подошел к стенду на стене, стал рассматривать фотографии…

***

Через шесть дней Мамедаге должно было исполниться пятнадцать лет, однако этого не случилось. Нет, говорить «не случилось» неверно, ибо если сегодня Мамедаге сорок три года, значит, тогда ему пятнадцать исполнилось, но совсем в других условиях, в другом месте.

И тогда Мамедага не понял, кто скрутил ему руки, надел наручники, посадил в машину. Тогда он понимал лишь то, что ударил ножом человека, ударил, чтобы убить. Он очень хотел, чтобы тот человек умер. Потому что тот совершил предательство, А МАМЕДАГА НИКОГДА НЕ ПРОЩАЛ ПОДОБНОГО.

Один из сверстников Мамедаги темной ночью проник в его голубятню, украл самого лучшего голубя. Но это было не все. Вор продал голубя соседским ребятам, которые тоже содержали голубятню. Тогда Мамедага, сильно рассердившись, поклялся, что найдет вора и убьет его.

Тот мальчик от удара ножом не умер… Схватившись за живот, весь в крови, согнулся пополам, потом жалким взглядом посмотрел на Мамедагу, со стоном сказал:

– Я не крал твоего голубя, это другие…

Мамедага ничего не сказал, был растерян и напуган. И тем не менее закричал:

– Врешь, ты украл моих голубей! Артурик видел, он не будет мне врать…

Потом краем глаза посмотрел на растекающуюся по асфальту кровь… В глазах потемнело, сквозь темноту услышал голос своей матери, крики матери мальчика, которого ударил, как в тумане увидел посеревшее лицо брата Ильгара, его расширившиеся зрачки за стеклами очков. Очнулся тогда, когда почувствовал холод наручников…

Да, иногда бывает и так… Тем, кто закрыл книгу жизни Мамедаги, подписал смертный приговор невинному мальчику из их двора, был сосед Мамедаги по этажу Артурик… Тот Артурик, который, как собака, боялся Мамедагу, да и мальчика, зарезанного ножом. Поэтому, очень искусно использовав историю с кражей голубя, он смог одним выстрелом убить двух зайцев. Основная причина этих действий Артурика заключалась в его «армянской» неприязни к соседям. Кроме этого, его сестра Сусанна была чуть старше Мамедаги и уже вела разгульный образ жизни, чем и воспользовался Мамедага, вот уже несколько месяцев развлекавшийся с ней. Поговаривали, что их даже видели голыми на полуразбитом диване на крыше детского сада, вследствие чего мальчишки со двора прозвали Сусанну «Карлсоном». После Мамедаги его место занял мальчик, которого он пырнул ножом. Но надо сказать, что Сусанна – это была та еще штучка… От матери не отставала. Так сказать, яблочко от яблоньки…

Короче… Эта история случилась следующим образом. За два дня до происшествия голубятники с соседнего двора приметили у Мамедаги несколько хороших голубей. Запустив в небо несколько голубей-разведчиков, они попытались заманить

голубей Мамедаги к себе. Однако операция не только провалилась, но и два голубя соседских мальчишек прилетели в голубятню Мамедаги. Соседи, прознав про это, пришли к нему и попросили вернуть голубей. Но Мамедага спрятал их.

– Мы знаем, что голуби у тебя, верни, мы же соседи, – сказали они.

Ответ Мамедаги был категоричен:

– Я ничего не знаю о ваших птицах. Но если бы и поймал, не вернул бы. Потому что вы пытались поймать моих птиц, и я такое соседство не признаю… Пока!

После того, как соседи ушли, Мамедага подрезал крылья новым питомцам и, пока они не привыкли к новому месту, не выпускал их.

По-своему, Мамедага был прав. Как правило, для того, чтобы сбить с толку еще необученных голубей, в воздух запускают опытных птиц. Воспользовавшись этим, соседи решили поддеть Мамедагу. Если бы они поймали птиц Мамедаги, наверняка не вернули бы.

Той же ночью соседские ребята взломали замок голубятни и унесли самого любимого голубя Мамедаги «Кякилли гарагуйруг», правда, не тронув остальных. На самом деле это было сделано, чтобы отвлечь его внимание и отомстить. Мамедага не мог подозревать соседских ребят, потому что была украдена всего одна птица. Это сделал кто-то из знакомых, и он должен был ответить за это.

Соседский мальчик-армянин Артурик очень хорошо этим воспользовался. Сперва он очень обрадовался, потом походил по двору, собрал информацию, а вечером, увидев, что мальчишка, которому он подготовил западню, ушел с матерью в гости, бросился к Мамедаге.

– Я точно знаю, кто украл твою птицу…

Мамедага от нетерпения вцепился ему в горло, прижал к стене.

– Откуда знаешь? Кто украл?

– Не спрашивай, не скажу… Ладно, знай, что твою птицу твой дружок унес и продал соседским ребятам.

Мамедага еще сильнее прижал его к стене, начал по одному перечислять своих друзей и, когда дошел до того, которого прирезал ножом, Артурик, заикаясь, сказал:

– Вот видишь, сам нашел, я тебе ничего не говорил.

Мамедага в тот момент был в полоумном состоянии, вытащив из кармана нож, кусая губы, твердил «Убью, зарежу…»

Потом получилось так, что Артурик куда-то пропал, но через день, как джинн из бутылки, вырос перед мальчишкой, которого искал Мамедага.

– Мамедага тебя ищет.

Ничего не подозревающий пацан собственными ножками пошел навстречу беде. Мамедага, увидев его возле голубятни, совсем разъярился, выхватил складной нож, ничего не объясняя, нанес два удара в живот. Потом отошел назад и сказал.

– Нужно быть мужчиной. Мужчина у друга не ворует…

Потом его забрали в полицию (в те времена она еще называлась милицией), затолкали в темную камеру. Тогда еще не совсем осознающий смысл жизни Мамедага в темной камере думал о своих птицах, обняв колени, не обращая внимания на то, что в голове буквально стреляют танки, представлял себе голубей, летающих в вышине.

Так он ушел, оставив двор, любимых птиц и вернулся сюда лишь через двадцать восемь лет.

…Они остановились перед дверью в конце коридора, на которой было написано «Приемная».

– Подождите здесь, – сказал капитан, натянуто улыбнувшись, и прошел в комнату. Мамедага, нахмурив брови, все думал, но ничего в голову не приходило. Через некоторое время капитан вернулся весь сияющий, деликатно предложил Мамедаге пройти в кабинет, сам прошел за ним.

Начальником был мужчина лет сорока-сорока пяти с сединой на висках, среднего роста. Профессиональным взглядом оперативника осмотрел Мамедагу, потом поглядел ему прямо в глаза. Такие взгляды Мамедага за двадцать восемь лет видал не раз. Ему был знаком и смысл таких взглядов. Тишину нарушил шум из коридора. Немного подумав, начальник встал, подошел к Мамедаге.

– Добро пожаловать домой!

Ничего не понимая, Мамедага механически пожал протянутую руку. Потом начальник повернулся и сделал капитану знак «свободен». Оставшийся в комнате Мамедага все пытался вспомнить, откуда же он знает начальника, лицо которого было таким знакомым, в нем затеплилась надежда, что он мог видеть его в тюрьме. Через некоторое время секретарша принесла чай. Странным было то, что ни начальник, ни Мамедага не говорили ни слова, только взглядами налаживали контакт. Короче… Кажется, первыми сдали нервы у начальника, и он заговорил.

– Смотрел последний фильм, это было что-то…

– Посмотрел, начальник, только вот концовку не понял. Памятник починили или нет?

– Да нет… – заговорил начальник возбужденно. – Памятник не надо разрушать, но уж если это сделали, восстановить его дело трудное. И потом, это же был не простой памятник… Люди смотрели на него, как на бога…

– Ай, начальник, знаешь, я думаю, – Мамедага перешел в область политики, – странное прошлое было у этого мира, да и сейчас много непонятного. Разве я не прав?

Начальник встал, подошел к окну, политика Мамедаги ему не понравилась. Но город был под его контролем, и он остерегался, что такие, как Мамедага, могут нарушить в нем порядок. Поэтому сразу перешел к делу.

– Ты того мужика не трогай, – категорично заявил он, – эта наш малый, неплохой парень, но и ты тоже не ребенок…

– Какого мужика? – удивленно спросил Мамедага. – О ком вы говорите?

Начальник отошел от окна, сел напротив Мамедаги, отпил остывшего чая и чуть ли не шепотом сказал:

– О Мухтаре говорю, о хозяине супермаркета. Он переехал в ваш двор, беженец, брат стал шехидом на войне, большая семья на нем, но еще раз говорю: малый он неплохой, из-за плохого я бы с тобой не встретился, не трогай его…

Из нутра Мамедаги буквально выплеснулось молчаливое восклицание «БРАВО!»

То, что начальник встретился с ним, являлось признаком слабости, и это было похоже на палку о двух концах. Во-первых, начальник вновь мог отправить его в места не столь отдаленные, для этого начальнику не составляло труда найти повод. Во-вторых, мог бы считаться с Мамедагой, привлечь его к консультациям и даже к сотрудничеству. То есть Мамедага стал бы «сукой» начальника. В данный же момент «его величество» начальник поручал ему шефство над человеком…

Мамедага ухмыльнулся. Было ясно, что контроль за ним во дворе был поручен нескольким во главе с Гызбаджи, иначе как получилось, что как только он спустился во двор, полицейская машина оказалась рядом, а в отделении все было готово к приему. Карты в этой игре были просты и примитивны, причем все открыты. Его ухмылка не ускользнула от начальника.

– Чего ухмыляешься?

– Да так, – продолжая ухмыляться, сказал Мамедага, – хочу сказать, что мир совсем испортился.

– Хороший у нас город, – Мамедага сменил тему разговора, – но раньше был еще лучше.

Он ясно чувствовал настороженность начальника.

– Правду говоришь, – заговорил начальник, – этот город строили наши отцы, поэтому он дорог и нам…

Начальник опять замолк, ему захотелось встать, подойти к бывшему мальчишке с его двора, обнять его, расцеловать, но сдержался, что-то взвесил в душе и наконец, не совладав с собой, сменил настороженность на улыбку.

– Я же с вашего двора, учился на два года старше вас, забыл? В тот год, когда тебя посадили, мы переехали в Баку, отцу дали должность, стал секретарем… Но твое детство я хорошо помню. – О чем-то подумал, потом звонко рассмеялся. – Хорошие времена были тогда… Помнишь, мы во дворе играли в «ашыг-ашыг» *(альчики, детская игра).* Ты, может, забыл, а я хорошо помню тот день… У меня был самый лучший альчик, ты хотел его забрать у меня, но я не отдал. Помнишь, что было дальше?

Мамедага закрыл глаза, вернулся в те годы, в тот двор, в то детство, пытаясь все вспомнить. И вспомнил…

… – Твой альчик очень хорош, но его надо чуть сжать, чтобы стал еще лучше.

– А как мне его сжать?

– Ты что, совсем бездарный? Это же не так сложно. Пойдем, положим его под трамвай, он пройдет по нему и хорошо сожмет. Но ты никому не говори об этом, потом все начнут так делать.

Пошли, по совету Мамедаги положили альчик на рельс, трамвай прошел, Мамедага, смеясь, вернулся во двор, а мальчик, глядя на кучку песка вместо альчика, заплакал. Потом, плача, вернулся во двор, подошел к продолжавшему смеяться Мамедаге, сказал:

– Альчик искрошился.

Мамедага, продолжая смеяться, ответил:

– Раскрой уши и внимательно слушай меня: хороший альчик может быть или у меня, или ни у кого!

… – Чай наш остыл. Ну что, вспомнил меня?

Мамедага кивнул, от приятных воспоминаний по телу пошло тепло.

– Да, хорошие были времена…

– Что тебе нужно будет, я всегда здесь, для таких, как ты, я готов душу отдать. Ты очень нужен нашему городу. Я наслышан о твоих мытарствах, мы сделаем так, чтобы это не повторилось. В нашем времени разобраться сложно, если захочешь чем-то заняться, посоветуйся со мной, вот тебе мои телефоны.

***

…Потом пошел дождь. Холодные, чистые капли с высокого неба, процеживаясь через черные тучи, остужали грудь земли. Но природа будто бы издевалась над кучкой людей, собравшихся вокруг небольшого холма. Шел дождь, но люди были абсолютно сухими, дождь напоминал просто фон картины. Идол же был мокрым, его остатки, рассыпанные по земле, грязные ноги, голова тоже были в воде.

Кто-то со страхом стал собирать каменные останки идола и складывать их в кучу, но казалось, что он прикасается не к камням, а к пылающим огням… Пальцы горели, но человек и не думал останавливаться, спешил закончить начатое дело.

Собирая в одну кучу останки, человек думал о том, как годами, веками с достоинством стоявший идол, призывавший людей поклоняться ему, выдержавший ураганы, смерчи, мог вдруг без причины развалиться.

Человек растерялся, ему показалось, что его мысли внезапно стали зримыми, и стоящие кругом увидели, о чем он думает. На мгновение он прекратил работу, выпрямился, посмотрел на стоящих вокруг. Увидев испуганные, полные страха лица, успокоился. Все следили за его руками, никому не было дела до его мыслей.

Собранные останки идола теперь выглядели еще более величаво, чем когда он был целым…

…Фильм закончился далеко за полночь. Мамедага выключил телевизор, лег в постель, глаза постепенно привыкли к темноте. Из соседней комнаты доносилось посапывание матери. Повернувшись набок, хотел закрыть глаза, тут чудом выживший в зимнюю стужу одинокий герой-комар запищал у него над ухом. На этот звук у Мамедаги с детства была аллергия, и он нервно заворочался, потом непроизвольно залепил себе по уху затрещину. Писк прекратился, но не было ясно, убил он комара или нет… Сон пропал, Мамедага встал, накинул на плечи пиджак, тихо открыл дверь на балкон, вышел посмотреть на ночной город, его дремоту.

Оторвал фильтр от сигареты, зажег ее и прислонился к веранде. Потом, подумав, открыл окно, холодный воздух, будто пытаясь согреться, ворвался внутрь. Мамедаге стало холодно, но он, не обращая на это внимания, стал смотреть на город, который сладко спал, видел сны. Это был тот самый старый город, но, казалось, его насильно попытались переделать. Будто бы на пожилую женщину с постаревшей душой насильно надели мини-юбку, туфли на высоком каблуке, блузку с глубоким вырезом, и она стала похожа на чучело. И среди всех этих перемен Мамедага выглядел странным, растерянным. Мамедага, закрыв глаза, лбом втянул в себя холод оконного стекла. Головная боль прошла.

***

…Мамедага отдал двадцать копеек, которые ему дал отец, парикмахеру Гасыму, который обрил его наголо опасной бритвой. И теперь в каждом уголке их двора, как солнце, сияла белая, не совсем правильной формы голова Мамедаги. Вечером Мамедага тайком отрезал от заячьей ушанки отца кусок, сделав дырку в свинцовой бляшке, прикрепил к заячьей шерсти, сделав тем самым лямку[1]. Лето только началось, и Мамедага знал, что до самой зимы отец не хватится шапки, впрочем, надевая ее, он никогда не развязывал уши ушанки. «Зачем нужен кусок шерсти на шапке, если ее уши не развязываются?». Этот трудный вопрос вертелся в голове Мамедаги, который усиленно трудился над изготовлением лямки.

Но Мамедаге повезло, отец ни в том, ни в следующем году так и не надел ушанку. В ту же осень отца на работе убило током, и вопрос, все лето мучивший Мамедагу, так и остался без ответа.

Но до осени пока еще было далеко, и Мамедага все лето играл с лямкой, к вечеру нестерпимо болело в паху, колени, бедра ныли, но, несмотря на все это, проснувшись, с утра он спешил во двор поиграть.

…Ему стало холодно, и он, отняв лоб от стекла, закрыл окно, обернувшись на шорох, увидел Зибейду, протирающую сонные глаза.

– Ты почему не спишь, сынок? Может, постель неудобная?

Мамедага засмеялся, обнял мать.

– Ну что ты говоришь, ма, очень удобная, просто сон не идет, сейчас докурю и лягу.

Мать, ничего не сказав, сперва пошла в туалет, потом вернулась к себе в комнату. Через минут пять послышалось ее ровное посапывание.

Глядя на темные улицы города, Мамедага подумал о сегодняшних детях. Ему стало их жаль. «Сегодняшние дети растут как парниковые цветы, они не знают игр «лямка», «чижик», «альчики». Ну что это за детство? Так и с ума можно сойти. Во дворе даже в футбол негде сыграть. Куда ни глянешь одни супермаркеты, «ночные аптеки»… Черт возьми!»

Грезы опять унесли Мамедагу в ночной город, в старый двор, сохранившийся в памяти.

[1] Лямка, лянга, зоска – детская игра, при которой лямку подбрасывают, потом внутренней щечкой стопы продолжают ее подбрасывать. Выигрывает тот, кто больше это сделает. В настоящее время этот прием на тренировках используют футболисты.

…Мамедага играл в «альчики», соседка Мелек продавала семечки и красные сладкие петушки на палочках. Соседские дети, купив у нее петушков, сразу бежали к Мамедаге, который первым должен был попробовать их на вкус. Да, Мамедага брал петушка, облизывал с двух сторон, потом возвращал хозяину.

– Можешь есть!

А все потому, что Мамедага во дворе был самым умным и всесторонне развитым. Когда-то от своей матери Зибейды он услышал, что дети могут отравиться этими петушками. С того дня, вооруженный услышанной информацией, ни копейки не отдавал за петушков, но стал своеобразным дегустатором, больше всех пробуя самодельную сладость. Он объяснил всем детям во дворе, что они могут отравиться, и что смерть – самая страшная штука… Короче, смог объяснить именно до этого момента. Ну, а потому как никто умирать не хотел, для этого был единственный путь – отдавать покупку на дегустацию Мамедаге. По этой причине во дворе от петушков никто не умер, для чего многие родители должны были быть обязаны Мамедаге. Вот так…

В ушах Мамедаги вдруг прозвенел звонок трамвая, который некогда ходил из одного конца города в другой. Ему захотелось на этих широких пустынных улицах найти этот красно-желтый трамвай. Но улица была пустынной и выглядела сиротливо. Насколько эта улица, когда по ней ходил трамвай, выглядела степенной, настолько она сейчас была жалкой и трусливой. Мамедага вдруг увидел красно-желтый трамвай с номером 017, будто вышедший из туннеля неизвестности. Когда отец проезжал мимо дома, он обязательно звонил, и для Мамедаги не было ничего слаще этого трамвайного звонка.

…Двор, как всегда, был темным…

Как только слышался звонок трамвая Мусы, сумасшедшая мать известного певца, принарядившись, выходила на балкон и размахивала красным платком, приветствуя трамвай. Видя, что трамвай не останавливается, сперва немного жеманилась, потом уже начинала ругаться, причем текст ругани всегда был одинаков и незабываем.

– Чтобы ты превратился в собаку!

Крик сумасшедшей женщины отвлек внимание Мамедаги, он остановил игру и подошел ближе к балкону.

– Ты кого ругаешь?

– Тебя это не касается, я хочу любимого…

– Это трамвай моего отца.

– Нет, моего любимого, сейчас он приедет и заберет меня.

– Куда заберет?

– Не твое дело, отстань!

…От затрещины по уху Мамедага дернулся. Увидев капельку крови между пальцами, сперва растерялся, потом засмеялся. Он, кажется, подписал смертный приговор комару, который не давал ему спать. Опять накинул на плечи пиджак и зажег сигарету. Немного поиграл с сигаретным дымом, который, ударившись о стекла веранды, возвращался, потом рассеивался. Он открыл окно, дым мгновенно просочился наружу и исчез. На улице было холодно, мерзли деревья, кошки и воробьи. Мамедаге тоже стало холодно, затянувшись сигаретой, он зябко потер руки…

В то время все называли этот город «комсомольско-молодежным». Мамедага хотя и не понимал, что такое «комсомолец», слово это ему нравилось. В то время люди и сам город были молоды и приветливы. На трамвае, который водил отец Мамедаги, был странный лозунг «КОМСОМОЛЬСКО-МОЛОДЕЖНЫЙ ГОРОД НА БЕРЕГУ КАСПИЯ!» Тогда по утрам все спешили на работу, вечерами, вернувшись домой, шли с семьями в кино, в театр. Дети вместе играли, вместе ходили в детские сады, в школы. А летом многие отдыхали в пионерских лагерях, жизнь была интересной и ве-

селой. По воскресным дням отцы играли во дворе в нарды, шахматы, а матери вели бесконечные разговоры о чем-то своем, женском…

Мамедага ногтем снял с пальца мертвого комара, щелчком отправил его в цветочный горшок, закрыл окно, опять прижался лбом к стеклу.

…Чтоб ты превратился в собаку!

Мамедага, зажав в руке подобранный камень, побежал в сторону балкона сумасшедшей. Крик матери застал его, но он не остановился, пробежал дальше, и только когда мать крикнула еще раз, остановился, отбросил камень.

– Умница моя, не обращай на нее внимания, больная женщина, пепел на голову ее дочери-артистки и сына-врача, которые за ней не смотрят… Пойдем, да буду я твоей жертвой, сынок.

Мамедага пошел за матерью, словно ягненок за овцой, но потом резко остановился, обернувшись к балкону, пригрозил:

– Если еще раз ругнешь моего отца…

Мать, крепко ухватив его за руку, буквально потащила Мамедагу за собой.

– Иди отсюда! – отозвалась сумасшедшая. Глядя вслед удаляющимся, она стала делать странные, неприличные жесты, отчего мать Мамедаги тоже рассердилась, но поспешила удалиться от этого места.

***

Холод оконного стекла начал согревать лоб Мамедаги, и будто именно эта точка наладила странную, но священную его связь с внешним миром. Его память перелистывалась именно в этой точке лба. Мамедага, все это время живший в различных тюрьмах большой страны, переживший тяготы, не сломавшийся, даже не думавший о том, чтобы расстаться с прошлым, таким образом переживал вторую ночь свободы после двадцати восьми лет разлуки… Уже рассветало, когда он на цыпочках прошел в кухню, наполнил чайник водой, поставил на конфорку, потом ложкой взял инжировое варенье, положил в рот, чтобы сбить горечь курева. Налил себе чаю, взял стакан и все так же на цыпочках, прикрыв дверь комнаты, где спала мать, прошел в гостиную, включил свет, нажал кнопку старенького телевизора «Восход-2» с давно просевшей трубкой, оставшегося как память об отце. Прихлебывая чай, стал смотреть единственный канал, который показывал старый агрегат-ветеран и по которому на английском языке ведущая что-то вещала. Потом стал играть симфонический оркестр. Мамедага, откинувшись на спинку дивана, прикрыл глаза, стараясь вникнуть в гармонию музыки. Вдруг в голову пришла странная мысль: колыбелью всего музыкального искусства является восточная музыка, мугам. Произведение, которое играл оркестр, безусловно, было написано западным композитором, но в нем явно чувствовались восточные нотки, пришедшие через столетия, сохраняясь из поколения в поколение в памяти людей. Мамедага обрадовался этому открытию… Будучи в тюрьме, особенно если он сидел в очень далеких краях страны, он сильно скучал по родной музыке. Потом в одну из тюрем режимным инспектором назначили молодого азербайджанца, который по внутренней радиосети поставил кассету Гадира Рустамова. Мамедага, услышав это исполнение, потребовал, чтобы кассету прокрутили несколько раз, в результате за нарушение внутреннего режима попал на пять суток в карцер. Когда его в наручниках повели в карцер, он сказал:

– Я жертвую всем ради Гадира Рустамова и его знаменитой народной песни «Сона бюльбюллер».

В то же мгновение в памяти всплыли изменившиеся улицы города. Ему казалось, что город вдруг заговорил и просит помощи у всех, кто его слышит. Мамедага встал, переключил канал, но кроме черноты и каких-то прерывистых звуков ничего не услышал. Но ему показалось, что эти звуки он уже слышал. Вдруг вспомнил, что это были звуки из фильма об идоле, который он смотрел.

Странно, но почему-то два канала одновременно крутят один и тот же фильм. Ему стало скучно… Встал, выключил телевизор, потом свет и прямо в одежде лег на диван. Ему захотелось уснуть, а проснувшись, оказаться на одной из улиц двадцать восемь лет назад. Он мечтал о том, чтобы все увиденное оказалось сном, сказкой. Даже если он еще раз на двадцать восемь лет сядет в тюрьму, ему хотелось, чтобы не трогали целомудренность и неприкосновенность этого города… Пусть шумит старый фонтан, звеня, проносится трамвай с номером 017, пусть даже сумасшедшая женщина, выйдя на балкон, ругает его отца, но чтобы никто, никто не трогал всего этого!

***

…Собрать идола было невозможно. Человек, который делал это горящими пальцами, буквально задыхался. С пальцев капала кровь, ею уже были обагрены даже небольшие обломки идола. Стоящие рядом безучастно смотрели на все это, не зная, что делать дальше. Веками они доверяли самое сокровенное этому идолу, делились с ним своими проблемами, читали в его адрес молитвы, приносили жертвы, а теперь все пошло наперекосяк: рухнули надежды, опора, в душе у каждого остался страх, разрушение идола могло быть знаком будущих бед!

***

Они не знали, что будет, но четко понимали, что это должно случиться, ждали этого мига…

ВОЗВРАЩЕНИЕ ГОЛУБЯТНИ И ПОКУПКА МАМЕДАГОЙ БЕЙСБОЛКИ

…Потом пошел дождь, загремел гром, засверкали молнии, в одно мгновение стало темно. Все собравшиеся, встав на колени перед останками идола, в грязи, стали молиться. Потом с неба на это место упал большой камень, и многие были погребены под ним. Это был гнев неба, люди, побросав все, бросились в разные стороны, стараясь побыстрее убежать от этого места. Все, что случилось, произошло на небе, а результатом трагедии был камень и погибшие.

Наверняка это было влияние кинофильма, что, в принципе, немудрено. По двум каналам смотреть один и тот же фильм… Такое могло свести с ума. Все фильмы, которые он видел, отошли на задний план, этот первый фильм на свободе превратился в некий сон. Стоило Мамедаге закрыть глаза, задремать, сразу в сознании появлялись останки развалившегося идола. И самым странным было то, что на месте человека с окровавленными, обгоревшими руками, собиравшего останки идола, Мамедага видел себя. И еще он видел, что окружавшие его люди смотрели на него как на спасителя, героя.

Мамедага подумал, что сейчас сойдет с ума. Что это такое, что за фильм?

Через несколько дней после встречи в полиции Мамедага вышел на балкон покурить и увидел интересную картину. Он знал, что начальник полиции, знакомый Мамедаге по детству, так сказать, свой парень со двора, в свое время дал команду убрать все голубятни. Короче, во двор въехал грузовик, четыре парня стал снимать с кузова сверкающую стеклом, ну, прямо как супермаркет, голубятню. Осторожно опустив ее на землю, установили прямо рядом с магазином. После этого один из них спросил у ребят со двора, как найти Мамедагу. Тот, надев тапочки и спустившись вниз, подошел к приехавшим ребятам.

– Вы меня искали?

Один из прибывших, на вид более солидный, учтиво поздоровался с Мамедагой и попросил его принять этот небольшой подарок от начальника полиции. Помимо этого он передал Мамедаге пламенные приветы начальника, затем, сев в машину, удалился со двора. Мамедага некоторое время стоял молча, тупо глядя на голубятню. Она была очень красива, нравилась ему. Потом, посмотрев на мальчишек, бегавших вокруг голубятни, один из которых, маленький толстячок, все пытался залезть внутрь, громко засмеялся. Мамедага обвел взглядом балконы двора. В них торчали головы знакомых и незнакомых соседей. Он посмотрел на свой балкон, где стояла мать и с гордостью смотрела на сына, и улыбнулся. Потом из глубины двора показалась сгорбленная Гызбаджи с вороньим носом, подошла к нему, обняла и радостно произнесла:

– Я поздравляю тебя! Используй на здоровье…

Гызбаджи повернулась в сторону супермаркета, увидев испуганно выглядывающего Мухтара, зычным голосом сказала:

– А ты чего там стоишь, Мухтар? Иди, знакомься, наш парень со двора.

Мухтар испуганно подошел, подал руку Мамедаге.

– Поздравляю! – произнес он, показывая щербатые зубы, и сразу замолчал. Потом вернулся в магазин, долго копался, наконец вышел с большой коробкой в руках, которую положил у ног Мамедаги, улыбнулся.

– Посмотри на этих птиц, начальник попросил меня лично их выбрать. У меня в детстве тоже были голуби, все осталось армянам…

Мухтар искусственно вздохнул, отчего Мамедагу передернуло.

Да, по указанию начальника и голубятню, и птиц организовал Мухтар, потратив на это кучу денег. Но Мухтар был дальновидным и понимал, что когда-то это возместится ему сторицей.

***

Мамедаге исполнилось сорок три года, последний день рождения он справлял в санитарном изоляторе Беюк-Шора. Друзья по камере тогда подарили ему прекрасно изготовленные нарды с надписью: «Мамедаге в подарок от братвы». За неделю до выхода на волю через одного из соседей нарды были доставлены домой и скорее всего хранились бы, как дорогая реликвия. Кроме этого, за двадцать восемь лет скитаний по тюрьмам СССР у него накопилась солидная коллекция различных памятных сувениров, каждый из которых имел свою историю, свою ценность. Годы не очень сильно затронули черты его лица. В пятнадцать, когда его взяли, это был тоненький, чернявый, надменный мальчишка. А теперь, несмотря на сорок три года, ему от силы можно было дать не больше тридцати. Такое впечатление, будто того мальчишку загримировали под старшего. Взрослость подчеркивали черные усы, крупные раскосые глаза. Но неплохим парнем был Мамедага, все перевидал на своем веку, и хорошее, и плохое… И со смертью сталкивался, в одиночку выкарабкивался из лап голода, болезней. И теперь, через двадцать восемь лет, переживая эти два дня свободы, он думал о том, что если бы не те омрачающие все прошедшие дни, она не действовала на него удручающе. Единственное, что беспокоило его, это был город, прошлое, историю которого у него насильно пытались отнять.

Да, ровно сорок три года Мамедага был гостем этого величия под названием мир, и как он сам говорил, также гостем этого города. Отец его, Муса киши, родился в деревне неподалеку от города, мать была уроженкой юга страны. Отец, будучи на свадьбе своего сослуживца по армии, увидел ее, влюбился, женился по обычаям предков. Между Мамедагой и его старшим братом Ильгаром была разница в девять лет, последний раз он его видел тогда, когда пырнул ножом соседского мальчика. Ильгар был среди зевак. Теперь Ильгару было чуть больше пятидесяти лет, и все одиннадцать свиданий с матерью Мамедага интересовался им каждый раз, стыдясь его существования. Потому что брат абсолютно не интересовался матерью, не пока-

зывался ни на свадьбах, ни на похоронах, ни разу за двадцать восемь лет, взяв в руки хотя бы коробку конфет, не пришел свидеться с младшим братом. Ильгар иногда появлялся на телеэкранах, тем самым подтверждая свое существование.

Ильгар был известным человеком, его можно было назвать и популярным журналистом. После развала Союза, когда в стране переменилась власть, он в одно время был даже заместителем министра, но потом, написав какие-то статьи против правительства, был отстранен от работы. Некоторое время болтался без дела, потом по совету друзей стал писать хвалебные статьи, вновь оказался в центре внимания и его назначили главным редактором в один из провластных журналов. Как человек, он был чист, никогда не зарился на чужое, не брал взяток, однако собственного мнения не имел никогда. Ему были чужды человеческие чувства, в нем не было понятия долга, и поэтому он был одинок. Так и жил с этим одиночеством… Не повезло ему и с семьей, лет пять-шесть назад сошелся с вдовой по имени Назлы, жившей по соседству. Позже, узнав о том, что жена гуляет, разошелся, от вдовы, которая умерла во время родов, осталась дочь. Отдав ее в детский дом, Ильгар забыл о существовании дочери.

Мамедага, каждый раз вспоминая брата, раздражался. Когда он представлял себе существование такого человека, ему хотелось биться головой о стену. Ильгар для родителей, родственников, брата был инопланетным существом, и если бы он когда-нибудь стал президентом (хотя у нас умный народ, и это невозможно), для родственников от этого не было бы никакой пользы, но, может, население в этом случае выиграло бы. Впрочем…

Когда Ильгар оканчивал школу, Мамедаге еще не было восьми лет, и однажды этот шебутной непоседа, подравшись с мальчиком на два года старше него, разбил ему голову, за что старший брат мальчика избил Мамедагу. Тот, пригрозив мальчишкам своим старшим братом, прибежал домой и все рассказал Ильгару. А Ильгар, вместо того, чтобы побежать во двор и наказать обидчика его младшего брата, залепил оплеуху сопливому Мамедаге:

– Подравшись, не беги ко мне за подмогой.

После этого Мамедага возненавидел брата, иногда в душе даже желая его смерти.

Почему-то, думая об Ильгаре, Мамедага вдруг вспомнил детство и ему захотелось порасспрашивать о брате у матери, но он тут же передумал – чтобы не расстраивать ее.

Ему очень хотелось вернуть назад былые времена города, пусть не полностью, хотя бы часть. Чтобы мужчины вновь, собираясь во дворе, играли в нарды, женщины носили соседям что-то из приготовленной ими еды, дети играли в различные игры, иногда дрались… Чтобы вновь звучал дворовой гомон, а счастье можно было бы прочесть на лицах. Пусть хотя бы понарошку вывесят афишу старого кинотеатра, на которой было бы известие о новом индийском фильме. А косоглазый директор кинотеатра Лятиф, стоя на «атасе» у дверей, отгонял бы мальчишек, пытавшихся пробраться в кинозал. А дети, бегая туда-сюда, пели бы хором последнюю песню из фильма. Чтобы со двора доносилась свадебная музыка лезгин, талышей, пусть даже армян, а дети, перекрыв веревкой дорогу свадебному кортежу, требовали выкуп. А отец жениха вышел бы из машины, начал раздавать деньги детишкам, которые, побежав на детскую площадку перед кинотеатром «Россия», катались бы на электрических машинах.

Но этой площади уже не было, там шла большая стройка.

Мамедага почему-то верил, что те дни еще вернутся.

После того, как Мамедага с дворовыми детьми закончил благоустраивать крышу голубятни, он запустил туда птиц, принесенных Мухтаром, и закрыл дверь. Он не стал мучить птиц, обрезая им крылья, просто решил, что они должны привык-

нуть к новому жилищу. После этого Мухтар пригласил его в свой магазин, завел в кабинет, угостив чаем, заговорил:

– Гага[1], с сегодняшнего дня ты мой старший брат, я всегда к твоим услугам. Это не секрет от Аллаха и от тебя скрывать незачем, это мой один магазин, на базаре у меня две «точки», да в аэропорту на толкучке (Мамедага не знал, что это такое, однако еще в тюрьме слышал, что толчок то ли сгорел, то ли подожгли) три контейнера. Гага, клянусь Аллахом, живу неплохо, но ты мне очень нужен, я знаю про твой авторитет, знаю, что твое слово проходит везде. Я хочу, чтобы ты меня «крышевал». С одной стороны, начальник полиции, с другой – ты, давай вместе крутиться, чтобы меня никто не топтал. А я буду твоим младшим братом…

Мамедага прекрасно понял Мухтара, уже знал, кто обложил его данью, и что он не хочет полностью выплачивать ее, или же рассчитывает уменьшить сумму.

– Ладно, а что я должен для тебя делать?

– Ничего, – осклабился Мухтар, – я знаю, что тебе никто не будет перечить. Здесь есть некие Афтош и Гочу Эльман, они пятого числа каждого месяца приходят сюда и требуют с меня, – Мухтар боязливо оглянулся, перешел на шепот, – требуют за каждую точку по пятьсот долларов. Сделай так, чтобы они больше не приходили.

Мамедага встал, Мухтар же, увидев это, испуганно вскочил.

– Садись в машину, поехали на берег моря, продолжим разговор. Не бойся, на чистом воздухе и разговор будет чистым.

Мухтар завел свой «Мерседес» цвета металлик и поехал в сторону моря. Холод последнего месяца осени, ветер, завывающий в переулках города, мутные, пенистые волны, чайки, с пронзительными криками проносящиеся мимо машины, автомобили, выстроившиеся вдоль бульвара и подрагивающие от ветра, что-то напомнили Мамедаге. Некоторое время оба молчали, потом молчание нарушил Мамедага:

– Давай говорить открыто, как мужчины, чтобы потом между нами не было разногласий. Сделать то, о чем ты просишь, не так и легко, хотя что-то и можно решить, потому что одного из тех, кого ты назвал, я знаю. Тот самый Гочу иногда приходил в тюрьму, навещал нас, приносил братве долю. Я поговорю с ними, и думаю, что меня они послушаются. А что я получу взамен?

– Как ты скажешь, так и будет, – ответил Мухтар, заикаясь.

Мамедага зажег сигарету, потом, нагнувшись, поднял плоский камень, бросил в сторону чаек, летающих над волнами. Пара чаек испуганно метнулась в сторону, остальные же продолжали известные только им игры. «Видимо, они уже привычны к таким вещам», – подумалось Мамедаге.

– Давай поступим так: я не знаю, какая у тебя договоренность с начальником, с теми ребятами, ты сказал, я выслушал. Сколько у тебя всего точек?

– Одиннадцать.

– Одиннадцать… Значит, в месяц это делает пять тысяч пятьсот долларов. Я правильно подсчитал?

– Нет, пять тысяч, пятьсот они простили мне, как беженцу, сказали, чтобы я их отдавал семье брата, – внес поправку Мухтар.

– Отдаешь?

– Д-д-да… Да как же иначе? – смешался Мухтар.

– Какая сумма тебя устраивает?

– Клянусь Аллахом, не знаю, но чем меньше, тем лучше…

Мамедага усмехнулся, в последний раз затянувшись, швырнул сигарету в волны. Чайки, подумав, что это еда, накинулись на окурок.

– Мухтар, то, что ты говоришь открыто, мне нравится, но скажи честно одно: что тебе выгодно – отдавать деньги нескольким людям или одному, которого хорошо знаешь, парню с твоего двора?

[1] Приблатненный вариант уважительного обращения мужчин друг к другу.

– Конечно, парню с нашего двора, – запинаясь, сказал Мухтар.

– Тогда те пятьсот ты продолжай отдавать семье брата, пусть не нуждаются. Из пяти тысяч пятьсот каждый месяц от имени нашего двора будешь перечислять в фонд армии, пятьсот, независимо от того, дома я или нет, передаешь моей матери, пятьсот я тебе прощаю, а три тысячи в месяц отдаешь лично мне. Что я буду делать с ними, мое дело.

У Мухтара пересохло в горле, он не мог говорить, только про себя ругал начальника полиции. Понимал, что на пустом месте влип в грязь, потому что про брата он соврал Мамедаге. На самом деле он иногда подбрасывал из магазина семье брата пять-шесть килограммов муки, чуть масла и несколько «ширванов» (*разговорное название азербайджанских денег в конце 90-х начале 2000 года, «Ширван» равен нынешним двум манатам)*. Это Мухтар считал для себя экономией. Теперь все оборачивалось по-другому, и если правда о брате всплывет, ему будет плохо.

– Ты меня понял?

– Понял, понял, – сказал Мухтар, в уме быстро подсчитывая математический расклад Мамедаги.

– Мне холодно, поехали во двор, – сказал Мамедага, садясь в машину. – Кстати, какое сегодня число? – спросил он Мухтара.

– Кажется, второе, – ответил тот. Потом, уже в кабинете магазина, Мамедага сообщил Мухтару, что из суммы, причитающейся ему, две тысячи нужны сейчас. Мухтар молча, ничего не спрашивая, открыл сейф и передал Мамедаге требуемую сумму.

Вечером того же дня Мамедага отправился в управление полиции, встретился с начальником, со всем подробностями пересказал ему разговор с Мухтаром. Рассказывая, он почувствовал, что начальник о разговоре прекрасно осведомлен. Потом вынул из кармана сумму, полученную от Мухтара, аккуратно разделил поровну, одну положил в карман, другую на стол перед начальником.

– Я не знаю, что тебе платили другие ребята, меня это не интересует, с этого дня пятого числа каждого месяца вы будете получать эту сумму от меня. Что вы берете с Мухтара, мне тоже неинтересно, но будет хорошо, если никто не будет вмешиваться в наши дела. Ведь мы ребята с одного двора.

Начальник очень хорошо понял смысл слова «мы».

Проводив Мамедагу, начальник сел, задумался, и, все проанализировав, понял, что Мамедага – далеко не простой человек. Позвонив Мухтару, пригласил его утром к себе, и между ними состоялся следующий разговор:

– У тебя нет другого пути, ты прекрасно знаешь, что весь город говорит о твоих средствах. Мамедага мне пока нужен в этом городе… А из-за тебя я не могу в городе допустить разброд. Мамедага очень уважаемый человек, его слово проходит везде, я все разузнал. Ты пока не перечь ему, а дальше посмотрим. Все нормально, держи язык за зубами, слышишь?

Когда Мухтар, согласившись со всем, поплелся в магазин, Мамедага только-только закончил кормить голубей и, забрав с собой всю пацанву со двора и даже маленького толстячка, на новой толкучке старого базара искал себе шапку. Мухтар же, собрав солидный набор продуктов из магазина, отправил его Мамедаге домой.

Базар был отдельной темой для разговора. На самом деле весь город был похож на базар, но этот был настоящим. Двадцать восемь лет назад перед фонтаном рядом с базаром Мамедага впервые увидел поножовщину. Сперва испугался, потом любопытство взяло верх, и он все досмотрел до конца. С того дня он стал носить нож в кармане. И, видимо, результатом того любопытства были двадцать восемь лет за решеткой. И если сегодня кому-то сказать, что на этом месте когда-то стоял фонтан, в котором плавали золотые рыбки, люди почему-то бросали туда монетки, а пацанва с нетерпением ждала дня смены воды в фонтане, чтобы собрать монетки, никто ему не поверил бы. Но все это было, Мамедага это четко помнил.

Теперь на площади, где стоял фонтан, возвышались двухэтажные магазины, различные маркеты сверкали стеклом, от реклам разбегались глаза, и все это Мамедаге больше напоминало не город, в котором он родился, а декорации какого-то фильма. Даже запах был другой, пахло алчностью, ложью. Продавцы, пытаясь сбыть товар, клялись и божились, покупатели верили и не верили…

– Клянусь сыном, продаю по своей цене!

– Именем почтеннейшего Аббаса *(сын пророка Али)*, такого товара на рынке ты больше не сыщешь.

– Да буду я ограшем *(подонок, сводник)*, если это плохой товар!

– Пусть сын мой умрет…

И т.д., и т.п.

От этих клятв начинала болеть голова. Самым противным было то, что здоровенные мужики, абсолютно не стесняясь, торговали женским бельем, а женщины покупали… Естественно, должны были купить, не ходить же голыми…

Еще немного, и Мамедага сошел бы с ума, но быстро взял себя в руки. Забыв про все, он начал искать то, что искал – кепку, но ни на рынке, ни в громадных магазинах никто их не продавал, а то, что было, не устраивало его ни по моде, ни по странному покрою. Мамедага хорошо помнил, что на краю рынка был магазинчик по продаже кепок, и однажды отец его водил туда. Тогда Муса хотел сшить себе кепку, а маленький Мамедага с ревом выцыганил и для себя кепку, которую хорошо помнил. Он очень много слышал об этом портном от отца, знал, что тот даже приходится им дальним родственником. Теперь на месте магазинчика была небольшая донерная, вокруг которой толпился народ, желающий перекусить.

– Гагаш *(дружище)*, пусть работа твоя спорится.

– Тебе в лаваше или в хлебе?

Мамедага засмеялся.

– Нет, ни в чем, ты мне скажи, здесь когда-то был магазин шляпника Абдуллы, где он сейчас, хочу кепку купить…

Парень растерялся, заморгал глазами, взглянул на Мамедагу.

– Абдулла киши скончался двенадцать лет назад, а что случилось?

Мамедага вдруг обмяк, словно внутри что-то оборвалось, ему показалось, что буквально сейчас он захотел встретиться с Абдуллой, почувствовать от общения с ним запах прошлого, запах отца.

– Аллах рехмет елесин … Хотел кепку себе купить, но, как видно, не судьба. До свидания.

Мамедага повернулся, сделал пару шагов, и тут почувствовал чью-то руку на локте. Это был тот самый парень-донерчи.

– Я самый младший сын Абдуллы, зовут меня Наджаф, но тебя я не узнал…

Мамедага вновь усмехнулся.

Парень посмотрел на него, на стайку малышей вокруг него, сунул руку в карман грязного халата, что-то поискал, потом вытащил платок, вытер лоб. Мамедага внимательно посмотрел на него и неожиданно понял, что черты лица парня сходятся с чертами покойного, запечатлевшимися в глубинах памяти. Правда, Абдулла был полноватый, а этот молод, худощав и хилый, но общее сходство было несомненно.

Мамедаге вначале захотелось повернуться, уйти, не продолжать разговор, но не смог, что-то удержало его, словно магнит.

– Ты не знаешь меня, правда, мы родственники, я сын покойного Мусы. Меня давно не было в городе.

Парень заулыбался, глаза заблестели.

– Так мы родственники… Ты не сын тети Зибейды? – Наджаф с повлажневшими глазами обнял его.

– Родной мой, проклятие дьяволу, не узнал тебя.

От фразы «родной мой» в памяти сорвался еще один кирпич и, прямо как в кино, рассыпался на мелкие кусочки. Мамедага хорошо помнил, что с ребятами из этой семьи он был очень дружен, летними днями они вместе отправлялись на дынные поля Абдуллы неподалеку от города, играли, но самое главное, по настоянию взрослых друг друга называли «дядин сын», то бишь, двоюродный брат.

– Спасибо, Наджаф, спасибо, дорогой. – Потом пошутил.– Слушайте, вы взрослые мужики, мог же хотя бы один из вас сохранить лавку шляпника. Что с вами случилось, все продаете женской белье?

Наджаф покраснел так, будто стоял не рядом с Мамедагой, а с донерной печкой. Ему стало стыдно.

Мамедали был прав, на самом деле кто-то из семьи Абдуллы киши мог бы унаследовать его профессию, продолжая ее из поколения в поколение. Ведь говорили же, что и отец, и дед покойного были известными шляпниками. Дети же его не смогли этого сделать. Впрочем, это неверно, дело в том, что покойный научил шить шапки только младшего, Наджафа, который освоил эту специальность не хуже отца. После смерти отца год-два он еще работал в его магазинчике, но после того, как интерес к этой специальности стал падать, Наджафу пришлось изменить воле отца. Потом появился «его величество» Горбачев, страна в одно мгновение развалилась, и все пятнадцать республик вдруг осознали, что семидесятилетняя дружба и братство канули в лету, под прикрытием братства прятался злой змей. Его пробудили и все начали кидать друг в друга камнями, а когда очнулись, увидели, что эти камни превратились в автоматы и пушки. Неразбериха, политический хаос охватили всех, люди растерялись. Одним из растерявшихся оказался и Наджаф. В конце этих событий все оказались хозяевами магазинов и лавок… Одним из тех, кто поплыл по течению, был и Наджаф. Когда-то отцовский магазин по продаже шапок сделал его мелким предпринимателем. Но через год-два директор рынка с планом строительства и разрешением местных властей в руках обошел все лавчонки и объявил: «Теперь хозяин всего этого я, кто желает, будет работать со мной, кто не хочет – до свидания». Поистине конкретное заявление человека, который хорошо знает свое дело, но никогда не думает о других. Тогда Наджаф, как и все другие, взял свой родной магазин в аренду у нового хозяина и продолжал изготавливать головные уборы. Вначале все было более или менее нормально, через некоторое время работать стало невыгодно, стало ясно, что расходов больше, чем доходов, интерес к кепкам упал, а может, его уже не было совсем, и он вынужден был сменить работу. Заняв немного денег, он переделал свой магазин в донерную. Теперь дела у него шли неплохо, ведь люди, экономя на многом, с желудком не шутили, хотя именно аппетит мог быть источником всех бед. Обо всем этом Наджаф рассказывал Мамедаге, пытаясь как-то оправдать свои действия:

– Время такое, надо как-то выкручиваться, чтобы не оказаться под ногами толпы…

Мамедага, дабы не обидеть, выслушал Наджафа:

– Тебе лучше знать, работай, увидимся.

Наджаф очень хотел чем-то угодить Мамедаге, посидеть с ним, поесть, выпить, но Мамедага не согласился. Сославшись на то, что должен с кем-то встретиться, расстался с Наджафом.

Наджаф, глядя вслед Мамедаге, вдруг почувствовал, что он противен сам себе, боится смотреть в глаза окружающим. Ему казалось, что с возвращением Мамедаги вернулся и дух Абдуллы киши, который, сидя в своем магазине, ждал возвращения Наджафа. «Дух отца вернулся, чтобы плюнуть мне в лицо», – подумал Наджаф.

Сколько Мамедага ни ходил по базару, но так и не смог найти кепку, сшитую по старой моде. Наконец нашел нечто, что могло заменить кепку, и называлось это современным языком «бейсболка».

Да, Мамедага, изучив атмосферу базара, понаблюдав за выражением лиц людей, понял, что независимо от того, что ты надеваешь на голову и как это называется, абсолютно не зависит, назовут тебя мужчиной или нет. И поэтому, надев на голову бейсболку, задал себе резонный вопрос: «А имею я право ходить, надев на голову «шапку мужчины»? Если сын шляпника Абдуллы не может содержать семью этим ремеслом, о каком мужском начале можно говорить?» Потом, уже уходя с базара, подумал: «В наше время шапки надевали мужчины, настоящие мужчины, у которых не было проблем с мужеством, уважением, национальностью». Теперь не только у Мамедаги, но и у всей нации подобных проблем полон рот, никто не имеет права не только шить эти шапки, но и надевать их!

Когда Мамедага с ребятами вошел во двор, он вдруг приостановил шаг, поправил бейсболку и спросил:

– Ну как?

– Отлично, – хором загалдели ребята.

Мамедага, посмотрев на малышей, добавил:

– Это лучший вариант. – Помолчал, вновь заговорил: – Даст бог, шапки мужчин вы будете надевать…

ВСТРЕЧА МАМЕДАГИ С БРАТОМ ИЛЬГАРОМ И ВИЗИТ В ТЮРЬМУ С МУХТАРОМ

Пятого числа с утра пораньше Мамедага встал, умылся и, надев бейсболку, спустился во двор. Магазин Мухтара был еще закрыт, внутри сидел лишь охранник Рза киши, с удовольствием куривший вставленную в мундштук вонючую сигарету «Бакы». Увидев Мамедагу, Рза киши открыл дверь магазина, вышел, вслед за ним на улицу вырвался вонючий дым.

– Доброе утро, Рза…

– Доброе утро, – Рза киши закашлялся. Потом, продолжая кашлять, ответил на несколько вопросов Мамедаги, сообщил, что Мухтар в магазине раньше десяти не появится, потому что вчера он заполнил магазин товаром и пару дней не будет необходимости ездить на оптовые рынки. Обычно в такие дни Мухтар отдыхал. Мамедага, спросив у охранника время, понял, что до прихода Мухтара еще два часа, и решил покормить голубей. Покормив их прямо в голубятне, поднялся домой выпить чаю. Когда он входил в ворота двора, увидел вошедшего во двор худого, седого, в больших роговых очках сутулого человека. Сбавив шаг, он пошел за ним. Тот поднялся по лестнице, подошел прямо к двери квартиры Мамедаги, нажал на кнопку звонка. Мамедага подошел сзади, остановился, внимательно посмотрел на гостя. В это время Зибейда открыла дверь и вплеснула руками:

– Вы где это нашли друг друга? – От этого вопроса матери Мамедага и гость растерялись, взглянули друг на друга, и тут Мамедага узнал своего брата Ильгара.

– Не стойте у входа, проходите, – засуетилась Зибейда, потом побежала на кухню.

Он прошли внутрь, Ильгар – в гостиную, Мамедага – в кухню к матери:

– Почему он пришел?

– Почему ты у меня спрашиваешь, он же с тобой пришел? – не поняла Зибейда.

– Он не со мной пришел, я его в подъезде встретил…

Зибейда, увидев сыновей вместе, подумала, что Мамедага с утра пораньше спустился во двор, чтобы встретить брата, но после этой фразы, поняв, что это была инициатива Ильгара, даже немного обрадовалась. Но она эту радость загнала поглубже, так как не могла простить Ильгару не только того, что он годами не появлялся в этом доме, но даже не пришел на похороны родного отца. Она не представляла себе, как Ильгар смоет этот грех, но очень хотела, чтобы он вернулся,

вновь открыл эту дверь и чтобы сыновья подружились. Это была мечта матери, которую она давно лелеяла. Но и Зибейда была непростой, никогда не сгибалась перед проблемами, одиночество ее не сломило. Все, что было, она скрывала внутри себя. Никто даже не догадывался об этом. Когда у Ильгара дела шли хорошо, – она это слышала от людей, – как мать, радовалась, разговаривала с покойным мужем, рассказывала ему… В тяжелые дни сына опять говорила с покойным Мусой, шепталась с ним. Но болезнь сделала свое черное дело. Зибейда заболела язвой желудка, появились проблемы с сердцем, одним словом, она стала зависимой от врачей. Но мир не без добрых людей, они нашлись, помогли ей. Братья Зибейды отвезли ее в Москву, 12 декабря 1981 года ей сделали операцию. А теперь два брата, собравшись в одном доме, чего-то ждали. Мамедага был взъерошенный, а Ильгар, сидя на диване, читал в газете «Супер Маркет» еженедельную программу.

– Нехорошо, не стой возле меня, как бы то ни было, вы братья. А я сейчас чай принесу… – сказала Зибейда.

Когда Мамедага обернулся, он увидел, что Ильгар стоит, прислонившись к притолоке, и смотрит на них.

– Я, наверное, пойду, – сказал он неуверенно.

– Ты что, пришел, чтобы уйти? – возмутилась Зибейда. – Идите, садитесь, я сейчас приду, принесу чай…

Ильгар и Мамедага прошли в гостиную. Один сел на диван, другой в видавшее виды кресло; помолчали. Ильгар, несмотря на то, что был старше, всегда стеснялся брата, но в то же время пытался понять, откуда, по какой причине исходит эта стеснительность.

Об освобождении Мамедаги Ильгар узнал от бывшей соседки-журналистки, которая пришла к нему в редакцию. После информации журналистки в голове Ильгара словно произошла революция. Он вдруг вспомнил, что у него есть брат Мамедага, и он не видел его более тридцати лет.

Теперь, сидя в отцовском доме в старом кресле, он переваривал информацию журналистки и не мог вспомнить, как он пришел сюда. Помнил лишь, что после того, как он узнал об освобождении брата, пришел домой, открыл холодильник, достал сметану, взял хлеб и, кушая, вдруг вспомнил, что у него еще есть и мать по имени Зибейда, а еще был и отец, который очень-очень давно водил трамвай и однажды скончался. Для того, чтобы вспомнить имя отца, хотел было заглянуть в паспорт, но ему было неохота подниматься, и он отложил это на другое время, укрылся одеялом и уснул. Но эта ночь дорого обошлась ему. До самого утра ему снились лицо брата, мать, готовящая еду на кухне, отец, проверяющий его дневник. Во сне он и вспомнил имя отца. Он прямо во сне пытался оправдать себя: у писателя или журналиста обычно бывает псевдоним, и вполне вероятно, что отчество забывается. Ильгар для всех был Ильгаром Метином[1], но с истечением времени этот псевдоним стал казаться ему смешным.

Каждый день выступавший по телевидению, ежедневно печатавшийся в газетах, дававший интервью журналист Ильгар теперь сидел перед своим необразованным братом и не знал, о чем говорить, и не подозревая, что это молчание раздражает брата. Чем больше затягивалось молчание, тем больше Ильгар жалел, что пришел сюда. Как хорошо, что в этот момент в комнату вошла Зибейда с подносом. Когда она входила, Мамедага мучительно искал повод, чтобы избить брата.

– Я что, должна вас знакомить, вы что, воды в рот набрали? Или за эти двадцать восемь лет у вас была возможность встретиться, пообщаться?

Зибейда специально начала говорить таким тоном, чтобы никто из них первым не высказал обиду. Приход Зибейды в гостиную действительно оказался полезным –

[1] mətin (азерб.) – крепкий, стойкий, неколебимый.

Мамедага встал, подошел к брату; братья обнялись. Потом вышли на балкон, Мамедага попросил у Ильгара разрешения закурить, тому это очень понравилось. Поговорили о том, о сем, Ильгар рассказал о редакции, о людях, которых Мамедага не знал, поделился творческими планами, посетовал на обилие работы, выразил недовольство тем, что очень мало профессиональных журналистов. Никогда не куривший Ильгар попросил сигарету, но после первой затяжки закашлялся, покраснел, на глазах появились слезы.

– Как ты куришь это? – в шутку спросил он, на что Мамедага ответил также шутливо:

– Это не сигареты журналиста, это курево голубятника…

Ильгар, хотя и не понял шутки Мамедаги, тем не менее засмеялся; оба, посмеиваясь, зашли в гостиную. Зибейда приготовила завтрак, пожарила яичницу. Братья, как ни в чем не бывало, говорили о том, о сем, но Ильгар, поглощая яичницу, не мог понять одного: это было популярное блюдо, которое он готовил практически ежедневно, однако вкус яичницы, приготовленной им, не шел ни в какое сравнение с этой. Причины он не мог понять и все мучился, спросить у матери рецепт или не стоит.

…Когда взяли Мамедагу, Ильгар окончил университет и работал редактором в издательстве. Это был молодой, перспективный, из трудовой семьи парень, более того, бывший студент главного редактора. Поэтому все двери перед ним распахнулись. Спокойный, послушный, исполнительный, он вскоре стал всеобщим любимцем, а самое главное, был на хорошем счету у начальства. Были вокруг него лентяи, безответственные, но те только завидовали Ильгару. Но самым главным было то, что география его командировок в республики тогдашнего СССР, а потом и во многие страны мира сделало его интересным объектом для многих. И вот тогда у него возникла странная проблема. В первый раз, перед командировкой за рубеж, ему кровь попортило заполнение анкеты. Так, в графе «имеете ли родственников за рубежом или в местах заключения», он хотя и написал «нет», через несколько дней его вызвали в некое уважаемое учреждение и вновь задали этот вопрос. Молодой, еще неопытный журналист, он сильно испугался, а потом, запинаясь, рассказал о брате, который сидел в тюрьме. Когда же сотрудник, беседовавший с ним, спросил о причине неверного ответа в анкете, Ильгар вполне искренне ответил:

– Если бы он был моим братом, не поступил бы таким образом. – Потом добавил: – Я вообще отказываюсь от него.

Чиновник насмешливо посмотрел на него, потом неожиданно стал смеяться. Видимо, от чувства собственного величия ему так было смешно, что смех перешел в откровенный хохот, лицо покраснело от натуги.

– Ладно, идите, через пару дней встретимся, – сказал он, все еще посмеиваясь.

Так и случилось, ровно через два дня Ильгара пригласили в то же учреждение, в ту же комнату. Ему было предложено сотрудничество с этой организацией. Напуганный Ильгар, даже не представляя себе, что может последовать за отказом, поспешно сказал, что готов к сотрудничеству.

С того дня он стал их сотрудником. Это продолжалось достаточно длительное время, особенно тогда, когда власть сменилась и на повестку дня встал «банный вопрос», когда другие национальности стали уезжать из страны. Даже сейчас его кое-кто считает сотрудником этой организации, однако лет двенадцать назад его снова вызвали в тот же кабинет и заявили, что больше не нуждаются в его услугах. В тот день Ильгар, поняв, какая гора упала с его плеч, по дороге домой купив бутылку водки «Распутин», четыре полуфабрикатные котлеты, буханку хлеба, устроил себе праздник «свободы и независимости». Уже достаточно захмелев, он сел за печатную машинку и написал стих.

Глоток воды есть вожделение,
Такое же, как и глоток воздуха…
Небеса в тучах хотят излиться дождем,
Люди хотят стать землей…
Нет ли конца этим вожделениям?
Дождь оторвался от тучи,
Тучи вожделенно плачут,
Когда люди становятся землей
От разлуки…

По его мнению, это было простенькое стихотворение. Ну, написал и написал…

Вдруг Ильгар вспомнил ту анкету, сотрудника того учреждения и вздрогнул. Мамедага говорил, а Ильгару казалось, что тот знает все – и о том, что он в свое время отказался от брата, и о том, что он долго сотрудничал с той организацией. «Видимо, поэтому Мамедага подшучивает надо мной», – думал Ильгар. Он был расстроен, хотя на самом деле Мамедага ни о чем не знал. Впрочем, и Мамедага вел себя таким образом лишь только из-за матери, чтобы не обидеть ее. Хотя Мамедаге это притворство было противно. В то же время, видя, как Ильгар то бледнеет, то краснеет, он стал понимать, что Ильгар очень нуждается в брате и матери, и если его не поддержать, тому будет очень плохо.

Мамедага вдруг поймал себя на мысли, что Ильгар сильно постарел. Самое интересное было в том, что в дверях, встречая брата, Мамедага этого не заметил. И ему показалось, что Ильгар постарел именно после прихода в родной дом. На самом же деле Ильгар постарел намного раньше. Поседели волосы, пропал былой блеск в глазах. Сидя с братом, Ильгар чувствовал себя бесконечно усталым, беспокойным, его все еще одолевали вопросы. «А нужно ли сохранять принципы родства?» – спрашивал себя Ильгар.

Вдруг Мамедаге показалось, что Ильгар не слушает его. Мамедага замолк, и тут Ильгар, поднял голову, рассеянно спросил:

– О чем ты говорил, братишка, я прослушал.

Мамедага вздрогнул. «Братишка» растопил между ними лед в одну секунду. Мамедага встал, подошел к брату, встал напротив:

– В детстве ты меня всегда называл «братишка», и я всегда любил тебя за это.

***

Входную дверь открыл Мамедага. В дверях, совсем поникший, стоял Мухтар. Мамедаге стало смешно, но он сдержался и попытался по взгляду Мухтара понять, что с ним происходит. Мухтар отнюдь не был похож на хорошего человека, на зоне таких называли «человек в маске». Такого рода люди были опасными, они были способны на все, могли нанести удар в спину.

– Ты меня искал, брат? – спросил заискивающе Мухтар.

– Побудь внизу, скоро мы с тобой кое-куда поедем. По твоему делу.

Мухтар, как послушный ягненок, поплелся вниз. Мамедага, обернувшись, увидел, что мать с интересом смотрит на него.

– У меня дело с ним, нужно съездить в одно место.

– Аллах в помощь тебе, сынок.

Мамедага почувствовал недовольство в речи матери, однако причины не понял, прошел в комнату к брату.

– Ты меня извини, у меня очень важное дело, но тебе с нами ехать нежелательно. Ты занимайся своими делами, а еще лучше оставайся у нас, пообщайся с мамой, а я через пару часов вернусь.

– Ты обо мне не беспокойся, – протянул руку Мамедаге Ильгар.

Когда Мухтар пришел на работу, охранника Рзы уже не было, но тот предупредил продавцов, что Мамедага ищет хозяина. Перепуганный Мухтар тут же стал звонить начальнику полиции, но того не оказалось на месте. Стал звонить на мобильный, но вместо начальника ответил его водитель, который сказал, что его шеф у министра. Все это произошло в считанные минуты, и когда Мухтар понял, что ждать помощь неоткуда, вызвал в кабинет Гюлю и, трясясь от страха, попросил у нее совета. Гюля понимала, что она в этом деле плохой советчик, тем не менее, сказала, что пусть лучше Мухтар не ждет, а опередит Мамедагу, и сам найдет его. Мухтар признал, что совет разумный, и отправился к дому Мамедаги. Хладнокровное «подожди меня внизу» совсем расстроило Мухтара, он буквально потерял голову, стал снова лихорадочно набирать телефон начальника. Не обращая внимания на ответ «звонки не доходят до абонента», он продолжал нажимать на кнопку вызова. Когда Мамедали в бейсболке, натянутой до глаз, спустился вниз, Мухтар был в таком состоянии, что собирался мобильник грохнуть об асфальт.

– Значит так, сегодня пятое число?

– Да… брат…

– И, наверняка, ты готов?

– Да… брат…

Мамедага взял Мухтара под локоть и повел к магазину. Когда они прошли в кабинет Мухтара, Гюля быстро подскочила к двери и стала подслушивать .

– Я тебя отведу к хорошим ребятам, чтобы окончательно решить твой вопрос. Но будет лучше, если этот вопрос и место, куда мы поедем, останутся между нами. Впрочем, как знаешь, я предупреждаю только лишь ради тебя.

Когда Мамедага потребовал остаток суммы, то есть три тысячи долларов, Мухтар, как истинный скупец, трясущимися руками открыл сейф, отсчитал деньги и протянул Мамедаге. Тот, не считая, положил их в карман, потом, попросив у Мухтара ручку и бумагу, стал что-то писать. Протянув листок Мухтару, сказал:

– Поручи, чтобы все это подготовили.

Мухтар краем глаза взглянул на бумагу и удивленно захлопал глазами. Это был список продуктов и сигарет.

– Зачем нам все это, брат?

– Не торопись, наберись терпения.

Мухтар вызвал Гюлю, передал ей список и поручил быстро собрать все в пакеты. Ему было не по себе, да и начальник полиции куда-то запропастился. Одним словом, время играло против Мухтара. Из списка не хватало только мяса, его должны были подвезти к часу дня. Мухтар все надеялся, что мясник опоздает, но тут со стороны кинотеатра раздался звук сигнала «Жигулей» мясника Исфендияра. Мухтар, чертыхаясь и проклиная судьбу, добавил к собранным продуктам пять килограммов баранины.

– Брат, все готово.

Мамедага с кем-то разговаривал по телефону и, продолжая говорить, сделал знак Мухтару сесть. Мухтар в собственном кабинете чувствовал себя неуютно. Мамедага словно прочел его мысли.

– Садись на свое место и не переживай. Я один раз сказал, что решу твою проблему. Если возникнет непредвиденное, скажешь, что я перекупил у тебя этот магазин. Ясно?

– Ясно, брат…

– А теперь посчитай, сколько все это стоит, – Мамедага показал на пакеты. – Только побыстрей, времени мало.

Мухтар не поверил собственным ушам, ему казалось, что Мамедага не будет оплачивать продукты. В принципе, Мухтар в своих думах был прав, ибо если на месте

Мамедаги был бы начальник, тот даже не подумал бы платить, заявляя «что все делается ради тебя». А теперь Мамедага требует, чтобы он посчитал стоимость продуктов. Мухтару это очень понравилось.

Мухтар поручил Гюле произвести расчет, и когда она назвала сумму, Мамедага, быстро в уме переведя доллары в манаты, протянул Мухтару купюры, причем на пять долларов больше. Мухтар же, открыв сейф, достал пятидолларовую купюру и протянул Мамедаге.

– Деньги счет любят, – сказал Мухтар.

Когда «Мерседес» Мухтара выехал за город, за ним пристроился черный «Ниссан». Мамедага с Мухтаром свернули с аэропортовской трассы на дорогу в поселок «Бина»; выехав из поселка, поехали в сторону одного из учреждений по отбытию наказаний, то есть тюрьмы. Мамедага вышел из машины, прошел на КПП, предъявив документы, сказал, что хотел бы получить свидание. Не обратив внимания на ответ начальника КПП, он сказал:

– Послушай, брат, я прекрасно понимаю, что невозможного ничего нет, но мне эта встреча важна, так что позови сюда начальника.

Начальник КПП Юсиф внимательно посмотрел на Мамедагу:

– Постараюсь, – ответил он, прошел в здание КПП, через минуту вернулся. – Начальника нет, но сейчас подойдет Керим муаллим и примет вас.

Через некоторое время к КПП подошел полноватый мужчина с погонами майора на кителе, с длинными, как у орангутанга, руками и медвежьей походкой.

– Слушаю…

Как выяснилось, этот майор был начальником оперативного отдела тюрьмы, то есть правой рукой начальника, его денежным мешком. Мамедага сказал ему, что хотел бы встретиться с братками, которые находятся в этой тюрьме. Майор отвел его в сторону, спросил о цели встречи, потом заявил, что это очень ответственное дело, потом прошептал на ухо Мамедагу сумму за организацию встречи. Получив от Мамедаги две стодолларовые бумажки, дал поручение Юсифу и ушел.

Мамедага, подталкивая Мухтара, прошел на территорию тюрьмы. Мухтару было тяжело, он нес большую часть пакетов с продуктами. Когда они подошли к помещению, где должна была состояться встреча, к ним тут же подскочили тюремные «таксисты», зарабатывавшие переноской вещей по зоне. Узнав адрес назначения пакетов, «таксисты» забрали их и мгновенно исчезли. Мамедагу с Мухтаром привели не в обычную комнату для свидания, а в чистый, аккуратный кабинет с телевизором, видеомагнитофоном, холодильником. Мамедага, которому очень хотелось пить, заказал чай, потом, взглянув на Мухтара, еле сдержался от смеха. Мухтар, с выпученными от удивления глазами, механически выполнял указания Мамедаги, при этом ничего не понимая, что происходит. В то же время Мухтару все это было интересно. Когда Мамедага с Мухтаром прошли на территорию тюрьмы, один из пассажиров «Ниссана» вышел из машины, с кем-то поговорил по телефону, потом снова сел в машину, которая, развернувшись, поехала обратно.

Мамедага только пригубил чаю, как в комнату вошел высокий, лет двадцати двух-двадцати пяти молодой человек в черной рубашке, в черной кожаной безрукавке, с бородкой, подстриженной под религиозного деятеля, в аккуратной шапке. Вслед за ним в комнату вошли еще двое парней в черном. Вошедший первым, увидев Мамедагу, обнял его.

– Брат, какими судьбами? Ты когда вышел? А это кто?

Мамедага кивнул в сторону Мухтара:

– Наш человек, с нашего двора, брат погиб в Карабахе, он содержит его семью. Свойский парень… Мы разговаривали о братках, так он предложил: давай съездим, навестим их. В принципе, он меня сюда привез…

– Спасибо ему!

Мамедага сделал знак, и бородатый встал и вышел в другую комнату. Немного выждав, за ним пошел и Мамедага. Рассказав бородатому все, попросил решения вопроса.

– Каждый месяц названная мной сумма будет доставляться вам. В нашем городе в отношении моего двора не должно быть лишних разговоров. Что касается меня, я за все отвечаю. Там, где я, место мое, у других свое.

Бородатый вынул из кармана мобильный телефон, набрав номер, дождался ответа и потребовал, чтобы Блатной Эльман ему срочно перезвонил. Не прошло и пяти минут, как раздался звонок. После традиционных приветствий бородатый сказал:

– Рядом со мной один из нашей братвы, Мамедага, ты должен его знать, его погоняло «Голубятник», двадцать восемь лет был на зоне. Он – «свой», и в его дворе он должен быть хозяином, в остальном договоритесь…

На другом конце провода этой информации были удивлены и даже заявили, что Мамедага работает на «погонников». Бородатый перебил говорившего и перевел разговор в шутку.

– Этот брат – наш аксакал, его надо уважать. – И бородатый закончил разговор.

Они еще немного поговорили о делах, о зоне, о ребятах, потом Мамедага вынул из кармана полторы тысячи долларов и передал бородатому. Они вернулись в общую комнату. Мухтар, сидевший в компании двух незнакомых уголовников, Мамедагу встретил, словно родного отца.

***

По дороге в город они оба молчали. Правда, мысли о том, куда и зачем они ездили, мучили Мухтара. Он пытался понять, а не лучше ли было платить по-прежнему начальнику полиции и не ввязываться во все эти сомнительные дела. Он все порывался спросить об этом у Мамедаги, но не решался. Когда он увидел рядом с постом дорожно-патрульной службы черный «Ниссан», ему стало чуть легче. Мухтар, взглянул на задремавшего Мамедагу и громко спросил:

– А что это за мулла там был?

Мамедага открыл глаза, взглянул на Мухтара, краем глаза увидел «Ниссан», который заприметил еще по дороге в тюрьму. Таких, как Мамедага, в тюрьме называли «Многооким», и это качество ему помогало во многих делах.

– Ну, ты тупой. Не мулла он, а один из уважаемых людей, вор в законе, «смотрящий». Но тебе этого не понять.

Когда Мухтар услышал слово «вор», у него по коже мурашки забегали. Какой вор, зачем вор… Ему только воров не хватало.

– И потом, какая тебе разница, мулла он или вор. Вопрос-то твой решен.

– Брат, разве воры могут решать такие вопросы?

– Балда, это не из тех воров. Этот разрешает споры, он справедлив, ищет правду. Все ясно? А теперь поехали к твоему брату, посмотрим, на самом ли деле ты им помогаешь, отдаешь в месяц по пятьсот долларов.

Мухтар побледнел, в животе стало холодно, язык одеревенел, а сердце стало выпрыгивать из груди. Он понимал, что если Мамедага узнает правду, тогда Мухтару крышка. Надо было что-то срочно делать.

– Гага, семья моего брата уехала в район, даст бог, в течение двух-трех дней вернутся.

– Что за район, разве у них район остался?

– Я имею в виду район невестки… Он еще у нас.

Мамедага прекрасно понял, что Мухтар врет, в принципе, он и раньше не поверил, что Мухтар помогает семье брата. Потому что такие люди, как Мухтар, никогда не будут протягивать руку помощи ближнему. Это Мамедага знал хорошо.

Они заехали во двор, Мамедага внимательно посмотрел на Мухтара:

– Все нормально, никаких проблем нет?

– Брат, спасибо, дай бог тебе здоровья.

Когда Мамедага поднялся к тебе, он увидел Ильгара, спящего на диване. Мать на кухне готовила обед.

СТАРЫЙ МОГИЛЬЩИК, ОБОЧИНА И НОВАЯ ЛЮБОВНАЯ ИСТОРИЯ РУФАТА

В один из очередных вечеров, когда на старом кладбище уже стало темнеть, с неба упала небольшая яркая звездочка. Не успев долететь до земли, звездочка сгорела, превратилась в пепел, который упал на холмик, облюбованный могильщиком для себя после смерти. Старик не знал об этом, он сидел в своей каморке, включив старенький радиоприемник, оставшийся ему от знакомого, скончавшегося два года назад, слушал передачу новостей по радиостанции ANS. Каждый раз, когда ведущая говорила фразу «С вами в студии Метанет», сердце старика начинало трепетать. Он закрывал глаза, и ему было безразлично, какую новость он услышит. Ему хотелось услышать лишь одну фразу: «открой глаза, я рядом с тобой». Метанет же скороговоркой начинала блок новостей с традиционной фразы: «Оккупация азербайджанских земель армянами продолжается» и завершала передачу прогнозом погоды.

Метанет вновь завершила свою работу и ушла. Старик открыл глаза, посмотрел через грязное оконце лачуги на ряд могил, потом, услышав свист чайника, снял его с электроплитки, взял стакан-армуды и вышел на улицу, чтобы его сполоснуть. Последние дни осени проходили по-зимнему. Правда, здесь снег, холода – большая редкость, хотя ветер, который, как правило, дует одиннадцать месяцев году, порой пронизывает до костей. Люди говорили, что если бы эти ветра дули на севере, там бы все давно окоченели. «На севере снег, холод, а здесь ветер», – подумал старик. Споласкивая стакан, краем глаза взглянул на холмик, выбранный для своей могилы, вздохнул, старческими шагами вернулся в лачугу. Налил чай, потом включил радиостанцию АРАЗ, стал слушать мугам.

…После войны, когда он приехал сюда, его зарегистрировали. Сам же он говорил, что тогда город не был таким большим. Кругом были виноградные сады и желтый песок. Там, где стоят большие заводы, тогда было построено несколько дощатых бараков, в которых жили рабочие, строившие электростанцию. Никто не верил, что когда-то здесь будет большой город. Город с широкими улицами, скверами, школами. Старик же верил в это, а точнее, он видел его во сне. Он тогда был молодым и, по его словам, на войне его ранило в ногу, с того времени он начал хромать. Многие за спиной называли его «хромым», старик это хорошо знал, но никогда не обижался. Хромой должен иметь кличку «хромой»… Из-за своей хромоты он не мог поступить на работу на завод или фабрику еще и потому, что он получал пенсию по инвалидности. Но он мог работать на легкой работе, хотя бы сторожем. Сперва он устроился работать сторожем на склад «Горторга», потом, правда, там совершили кражу, и его прогнали. Даже могли посадить…

Но он кое-как увернулся от этой ответственности и некоторое время сидел без работы. Однажды, прогуливаясь по набережной, он увидел похоронную процессию. Заинтересовавшись, он следил за всей процедурой до конца, а когда увидел на свежей могиле водку, колбасу, фрукты, вдруг понял, что это то, что он искал. Найдя организацию, которая заведовала кладбищами, пришел туда, и его без расспросов приняли на работу сторожем. Тогда в этом городе было очень много христиан, и практически каждый день кто-то умирал. А у старика постоянно были еда и выпивка. Теперь христиан стало меньше, покойников хоронили от силы один раз в месяц. Если бы старик и сейчас уповал на покойников, то и сам бы давно окочурился.

Поэтому, чтобы не умереть с голоду, он потихоньку приторговывал железом, медью, мрамором с бесхозных могил и, надо сказать, жил достаточно неплохо. Что же касается бесхозных могил, многолетняя деятельность на кладбище позволила ему систематизировать их, так сказать, создать собственную картотеку. Но в последнее время старик был расстроен, его беспокоило то, что бесхозных могил осталось совсем немного. По радио передавали песню «Гарагиле» в исполнении Рубабы Мурадовой, и ее голос увел старика на тридцать лет назад.

В одном из бакинских сел была свадьба. Так как это было очень давно, старик не мог вспомнить, какое именно было село, хотя свадьбу он помнил до мелочей. Рубабу с сигаретой в зубах, потом ее же с бубном, прижатым к груди, великолепное исполнение, хватающее за душу, – все это старик хорошо помнил. Свадьба была в доме невесты, поэтому мужчины сидели в другом дворе. Старика же пригласили готовить шашлыки. Поговаривают, что он тогда прекрасно жарил шашлыки.

Был бы деревом на обочине –
Там, где ты проходишь, Гарагиле,
И тень моей кроны падает на тебя…

Старик закрыл глаза и стал подпевать Рубабе. Он не увидел света фар подъехавшей к кладбищу машины, но сигнал услышал.

– Гатам, ай, Гатам! Ты что, не слышишь?

Старик убрал звук радио, постарался определить, кто его зовет. Голос был знакомым, однако слышал он его давно, это был забытый голос. Старик осторожно вышел из лачуги, подошел к железным воротам, по которым продолжали стучать.

– Иду, иду. Кто это на ночь глядя? – проворчал он.

– Открой, сейчас узнаешь…

Голос был знакомым, родным.

Старик отпер замок, со скрипом отодвинул одну створку. Его ослепили фары машины, стоящей напротив ворот. Под тусклой лампой у ворот стоял мужчина, но глаза у него горели, как у волка. По глазам узнал старик позднего гостя.

– Добрый вечер, Гатам, у нас несчастье.

– Царство небесное, – сказал старик и пошел в сторону своей лачуги. Гость пошел следом за ним.

– Давно тебя не видно, где ты? Я слышал, что…

– Верно слышал, шесть лет был в бегах, уже пять месяцев, как вернулся…

Поздний гость в свое время часто появлялся здесь. Когда стала разгораться армяно-азербайджанская война, роль гостя в приобретении оружия у русских, создании батальонов самообороны была велика. Оружие они тогда прятали на кладбище, и старик, охраняя кладбище, охранял и оружие. Их было тогда трое, все, как один, боевые ребята. Они даже пару раз смогли напасть на воинскую часть советских войск и вывезти оттуда оружие. Потом, в самый разгар событий, самый старший из них, спортсмен (правда, они все были спортсменами, но старший еще был и тренером), на своей машине столкнулся с поездом и погиб. Правда, поговаривали, что его сначала убили, потом в машине подставили под поезд. Другого, Вагифа, поразила пуля во время нападения на военный склад. Его похоронили на этом кладбище, старик собственноручно выкопал ему могилу. А этот после тех событий исчез, на него завели уголовное дело, но, как видно, ему удалось каким-то образом откреститься от всего этого и вернуться на родину.

Его звали Мардан, с первых дней борьбы за независимость страны он был в первых рядах. За короткий срок обрел большой авторитет среди сторонников. Во время одного из соревнований у него была повреждена ушная перепонка, и с того времени он плохо слышал. Во время смуты ему было поручено создание отрядов са-

мообороны. Лично участвовал в сборе средств для фронта и других подобных мероприятиях. Потом стал организатором нового подразделения МВД страны, принял участие в регистрации всего имеющегося бесхозного оружия. Во время правления демократических сил был правой рукой министра внутренних дел, потом вдруг переменился, перестал прислушиваться и советоваться, в результате оказался в числе тех, кого обвинили в сдаче власти. Новая власть отнюдь не стала вешать ему на грудь ордена, напротив, повесив на него клеймо «предатель», вынудила бежать из страны. Одно время Мардан был украшением криминальных хроник ведущих газет, потом шумиха вокруг него поутихла. Его арестовали, продержали в Баиловском изоляторе два месяца в ожидании суда, не найдя в его действиях состава преступления, суд вынес решение об освобождении. Тогда он опять уехал из страны. И вот сейчас вернулся…

– И чем же ты теперь занимаешься? – нарушил молчание старик. Он посмотрел при тусклом свете фонаря в глаза Мардана и увидел в них страх.

– Тебе можно довериться, ты – как могила… – голос гостя дрожал. – Вызвали меня, сказали, должен выставить свою кандидатуру на выборах. Я и выставил. Длинная история, я сам пока не могу понять, в чем суть этой игры. Просто ради того, чтобы вернуться, я был согласен на все. Что-то готовится, вроде… Кажется, война будет.

Старику передалось волнение гостя.

– Рано или поздно без войны не обойтись. Скажи, кто такой усопший?

– Дядя Керим скончался, покойного Вагифа отец. Завещал, чтобы его похоронили рядом с сыном.

У старика похолодели ноги. Он должен был копать могилу в том месте, которое облюбовал для себя.

– Я не могу этого сделать. Это место другого человека. Я не смогу копать там могилу.

***

Мамедага, видя, что Ильгар сладко спит, не стал его будить, но когда, умывшись и вытираясь полотенцем, вошел в комнату, увидел брата, сидящего на диване и зевающего.

– Здорово ты спал, храп был слышен по всей округе.

– Я очень редко храплю, только когда устаю.

Ильгар тоже умылся. Из кухни доносились вкусные запахи, Мамедага, не выдержав, взял с пылу с жару одну котлету и, причмокивая от удовольствия, стал есть.

– М-м-м, вкусно.

– Садитесь к столу, сейчас вас кормить буду, – сказала Зибейда, переворачивая очередную котлету на сковородке.

– Нет, спасибо, я пока не голоден. – Крикнул в комнату: – Ильгар, ты голоден?

– Нет, но такие вкусные котлеты поел бы с удовольствием.

Братья спустились во двор, подошли к голубятне. Мамедага, открыв дверцу, выпустил птиц. Он делал это в первый раз, так как птицы должны были привыкнуть к голубятне. Мамедага высыпал немного зерна и стал смотреть, как птицы клюют его и резвятся. Ильгар тоже взял пригоршню зерна и стал кормить голубей.

– Человек отдыхает во время этого занятия, – сказал Ильгар, продолжая кормить голубей.

Когда Мамедага сказал, что хочет погонять голубей, Ильгар пожал плечами, дескать, он ничего не понимает в этом. По правде говоря, Мамедага остерегался того, что птицы у него новые, еще не совсем привыкшие к голубятне, двору. Однако желание увидеть взмывающих в поднебесье птиц пересилило, и он неожиданно для Ильгара свистом и хлопками поднял стаю в воздух. Под эти звуки голуби сделали на

небольшой высоте несколько кругов, потом пошли вверх. Мамедага, увидев, что Ильгар с интересом наблюдает за происходящим, засмеялся:

– Кажется, понравилось?

– Да, очень интересно…

– Не знаю, что интересно тебе, а для меня это самое великое удовольствие. Эх, какие у меня голуби были…

Ильгар невольно вспомнил те дни. Перед глазами появилась картина старого двора, голуби, которых они с братом кормили, гоняли… Потом видение прошло, он вновь оказался рядом с Мамедагой, поняв, что все то, что было в прошлом, давно забыто, а удовольствие, полученное от кормления голубей, одномоментное. Он давно не был человеком этого мира, у него был свой мирок.

Когда Ильгар, подняв голову, посмотрел на небо, голуби казались маленькими точками.

– Холодно, а наверху еще холоднее, поэтому, видимо, вяло летают, – сказал Ильгар, глядя в небо.

Подошел Мухтар, встал рядом, задрав голову, смотрел с интересом на птиц. Через несколько минут голуби стали снижаться, садиться на землю. Мамедага поймал нескольких, осмотрел крылья, потянул за клювы, глянул в глаза. Потом показал Ильгару кофейно-белого голубя:

– У этой птицы хорошее будущее, правда, она еще маленькая, но крылья большие. Обрати внимание, этот голубь устал меньше, чем остальные. Если бы те не опустились на землю, этот еще летал бы.

Мамедага, видя, что его рассказы о голубях меньше всего интересуют Ильгара и подошедшего Мухтара, решил поменять тему. Правда, тут же увидев, что у Мухтара приподнятое настроение, решил, так сказать, добавить перчику.

– Брат, вижу у тебя настроение хорошее, наверное, дети приехали.

– Ты о каких детях? – не понял Мухтар.

– Я о твоих племянниках…

Лицо Мухтара посерело, губы задрожали. Мамедага прекрасно понимал, почему Мухтар впадает в ступор после этого вопроса, и поэтому этот метод держал в запасе в качестве давления. Ему нравилось, что Мухтар после таких вопросов сереет, бледнеет, начинает заикаться.

– Что случилось, может, с племянниками что-то? – мстительно спросил Мамедага.

– Н-н-нет, все в порядке… просто задерживаются… я скучаю по ним... я же живу ими…

Мухтар так безбожно врал, что это заметил даже Ильгар. Мухтар же лихорадочно искал повод сменить тему разговора.

– Брат, давай поднимемся к нам, мама хорошие котлеты пожарила.

– Да, да, я же говорю, отчего у меня голова болит… Лучше пойдем в ресторан, тут недалеко, там один из моих родственников шефом, – обрадовался Мухтар. – Даже сам начальник там часто бывает. Отличное место. А дальше посмотрим. Ведь завтра выходной, недурно бы сегодня начать отдыхать.

Все это Мухтар выпалил на одном дыхании, словно пулемет. Потом подошел к Мамедаге:

– Неплохо будет, если ты познакомишь и со своим другом.

– Мой старший брат, журналист, не чета мне, он человек из высшего света, – представил Мамедага Ильгара. Потом добавил: – Лучше будет, если мы поднимемся домой, а ты иди, пообедай.

Мухтар пожал руку Ильгару, потом, прищурившись, обиженно произнес:

– Разве нельзя, чтобы мы тоже один раз посидели за одним столом с человеком из высшего света?

Мамедага, сделав знак Ильгару, дескать, ты не беспокойся, хлопнул по плечу Мухтара:

– Я никогда в жизни не был в ресторане, смотри, как бы чего не вышло.

– Все будет нормально! – Мухтар как старому знакомому подмигнул Ильгару и, ничего больше не говоря, пошел к машине.

***

Ресторан «Достлуг» в последнее время был местом, куда Руфат часто приходил. Месяца два назад, а если точнее, 26 июля (Руфат хорошо помнил эту дату) он познакомился в этом ресторане с одной женщиной, которая, как выяснилось, зарабатывала на жизнь проституцией. Но она была очень красивой и привлекательной. Зеленые, цвета морской волны глаза; пахло от нее невероятно волнующим запахом, а ее голос напоминал журчание ручейка. Когда они уединились, и Руфат обнимал ее, ему казалось, что это первая в его жизни женщина. Хотя она вначале представилась ему как Лала, Руфат позже узнал ее настоящее имя – Саадат. Они молча сидели, обнявшись, и тут ее телефон зазвонил. Саадат, послушав собеседника, коротко сказала: «Через минут пять буду!»

От этого ответа Руфат вдруг вздрогнул, все его чувства к этой женщине были оскорблены. Представив себе, что через пять минут она будет в объятьях другого, он резко встал.

– Ты пойдешь?

– Да… Должна.

– Не уходи, не встречайся ни с кем, кроме меня.

– Что ты говоришь, – кокетливо повела плечами Саадат, потом расхохоталась. – Неужели влюбился?

– Да, влюбился, ты мне нравишься, оставайся со мной.

– Слушай, меня ждут, я должна идти.– Тон женщины изменился. – Ты полюби кого-нибудь другого.

Сказав это, она торопливо стала раздеваться:

– Давай быстрее, мне некогда.

Руфат вдруг увидел, как красота в одно мгновение превращается в уродство, чарующе зеленые глаза наливаются желтым цветом, а прекрасный запах ее тела вдруг становится отвратительно смердящим.

– Одевайся, – угрюмо сказал он, – одевайся и уходи.

– А кто мне заплатит? – визгливо спросила Саадат.

Руфат вынул бумажник, положил на стол две пятидесятитысячные купюры, хлопнул дверью и ушел.

– Проклятый «голубой», – проворчала Саадат ему вслед.

Руфат ни дома, ни на работе не мог забыть цвета глаз и запаха той женщины, ноги сами несли его в этот ресторан. С того дня, можно сказать, каждый день Руфат приходил в этот ресторан, заказывал еду, выпивку, а глаза все искали ее. Ему казалось, что она в одном из кабинетов ресторана, с кем-то обнимается, целуется. Руфат никак не мог с ней встретиться. В ресторан приходило много женщин (Руфат уже стал настолько культурным, что не называл их проститутками), но Саадат среди них не было. Иногда ему казалось, что ее не было вообще, что это был сон, сперва сладостный, потом страшный.

Руфат выпил почти полбутылки коньяка и теперь сидел, лениво жуя яблоко.

Машина Мухтара подъехала к ресторану, тут же оттуда навстречу выскочил хозяин, среднего возраста полноватый мужчина. Поздоровался с Мухтаром, потом протянул руку Мамедаге и Ильгару.

– Это мои старшие братья, – гордо сказал Мухтар. – Когда бы они не пришли в этот ресторан, для них должно быть обслуживание на высшем уровне.

Губы Мамедаги дрогнули в насмешливой улыбке. Такие, как Мухтар, подумал он, могут хорохориться только в таких местах и только с такими же, как он сам. Хозяин ресторана тоже произвел на него впечатление не очень приятного человека, впрочем, в народе верно говорят: скажи мне, кто твой друг… Ладно, бог с ними…

Хозяин ресторана повел их в самый лучший кабинет. Здесь было все: телевизор, кондиционер «Самсунг», телефон для внутренней связи, удобный диван и два кресла. И была еще одна дверь, которая открывалась в удобную спальню с ванной и туалетом, горячей и холодной водой. Короче, при желании здесь можно было хорошо отдохнуть.

– Здесь намного лучше, чем в твоем маркете, – поддел Мамедага Мухтара. – Мне здесь понравилось, теперь всегда ищите меня здесь.

Мухтар притворно хихикнул и, чтобы разрядить обстановку, тоже бросил шутку. А Ильгар с таким интересом уткнулся в экран и смотрел по телеканалу ANS последние новости, будто сейчас в них заговорят о нем. По телевизору показывали сюжет, о том, как боевики в Нальчике врывались в дома полицейских. В это время вошел официант.

– Что пожелаете?

Мухтар повернулся к Мамедаге и почтительно спросил:

– Что будем заказывать?

Мамедага, увидев, что Ильгар вовсю занят телевизором, не стал его беспокоить и обратился не к Мухтару, а к официанту.

– Неси, что Аллах послал. Съем все, что мягче камня. Короче, принеси то, что сам посоветуешь.

Мухтар кивнул официанту, мол, иди, выполняй.

Мамедага почувствовал, что Мухтар здесь завсегдатай. С ним все считаются, и, может, это оттого, что он сюда приходит с начальником полиции. Одним словом, здесь кроется какая-то веская причина. Потому что Мухтар не из тех, чтобы налево-направо тратить деньги. Через некоторое время новости кончились, и Ильгар, как выразился в душе Мамедага, «вылез» из телевизора и, как бы сам с собой разговаривая, сказал:

– Честное слово, Россию разваливают. Или это делается нарочно, или кто-то специально для этого старается. Но она разваливается.

Ни Мухтару, ни Мамедаге не было интересно, развалится Россия или нет, но чтобы не обидеть брата, он решил все же отреагировать:

– А в чем дело?

Ильгар, как профессиональный журналист, мгновенно оседлал любимого конька, и его комментарий продолжался вплоть до того, как официант принес холодные закуски. Чувствовалось, что Ильгар сильно проголодался, иначе он не остановил бы свои аналитические разглагольствования ради холодных закусок.

– Бисмиллах, – сказал Мухтар, а Ильгар, взяв кусок хлеба, продолжил:

– Как говорил наш дедушка Кёроглу, когда я ем, я глух и нем.

Через некоторое время застолье было в разгаре, Мамедага, никогда даже не пробовавший алкоголь, быстро захмелел, стал резвиться, подшучивать над Мухтаром, перебрасываться шутками с Ильгаром. Какая хорошая штука свобода, – подумал он, пожалев о том, что двадцать восемь лет назад из-за лжи армянина Артурика он угодил на долгие годы в тюрьму. Вспомнились те дни, ему взгрустнулось, поглаживая волосы и жуя сигарету, он сказал:

– Если тот «петух» еще жив, обязательно найду и казню. Обязательно!

В это время Ильгар вышел, и Мухтар, воспользовавшись тем, что они остались вдвоем, с интересом спросил:

– Брат, о каком «петухе» ты говоришь?

– Армянине, Артурике…

После той истории с поножовщиной все соседи, родственники говорили, что наверняка матери Мамедаги и Руфата, которого он пырнул ножом, в этот момент совершали намаз. Аллах принял их намаз, большой беды не случилось, и, несмотря на серьезность раны, врачи смогли спасти Руфата. Мать несчастного мальчика пришла к беспомощной Зибейде и ради добрососедства, мусульманства сказала только: «Мы не будем жаловаться, твой мальчик растет без отца, пойди по родственникам, может, сможешь облегчить его судьбу». Зибейда вместе с братом-шофером ходила в милицию, прокуратуру. Они достали немного денег, наняли адвоката, дело слушалось в городском суде. Зибейде повезло, что судьей оказалась женщина. Зибейда зашла к ней, очень долго о чем-то говорила, просила, потом, стесняясь, положила на стол зажатые в кулаке деньги, по тем временам немалые, полторы тысячи советских рублей, и жалобно попросила «Помогите моему сыну». Судья приняла ее неплохо, но в то же время заявила, что все зависит от высшей инстанции. Тем не менее, она обещала Зибейде сделать все, что в ее силах. За день до вынесения приговора судья пригласила Зибейду в кабинет, вернула ее пятьсот рублей. «Совсем освободить мальчика не получится, и вы это хорошо знаете. Однако я изменю статью обвинения и, учитывая, что мальчик несовершеннолетний, ему дадут пять лет. Тысяча рублей берется именно за то, чтобы поменять статью», – сказала судья. То есть по обвинению следствия мальчику светит не менее десяти лет. Правда, судья здесь немного покривила душой, ибо, учитывая несовершеннолетие обвиняемого, даже за самое тяжкое преступление ему не дали бы более десяти лет. Тем не менее, согласие было достигнуто, через день зачитали приговор, Мамедаге вкатили пять лет. В тот день Мамедаге судья разрешил свидание, и среди пришедших был мальчик, которого он пырнул ножом. Мальчик подошел к Мамедаге, подал ему руку для примирения. Мамедага руку пожал, но окружающие так и не дождались от него извинения или хотя бы раскаяния о содеянном. Правда, Мамедага, воспользовавшись моментом, спросил, где Артурик. Мальчик ответил, что сразу после того случая Артурик исчез, поговаривают, что он уехал в Степанакерт к дяде. Три года Мамедага провел в колонии для малолетних, в красном кирпичном здании на аэропортовской дороге. Из этих трех лет четыре месяца он просидел в карцере. Когда Зибейда приезжала к нему на свидание, он каждый раз повторял ей: «Не приходи больше». В последний раз он не вышел на свидание, а прислал записку, в которой было написано: «Если ты приедешь еще раз, все кончится очень плохо». Бедная женщина, подумав, что ее сын может что-то сделать с собой, перестала ездить на свидания.

В колонии отбывал наказание тип по имени Мурсал, так сказать, главарь тюремной банды. Он издевался над всеми, как мог, принуждал их к сексу, иными словами, ломал ребят по полной программе. Мамедага, проследив однажды за Мурсалом и воочию убедившись, что он насилует других мальчиков, не выдержал, достал спрятанный под половицами нож, подстерег Мурсала в коридоре и тремя ударами ножа в пах сделал Мурсала евнухом. Снова суд, на этот раз его судил армянин, фамилию которого Мамедага запомнил на всю жизнь – Саркисян. Потому что тот Артурик, который жил с ним в одном блоке, тоже был Саркисян, эта фамилия была написана у них на двери. Мамедага все время издевался над Артуриком, называя его отца «Борис-петух». Тот, естественно, злился, однако, остерегаясь Мамедаги, предпочитал отмалчиваться. В итоге судья по имени Саркисян впаял ему девять лет, и Мамедага навсегда выкинул из головы мечту о досрочном освобождении, через три дня после исполнения ему восемнадцати лет был отправлен в исправительно-трудовую колонию, в город Астрахань. За постоянные нарушения лагерного режима, а потом за убийство сокамерника его приговорили к пожизненному заключению и отправили в холодную Сибирь. Там он несколько раз сильно болел, пару раз получал удары ножом, но судьба была милостива к Мамедаге, он выжил. Потом развалился Советский Союз. Один из родственников со стороны матери начал поиски, нашел Мамедагу,

и, благодаря деньгам, которые мать копила все эти годы, его экстрадировали в Азербайджан. И уже здесь решением Верховного Суда пожизненное заключение было заменено пятнадцатью годами тюрьмы. До конца его двадцативосьмилетней тюремной эпопеи оставалось несколько месяцев, как вдруг подоспела амнистия, и Мамедага вышел на свободу.

…Мамедага замотал головой, отбрасывая воспоминания, увидел пепельницу, полную окурков. Пачка была пуста, Мамедага взял сигарету из пачки задремавшего Мухтара. Взглянул на Ильгара, увидел, что тот плачет. Мамедага, почувствовав, что хмель уходит, взял бутылку, разлил по стопкам водку, потом толкнул Мухтара:

– Тебе что, дома спать не дают?

Мухтар вздрогнул, увидел в руках Мамедаги стопку, быстро схватил свою:

– Твое здоровье, Мамедага, – Мухтар опрокинул стопку.

– Я, кажется, расстроил вас, да? – тихо спросил Мамедага.

Ильгар промолчал, Мухтар же быстро заговорил:

– Да нет, что ты, нам приятно было тебя слушать.

Мамедага оставил Мухтара с Ильгаром и вышел из комнаты.

…Руфат допил бутылку коньяка, головная боль не позволяла ему сосредоточиться, покоя не давал звеневший в ушах голос Саадат. Он иногда задавал себе вопрос: что он сделает, если увидит, что Саадат с другим пришла в ресторан? Трудный был вопрос…

Выходя из туалета, Руфат увидел шедшего навстречу мужчину, посторонился, чтобы пропустить его. Мамедага почувствовал на себе взгляд стоящего перед ним человека, мельком взглянул на него, и тут до него дошло: это был тот, кого он первым, выйдя на свободу, встретил в своем дворе. Они были знакомы, хотя ни один из них и не пытался вспомнить истоки знакомства. Тем не менее, Руфат в полутьме ресторанного туалета внимательно вгляделся в Мамедагу и спросил:

– Мне кажется, ты Мамедага? Я угадал?

Мамедага молча кивнул головой, потом, на мгновение вспомнив то далекое, виновато посмотрел на Руфата:

– В тот день с утра мы с тобой повстречались во дворе, я думал всю ночь и наконец вспомнил тебя… Как твоя рана, зажила?

Руфат обнял Мамедагу:

– От твоего ножа у меня остался шрам. Но почему ты не мог вспомнить меня?

Мамедага молчал. Да, это был Руфат, которого двадцать восемь лет назад он пырнул ножом, и двадцать восемь лет спустя первым встретил во дворе.

***

Старый могильщик, спрятав двести долларов, которые ему дал Мардан, в укромное место в лачуге, с утра пораньше начал копать могилу в том месте, которое присмотрел для себя. Почва была глинистой, твердой. Ударив еще несколько раз киркой по земле, остановился. Потом бросил кирку, решительно пошел в лачугу, вытащил из тайника деньги, вернулся и снова стал копать. Но не в том месте, а у подножья могилы Вагифа. «Пусть думают и говорят, что хотят», – думал он, вонзая лопату в землю и пытаясь как-то оправдать себя.

К полудню похоронная процессия была на кладбище, но почему-то среди них не было Мардана.

Могильщик, дождавшись окончания похорон, вновь спрятал двести долларов в тайник, лег спать. На кладбище было слышно карканье ворон, завывание ветра, а по радио передавали последние новости. Под храп старого могильщика Матанат читала анонс новостей:

– Оккупация азербайджанских земель армянами продолжается. Сегодня от пули армянского снайпера погиб прапорщик азербайджанской армии. Повышение уровня воды в Куре в районе Нефтечалы нанесло ущерб сельскохозяйственным угодьям. Сегодня задержан находившийся в розыске Мардан Шахбабаев…

СОРЕВНОВАНИЯ ПТИЦ В ДЕРБЕНТЕ, МАЛЕНЬКАЯ «ОКА» БОЛЬШОГО ЧЕЛОВЕКА И НЕОЖИДАННАЯ РАЗБОРКА

Не все было так хорошо, как хотелось бы… С каждым днем росло число негодяев и подонков.

Газеты писали, что Азербайджан подпольно продает Армении нефть. Оппозиция и власть днем грызлись, словно собаки, а по вечерам вместе собирались на застолье. И еще газеты писали, что в Париже прошел юбилей Узеира Гаджибекова, и что в торжествах принял участие Чингиз Абдуллаев. Мамедага в тюрьме прочел большинство произведений Чингиза Абдуллаева, но не мог понять, какая связь между Чингизом Абдуллаевым и Узеиром Гаджибековым. Он каждый день убивал время, читаял пачки газет, которые ему приносил Руфат. В результате этих чтений Мамедага стал политизироваться. Однажды в разговоре с Руфатом он сказал, что в этой стране есть практически все партии, но нет лишь одной – партии настоящих мужчин. Руфат, хотя и посмеялся от души над этим, тем не менее прекрасно понял, куда клонит Мамедага. А вот последние предложения Мамедаги по взятию Карабаха действительно имели право на жизнь. Согласно статистике в республике было на то время около пятидесяти партий и общественных объединений. Среди них две-три партии были очень крупными, и если подсчитать число членов, как оппозиционных, так и проправительственных, сумма получалась внушительная. Мамедага хотел предложить парламенту страны, чтобы каждая партия выделила по десять процентов своих членов для создания партизанских отрядов. По численности это была бы внушительная армия. Пусть страна с международными организациями продолжает переговоры, а партизанское движение будет делать свое дело. «Я уверен, – говорил Мамедага, – что если армяне узнают о партизанском движении, они сразу наложат в штаны».

Эти умозаключения и предложения нравились Руфату.

…Однажды на глаза Руфату попалось объявление о том, что в Дагестане, в Дербенте, будут проведены соревнования голубятников. В объявлении были и подробности об условиях соревнований. Если бы эта газета была у Мамедаги, он, естественно, не стал бы читать объявления и не имел бы понятия о соревнованиях. Руфат вечером с газетой в руках сообщил ему эту приятную весть. Правда, накануне выборов получить удостоверение личности, да еще и выездной паспорт было нелегко, но Руфат, буквально из-под себя выпрыгнув, решил эти вопросы. Купив билеты на поезд, взяв с собой трех лучших голубей, Руфат и Мамедага отправились в Дербент. В Дербенте их встречал однокурсник Руфата, журналист местной газеты по имени Магомед. Однако, Мамедага куда-то позвонил, к ним приехало несколько ребят, которые тут же повели их в самый лучший ресторан.

Каспий здесь был таким же буйным, как и в Азербайджане. Мамедага стоял у окна ресторана во всю стену, смотрел на море и думал: как же хорошо, что акватория Каспия принадлежит тюркам. Теперь он понимал, что в нем растет чувство патриотизма, тюркизма, его все больше тянет к политике. А карта Азербайджана, которую Руфат нашел среди своих бумаг и дал ему, стояла перед глазами.

Да, ребята, которых Мамедага знал по лагерю, действительно устроили им великолепное застолье. Журналисту Магомеду было стыдно, ведь он встречал гостей, но Мамедага был парень с «понятиями» и быстро успокоил его, сказав, что у них это в порядке вещей.

В ресторане у моря собрались голубятники из России, Азербайджана, Туркменистана и даже Ирана, а по условиям соревнования победителем должен был стать тот, чья птица выше и дольше пробудет в небе.

Одновременно в небо выпустили более семидесяти голубей. Любимец Мамедаги кофейно-серого оттенка тоже разлетался в общей стае в весеннем небе Дербента. Мамедага прекрасно разбирался в голубях и знал, что на соревнования привезли самых лучших птиц.

Соревнование проходило живо и интересно. Прошло уже полчаса, но не чувствовалось усталости ни у одной из птиц. Хозяева голубей были на нервах, это было видно по тому, как они прикуривали одну сигарету от другой или же свистели, подбадривая своих питомцев. Надежды Мамедаги и Руфата были только на кофейно-серого, потому что одна из трех их птиц кругами начала спускаться, чувствовалось, что устала. Другую птицу Мамедаги испугали соперницы. Мамедага знал, что если птицу пугают другие, она впадает в стрессовое состояние и ничего хорошего от этого ожидать нельзя. Прошел час, и птицы потихоньку стали спускаться к хозяевам. И хотя в первой партии опустившихся на землю не было птиц Мамедаги, вскоре появились и они. Но Мамедага не отрывал глаз от кофейно-серого, который, в отличие от других, поднимался всё выше и вскоре стал еле виден.

Уже два часа шли соревнования, в небе оставалось всего одиннадцать птиц. Выше всех летали две птицы, и волнение Мамедаги передалось Руфату. Многие из дербентских ребят уже болели за кофейно-серого.

Птицы возвращались, когда на дербентском небе уже было видно зарево заката. В темноте же был большой риск, что птицы могут заблудиться.

Откуда-то появилось облако, и птицы стали совсем невидимыми. Тревога Мамедаги росла. Вдруг его свист отвлек всех от азарта, тут уже свистеть стали многие. Через некоторое время облако ушло, но птиц в небе не было. Они пропали.

Мамедага горестно покачал головой, взял протянутую Руфатом сигарету, жадно затянулся, с сожалением посмотрел на небо. На оранжевой полосе синего неба Руфат вдруг увидел маленькую точку. Увидели ее и другие. Потом точка раздвоилась, и тут все поняли, что приближается финал, интерес вновь возрос, все уставились на небо. А там две точки взмывали, вертелись, перегоняли друг друга.

Обе птицы были уже близки к земле, и Мамедага видел, что кофейно-серый выглядит свежее. Другая птица явно устала, но из упрямства не хотела садиться, как бы приглашая кофейно-серого к мировому соглашению. Вдруг птицы ринулись к земле, и тут неожиданно кофейно-серый взмыл вверх, сделал несколько кругов над головами зрителей, потом, как самолет, распрямив крылья, спланировал на землю.

Победителями стали Мамедага и его кофейно-серый питомец. В честь победы друзья Мамедаги закатили застолье в ресторане, а организаторы соревнований вручили ему премию в тысячу долларов и ключи от новенькой, в масле «Оки». От желающих сфотографироваться с птицей-победителем не было отбоя, да и сам Мамедага снялся с кофейно-серым на плече, сделал фотографию тридцать на восемнадцать, заключил ее в рамку и повесил дома в спальне на стену. Через два дня после приезда друзья, оформив машину, пригнали ее к дому Мамедаги.

Руфат же в своем журнале поместил рассказ о соревнованиях с фотографией.

После того, как у Мамедаги появилась «Ока», он уже не садился в машину Мухтара.

После возвращения из Дербента, если Мамедаге приходилось в чем-то клясться, он делал это, ссылаясь на кофейно-серого, и все знали, что клятва железная. Иногда он видел сон, будто сидит на любимой птице и парит над Карабахом, садится на горные вершины Шуши, Лачина, Кельбаджара, ходит по горным тропам. Иногда ему казалось, что это не простая птица, а нечто волшебное, пришедшее из сказок.

***

Потом пошел дождь, Мамедага положил на кучу камней последний, выпрямился. Кровь, текущая из его саднивших пальцев, капала на камни. Каменный конус был весь в крови.

…Мамедага, протирая сонные глаза, встал, начал шарить в темноте, ища сигареты. Обрадовался, когда нашел, но радость тут же прошла, потому что он вспомнил сон и сразу отдернул руку от пачки. Пальцы все еще саднили. Щелкнул зажигалкой, комната на мгновение озарилась и тут же вновь погрузилась в темноту. Из-за того, что многие соседи не платили за свет, компания «Бармек» отключила от энергоснабжения весь дом. Огонек сигареты отражался в зеркале, и Мамедага в темноте видел напротив лишь свое темное отражение. Вышел на балкон. Город спал. Мамедага, слушая ночную тишину, почувствовал, насколько мал и жалок город. На улицах не было запоздалых прохожих и машин, не было даже бродячих собак, рыскающих возле мусорок. Создавалось впечатление, что город позабыт всеми. Единственными в этом сонном городе были глаза Мамедаги, время от времени поблескивающие в темноте. Мамедага ясно видел свои глаза, блуждающие по городу, и они были похожи на глаза, которые он видел во сне. Мамедагу вдруг охватила дрожь, он испугался этих глаз. Как хорошо, что глаза не задержались на улице, а возвратились на место. Касаясь их, он как бы хотел убедиться, что они на самом деле на месте. Посмотрел на трамвайные линии, по которым покойный отец водил свой красный трамвай, на фонари, которые светили сероватым светом, потом по привычке прислонился лбом к стеклу. В ушах раздался стук колес трамвая номер 017 на стыках, трель звонка. Мамедага лег в постель и, вспоминая тот самый сон, разбитого идола, птицу, уснул. Проснулся только в полдень следующего дня на голос матери.

– Можно подумать, ты во сне видишь дочь падишаха, вставай, тебя Мухтар зовет. (Мать Мамедаги хотя и была из южной зоны страны, после долгой жизни в городе у нее абсолютно не было акцента).

Мамедага встал, пошел умываться, думая при этом, зачем он понадобился Мухтару. Умывшись, спустился во двор. Перед магазином стояли «Мерседес» Мухтара, его «Ока» и еще какая-то иномарка. Мамедага, оглядевшись, вошел в магазин.

***

Афтош Самед (так все называли криминального авторитета, контролировавшего город), мотая большой головой, говорил, не переставая, у Мухтара же начинало бледнеть лицо, подрагивать большой живот. Пока Афтош говорил, Мамедага, вовсю включив мозги, думал, как сделать Мухтара правым. У горделивой болтливости Афтоша была одна причина – то, что Мамедага без согласования с ним влез в дела и отнял у Афтоша прибыль. А все дело в том, что тот человек, к которому Мамедага ездил в тюрьму по делу Мухтара, был переведен из тюрьмы в следственный изолятор в связи с новым уголовным делом. Как сообщала пресса со ссылкой на следователей, тот авторитет, будучи в тюрьме, изнасиловал женщину другого зека, который ему проигрался в карты. Кроме этого его обвинили еще в нескольких преступлениях. А если учесть то, что обвинение в изнасиловании женщины сокамерника другим зеком, да еще и авторитетом, считается делом позорным, другие авторитеты до окончания суда решили временно заморозить полномочия обвиняемого. Ну и Афтош с этим решением на руках пришел на встречу с Мамедагой для того, чтобы выразить свое несогласие с договором Мамедаги и Мухтара, вернуть деньги за три месяца, и чтобы Мухтар отныне платил дань только ему и Блатному Эльману. Кроме этого, Афтош должен был «наказать» Мамедагу.

Мамедага же пока слушал молча, и от этого молчания Мухтару становилось все страшнее и страшнее.

– Я не спорю, что ты многое перенес в тюрьме, – чванливо говорил Афтош, – но у тебя понятия слабые. Тебе сначала надо было прийти ко мне, посоветоваться, потом что-то предпринимать. В этом городе все вопросы решаю я, тебе не надо было лезть в эти дела. Но раз уж полез, теперь отвечай.

Наконец Афтош замолчал. Его многословие было на пользу Мамедаге, который за это время успел все взвесить и понять, как можно выйти победителем из этого разговора. Он уже был готов к разговору.

– Ты все сказал?

Афтош растерялся. В принципе, это не мудрено, ибо в его большой голове ума было меньше, чем у курицы, и еще его смутил спокойный тон Мамедаги. Афтош просто упустил из виду, что перед ним не воришка-сосунок, дезертир из армии или же угонщик скота. Перед ним сидел человек, двадцать восемь лет проведший в различных тюрьмах, где прошли его детство, юность, взрослые годы, который сотни раз выходил из разных передряг, умел отличить правого от неправого, был способен достойно говорить не с одним, а с сотней авторитетов и, наконец, человек, добровольно отказавшийся от звания авторитета, тем самым завоевав большое уважение среди многочисленных друзей. Афтош почувствовал неладное. Все это он должен был знать. Забыл. И этот день впоследствии Афтош будет считать своей непоправимой ошибкой.

– Ну, что молчишь, ты закончил или еще будешь говорить?

Когда Афтош волновался, он начинал заикаться.

– А-а-а что та-та-кое?

– По-русски понимаешь?

– …

– Да что с тобой?

Мамедага откровенно издевался над Афтошем и не намерен был так просто отпустить его. Ему от Афтоша ничего не надо было, но нужно было сделать так, чтобы тот хотя бы уважал тюремные годы Мамедаги.

– Странно, что с ним? Пять минут назад остановить невозможно было, а теперь говорить со мной не хочет. Ты же пришел на разборку, так давай…

Афтош посмотрел на своих сопровождающих, на ожившего Мухтара, приободрился:

– Ты давай, не крути, говори, – сказал он.

– Ты сам блядь, – Мамедага неожиданно врезал Афтошу по уху так сильно, что звук оплеухи услышали на улице. Афтош схватился за ухо и невольно застонал.

– Значит, вы – братва, да? – спросил Мамедага сопровождавших. Те кивнули головами – «да». – Так какая же вы братва, если не знаете, с кем водитесь? Вы что, не знаете, что когда он был «крытый» в камере, его сделали «блядью»?

– Нет, мы не знаем об этом.

– Все правильно, у такого «смотрящего за положением» должна быть такая братва. Это «блядь», и я собирался скоро с ним разобраться. – Мамедага замолчал, потом посмотрел на бледного Мухтара:

– Ты иди, занимайся своим делом, здесь тебе нечего делать.

Мухтар вопросительно посмотрел на Мамедагу, и тот понял, что он хочет спросить.

– Обо мне не беспокойся, я сам доберусь. – Мамедага проводил Мухтара, вернулся и раздраженно продолжил разговор. – Ну что, так и будешь молчать? Может, я не прав? Ты решил воспользоваться тем, что человек, который «оправдал тебя» и поручил город, сам теперь в трудном положении? Во-первых, дело того человека еще под вопросом, его временно «тормознули», чтобы он спокойно мог завершить свои дела. Во-вторых, ты когда-нибудь интересовался, кто хозяин объекта, где ты берешь долю, на кого работает магазин?

Афтош был похож на живой труп, переживал самые трудные в жизни минуты. Его ошибка была непростительной, и, слушая Мамедагу, он понимал, что для преступного мира он умер, ему там нет места.

– Тот магазин построили на месте моей голубятни, это ты хотя бы должен был знать. – Мамедага замолчал, зажег сигарету. Ему надо было воспользоваться передышкой, чтобы понять реакцию ребят, пришедших с Афтошем. Эти ребята были неопытными, и такие, как Афтош, использовали их в своих целях. – И у меня, и у других сегодня в связи с твоим поведением есть полное право отнять у тебя город и твое «положение». Я не знаю ребят, которые приехали с тобой, но они должны были тебя хорошо знать. Я им сказал правду о тебе. Меня зовут Мамедага, погоняло мое «голубятник», если в моих словах кто-то сомневается, может предпринять что угодно. Что касается этого, он с сегодняшнего дня не в братве, не имеет права участвовать в разборках. Вечером в семь часов приглашаю всю братву в магазин в нашем дворе, будем разбираться с «положением» города. Надо будет, свяжемся и со «старшими братьями».

– Хозяин того магазина работает на «погонников», начальник его родственник, – ожил Афтош.

– Я за все отвечаю, – сказал Мамедага, позвонил по телефону и вызвал знакомого таксиста к морю. Уже сидя в такси, сказал ребятам:

– Завтра в семь жду братву, сообщите всем, лично вам поручаю эту миссию.

Такси уже отъехало, а Афтош и его ребята все смотрели вслед машине. Понимали, что гора столкнулась со скалой. Афтошу было стыдно, он не мог взглянуть им в глаза.

– Брат, что теперь будем делать?

Этот вопрос был задан Афтошу молодым парнем, который шесть лет отсидел за воровство, но в свои тридцать два года выглядел достаточно молодо.

– Что – что будем делать? Звонить в Москву будем, поговорим с ребятами.

– А как с тем, что он сказал о тебе?

– Что сказал?

– Про блядство…

– Это еще надо обосновать, – разозлился Афтош.

– А тебе что, язык привязали, обосновал бы, – переглянулись ребята.

Афтош промолчал, пошел в сторону машины:

– Разговор еще не кончился, вечером посмотрим, – сказал он вызывающе, – садитесь, поехали.

– Вечером поедем, – вдруг сказал молчавший доселе светловолосый парень, на котором висело два года условного наказания за воровство. Сказав это, оба зашагали в сторону города. Разозлившийся Афтош включил двигатель и, разбрызгивая в стороны морской песок, исчез из виду. Мамедага, все это время наблюдавший за ними из такси за деревьями, попросил водителя подъехать к парням. Ребята без слов сели в машину.

Всю дорогу в машине было молчание, и, только выходя из машины возле базара, один бросил:

– Всем расскажем…

Мамедага, выйдя из машины возле двора, направился к магазину. Лицо Мухтара при виде Мамедаги, посветлело. Мамедага, поняв, что тот уже совсем пришел в себя, рассмеялся, и этот смех совсем оживил Мухтара.

– Клянусь Аллахом, я знал, что его схаваешь.

– И напрасно, – сморщился Мамедага, – я не ем тухлое мясо.

За торговым залом у Мухтара была достаточно большая комната, где человек двадцать, спокойно рассевшись, могли поговорить и даже устроить застолье. Они прошли туда. Здесь Мамедага намерен был устроить сходку.

– Мухтар, вечером в семь часов многие из хороших ребят города соберутся здесь, надо их хорошо встретить. Сегодня вечером окончательно решатся наши с тобой вопросы. Вот после этого можешь в этом городе делать все, что вздумается.

– К добру ли? – растерянно спросил Мухтар.

Мамедага с интересом посмотрел на Мухтара. У того на лице менялись все цвета радуги. Мамедага прекрасно понимал, что Мухтар беспокоится не о нем, а только о том, что он может потерять от вечернего мероприятия. В голове этого человека роились тысячи мыслей.

– У меня день рождения, Мухтар.

Мухтар понял, что Мамедага издевается над ним, но, услышав про «день рождения», постарался взять себя в руки.

– Поздравляю, брат, – обнял он Мамедагу. – А почему я не знал об этом?

– Это твоя ошибка, надо телевизор смотреть, отслеживать новости. Или ты думаешь, что я сам себя рекламировать буду? Короче… Вечером я арендую у тебя комнату за торговым залом. – Мамедага полез в карман, вытащил деньги, протянул Мухтару. – Возьми, это для того, чтобы ты в каком-либо ресторане заказал еду человек на пятнадцать-двадцать. Но смотри, чтобы все было супер. А после дня рождения продолжение мы с тобой устроим в «Достлуге».

Мухтар взял деньги, положил в карман.

– Слушай, а что, на самом деле в новостях говорили?

Мамедага, посмеиваясь, поднялся домой, взял блокнот с телефонными номерами, набрал номер одного из авторитетов в Москве. Это был именно тот человек, который по совету другого авторитета поручил положение города Афтошу. Мамедага прекрасно понимал, что Афтош обязательно свяжется с Москвой.

Человек в Москве очень долго не подходил к телефону. Да, это был тот авторитет, который семнадцать лет назад в астраханской тюрьме делил хлеб с Мамедагой, так сказать, был его «хлебником». Тогда Мамедага посодействовал присвоению его другу звания «вора в законе», и по сей день у них оставались прочные связи друг с другом. После выхода на волю в первом разговоре с Мамедагой он предложил ему взять на себя «положение» города, однако тот отказался, сославшись на то, что «надо открывать дорогу молодым». Теперь же Мамедага был зол, его возмутило беспардонное поведение Афтоша. Взявший за правило всегда все вопросы решать через призму терпения, сегодня Мамедага был выведен из себя.

В Москве подняли трубку. После традиционных приветственных слов Мамедага подробно рассказал о событиях сегодняшнего дня, добавив, что он отобрал у Афтоша право на «положение» в городе. Молча слушавший Мамедагу на другом конце провода человек сказал лишь одну фразу:

– Там, где есть ты, другого разговора быть не может. Действуй, как считаешь нужным.

Мамедага поблагодарил за оценку, потом добавил:

– Вечером после семи я еще раз побеспокою тебя, скажешь свое слово.

Потом разговор пошел на общие темы, были переданы приветы братве в Москве. До вечерней встречи оставалось еще больше трех часов, Мамедага, выпив стакан чая, прямо в одежде лег на диван и заснул. Разбудил его звонок Мухтара:

– Брат, народ подтягивается…

Мамедага умылся, спустился вниз. Было уже четверть восьмого, почти все пришли. Дверь в комнату была открыта, на столах были лишь пепельницы, пачки сигарет, стаканы для воды и бутылки минеральной воды. Афтоша пока не было. Один из ребят, которые были с ним на берегу, сказал, что Афтош звонил, скоро будет. Примерно к половине восьмого приехал и Афтош в сопровождении двоих. Мамедага поручил Мухтару все, вплоть до того, чтобы он ничего не говорил начальнику полиции о сходке.

Но надо знать Мухтара, который, выбрав минутку, тут же сообщил начальнику о дне рождения. Тот в свою очередь поручил трем сотрудникам отдела уголовного розыска и участковому все время быть неподалеку.

– …Добрый вечер!

Молчание было ответом на приветствие Мамедаги.

– Кто себя здесь считает лишним, может уйти. Во-первых, приветствие – это божье слово, на него надо отвечать, во-вторых, вы приглашены не в ресторан, а на серьезный разговор. Короче… Вы все знакомы со «смотрящим за положением»?

– Мы его хорошо знаем, а вот тебя нет, хотя ты здесь права качаешь. Кто ты такой? – вызывающе сказал один из пришедших с Афтошем.

– Ну что же, давайте знакомиться. Я специально назначил встречу на вечер, чтобы этот человек, – Мамедага показал на Афтоша, – поближе познакомился со мной.

– Кто ты такой, не так важно, главное, что тебя здесь не знают, – сказал Афтош.

– Очень плохо. Так через кого я себя вам должен представить? Да, чувствуется, что в городе давно положение не на уровне.

Услышав это, Афтош сразу приободрился и быстро назвал имя авторитета в Москве. Все присутствующие подтвердили, что именно этот авторитет назначил Афтоша смотрящим. Мамедага ждал этой минуты:

– В Москву мне звонить или как?

– Я позвоню сам, – сказал Афтош и начал набирать номер. Несмотря на то, что от начала встречи прошло не более двадцати минут, в сигаретном дыму практически ничего не было видно.

Москва ответила, Афтош передал приветы от присутствующих, потом сказал:

– Брат, здесь сидит один, «голубятник», – он хихикнул, обвел всех довольным взглядом, – слишком много мнит о себе, хочет против нас пойти, братву не признает. Хотим сегодня его проучить. – Афтош перевел телефон на режим громкой связи, чтобы все слышали.

– Добрый вечер! (разноголосый хор сидящих в комнате ответил говорившему). Да, я назначал Афтоша смотрящим за положением в городе, я хорошо осведомлен о его беспределе. Мамедага – это наш брат, все, что он говорит, выполняйте. И запомните: слово Мамедаги – закон! Если кто-то желает высказаться, я слушаю.

Все промолчали. Афтош ерзал на месте, не мог поверить своим ушам. А когда голос на другом конце провода сказал: «Передай телефон Мамедаге», Афтош совсем струхнул. Мамедага взял телефон, перевел его на обычный режим и приложил к уху. Несколько минут шел односторонний разговор, потом Мамедага выключил телефон и положил его на стол. Оглядел всех, потом повернулся к Афтошу:

– Других претензий нет?

Афтош промолчал.

– Слушай внимательно. Разговор о тебе с братвой уже был на берегу моря. Ты съел одну затрещину, этого достаточно. Стыдно быть барыгой… Теперь перечисляю все твои прегрешения. И запомни, кто бы что ни делал, я об этом знаю, ибо даже во сне я бодрствую. С чем будешь не согласен, поправишь меня.

Мамедага зажег сигарету, попросил открыть форточку. Наступила тишина, все взоры были обращены на Мамедагу (кроме Афтоша, конечно).

– Во-первых, как я уже сказал, когда ты был в «крытом», тебя клеймили как «блядь. Потом братва тебя оправдала. Однако ты подставил «положенца» и других ребят, и они ушли в «крытую». А ты отсидел пять суток в карцере, вышел, потом с согласия начальника зоны стал «смотрящим за положением». Потом с помощью общака ты смог скостить себе срок и выйти раньше. Тебе повезло в том, что когда ты вышел на волю, там никого из хороших ребят не было, и поэтому наш брат в Москве

согласился с тобой. Потом, уже будучи смотрящим за положением, ты стал вести себя как барыга, но всегда выходил сухим из воды, скольких ребят отправил в зону. А самое главное, на деньги общака ты построил себе виллу. Хватит или еще продолжить?

Мамедага, увидев, что Афтош молчит, понурив голову, подошел к нему и неожиданно врезал кулаком по челюсти. От неожиданности и боли Афтош вместе со стулом упал на пол. Несколько присутствующих бросились к нему, чтобы добавить, но Мамедага поднял руку:

– Встань! – крикнул он. – Тебе этого достаточно. Хватит, маскировался все это время. Блядство и воровство, как правило, вскрываются на сороковой день. Сдай тетрадь и деньги общака ребятам.

– Они не при мне, – пробормотал Афтош, утирая кровь, текущую по подбородку. – Сейчас поеду, привезу.

– Так, двоим поехать с ним. И поторопись, – сказал Мамедага, обращаясь к Афтошу.

Афтош в сопровождении двоих ребят ушёл. Вернулись они буквально через полчаса, Афтош положил на стол тетрадь и солидную пачку денег.

– Ты можешь идти, но постарайся исправиться, иначе будет еще хуже. Да, кстати, еще совет: продашь виллу и возместишь недостающую сумму общака. В любом случае мы проверим расход-приход.

Афтош молча покинул помещение. Мамедага под предлогом того, что надо проветрить комнату, предложил всем выйти на улицу, потом дал несколько поручений Мухтару. Через двадцать минут возвратившиеся в комнату увидели хорошо сервированный стол, а когда Мамедага предложил выбрать смотрящего за положением в городе, все единогласно указали на него. Мамедага возразил, предложив на эту должность одного из парней, которые были с Афтошем на берегу моря во время беседы с Мамедагой. Увидев, что никто не возражает, Мамедага встал:

– Постарайся все делать честно и правильно, если не возражаешь, я, как старший, готов тебе помогать.

Застолье, продолжавшееся до полуночи, завершилось звонком в Москву и информацией о проведенной беседе.

Мамедага, оставшись наедине с Мухтаром, поднял большой палец:

– Все! Теперь до утра я в твоем распоряжении, – сказал Мамедага и они покинули магазин.

ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ ДЕТСТВА, ЗВОНОК С ТОГО СВЕТА

В кафе «Достлуг» было не протолкнуться. В нынешние времена все старались свои дела делать днем, отдых оставлять на ночь, чтобы никто ни к чему не подкопался. Крутые иномарки сменяли друг друга, взмыленные официанты бегали, как угорелые, но не только для того, чтобы угодить, а чаще мелькать перед глазами в расчете на чаевые.

Мухтар еще в машине позвонил родственнику в кафе, приказал приготовить лучший кабинет. Тот хотя и сказал «будет сделано», тем не менее попросил повременить полчаса. Мухтар заехал на заправочную станцию, а когда его машину заправили, видя, что оператор не дал ему чек, заорал:

– Ты почему чек не даешь?

Оператор на секунду растерялся, потом бросился к кассе:

– Сейчас принесу.

Мухтар взял чек, внимательно его рассмотрел, потом выкинул в окно и выехал с заправочной станции. Доселе молча наблюдавший за этим Мамедага сказал:

– У тебя совести ни на грош, что ты прицепился к мальчику?

Мухтар покраснел, потом, как бы оправдываясь, пролепетал:

– Клянусь, я прав, брат, ты их плохо знаешь.

Мамедага, глядя в окно, тихо сказал:

– Дело твое, но при мне этого не делай, брат.

«Брат» было произнесено таким тоном, что Мухтар понял свою неправоту и благоразумно промолчал. Хотя в душе все же мелькнуло: чек должны давать, вот пусть и дают. Но только в душе. Мамедага прекрасно понимал, что Мухтар его не понял, но такую ночь, с такими хорошим настроением, не хотелось портить. Поэтому Мамедага тоже промолчал. Раздался телефонный звонок. Видя, что задумавшийся Мухтар не слышит, толкнул его локтем: телефон!

Мухтар нажал на кнопку вызова:

– Хорошо, спасибо, едем.

***

Когда Мамедаге было четырнадцать лет, во дворе провели прекрасный праздник Новруз Байрамы. В преддверии праздника во всех семьях шла напряженная подготовительная работа, взрослые трудились в поте лица, а вот для детей это была радость неописуемая. Жареная пшеница, крашеные яйца, сладости – всему этому не было числа. В последний вторник перед праздником во дворе развели громадный костер. Взрослые шутили, что его огонь виден из космоса. Готовясь к разжиганию костра, все дети их двора обшарили все прилегающие территории, приволокли старые покрышки, доски скамеек из ближайшего парка, сухие дрова из приморского леса. Готовя костер, они прошлись по другим дворам, чтобы убедиться, что их костер будет больше всех. Руководство все операцией Мамедага взял на себя, поэтому все его называли «командиром». Детвора с нетерпением ждала наступления темноты, когда Мамедага разожжет костер. Наконец стемнело. Детвора стала искать Мамедагу, но не нашла. Поднялись к нему домой, но и там его не оказалось. Зибейда дала гонцу кусок жареной курицы и наказала, что когда Мамедага появится, пусть поднимется домой. Малыш, уплетая куриную ножку, побежал вниз. Костер не горел, а значит, не было и Мамедаги… Ребятня была в растерянности, но без Мамедаги костер разжигать не хотели. А время шло. Руфат еще раз направил пацанов на поиски, потом дал команду «разжигайте», а сам отправился в другой двор.

Мамедага исчез, будто его и не было, а Руфату в голову приходили самые черные мысли. Было уже темно, но, взглянув на небо, можно было понять, в каком дворе уже разожжен костер. Руфат присел на край фонтана возле стелы, возведенной в честь пятнадцати союзных республик, и задумался. Его это уже начинало пугать. Мамедаги не было, он пропал, словно иголка в стоге сена.

В небо полетели яркие ракеты, оставляя за собой на мгновение светящиеся полосы. Становилось ярко, потом ракета гасла и снова наступала темнота. Будущий писатель Руфат все пытался определить, какого же цвета свет, но не мог этого сделать. Откуда-то поблизости слышалась веселая песня Кёсы и Плешивого (*персонажи Новруз Байрама*), однако Руфат, очень расстроенный, не слышал всего этого.

Мимо него, швырнув на землю недокуренную сигарету, быстрыми шагами прошел мужчина.

Руфат, не дожидаясь, пока тот отойдет далеко, поднял окурок, поднес к губам и, хотя запах от него был отвратительный, затянулся, закашлялся, попытался понять, в чем же кайф от курения, определить код этого процесса. Но у него ничего не получилось. С отвращением отшвырнул сигарету, вытер рукавом губы. Потом, поразмыслив, пошел в сторону двора, а точнее, в направлении детского сада в торце здания. Осторожно перелез через забор и, чтобы не заметил сторож, чуть ли не по-

пластунски пробрался по двору к зданию, потом зашел в темный коридор и наконец наткнулся на железную лестницу, которая вела на крышу детского сада. Постоял, прислушался. Было тихо, но с крыши явно слышался приглушенный шепот. Руфат буквально на цыпочках стал подниматься по лестнице, вылез на крышу. Стоял март, и холод мгновенно охватил его, он задрожал. Возможно, дрожь была от возбуждения или немного от страха, однако Руфат списывал это на морозную ночь.

На крыше было темно, правда, на другом конце был виден мерцающий огонек. Руфату стало страшно, внутренний голос кричал: «Вернись!», однако он, уже с детства искавший свет и цвет света, трясясь от страха и холода, пополз по крыше в направлении света. По другую сторону крыши ясно слышался то скрип старых досок, то прерывистое дыхание Мамедаги и иногда – взволнованный шепот сестры Артурика Сусанны: «Нет-нет, туда не надо». Руфат устроился поудобнее, и в этот момент армянка Сусанна вдруг прошептала:

– Мамед, тут кто-то есть.

Мамедага тоже чуть испугался, однако не подал виду, огляделся, потом небрежно сказал:

– Здесь никого нет. – Потом совсем как опытный мужчина обнял Сусанну, которая тряслась то ли от холода, то ли от страха. Однако по всему чувствовалось, что объятья Мамедаги ей по душе.

Руфат от волнения прирос к тому месту, где сидел, от эротической сцены, увиденной в первый раз в жизни; внизу живота вдруг возникла ноющая боль. Увиденное и возникшая ноющая, но почему-то приятная боль, ввели его в такое состояние, что ему даже дышать стало тяжело

Мамедага, все сильнее прижимая к себе Сусанну, стал потихоньку тискать ее небольшие груди. Сусанна раскраснелась, совсем расслабилась. Когда Мамедага стал понемножку задирать ее платье, Руфат, уже не в состоянии глядеть на все это, буквально соскользнул с крыши на лестницу.

Сусанна с Мамедагой так и не поняли, что это было, то ли человек, то ли кошка. Мамедага попробовал снова зажечь погасшую свечку. Когда это ему удалось, он взял в руки импровизированный факел, подошел к краю крыши, осмотрелся. Потом вернулся к Сусанне и в свойственной ему манере хвастливо бросил:

– Кошка, чтоб ей… Все еще мяукает внизу.

Мамедага вновь присел рядом с ней, но обнимать ее уже охоты не было, и он стал играть с огнем свечи. От мыслей его отвлек шепот Сусанны:

– Может, пойдем, а?.. Мне холодно.

Мамедага словно ждал этого.

– Ладно, пойдем.

…В ту ночь, спустившись с крыши детского сада, Руфат сразу побежал домой. Мамедага очень долго искал его во дворе, но так и не найдя, поднялся домой и тоже лег спать.

В ту ночь сон Руфата был скомканным. Он пришел, сразу лег, даже не посмотрев фильм про войну, который шел по телевизору. Но стоило ему закрыть глаза, как сразу перед ним стали оживать картины увиденного: остренькие крепкие груди, белоснежные бедра, губы, которые так страстно целовал Мамедага. Руфат попытался представить себя на месте Мамедаги и, повторив это несколько раз, наконец, заснул. Утром, проснувшись, он почувствовал, что стал выше ростом, на все стал смотреть глазами мужчины, а не вчерашнего мальчишки. Руфату хотелось быть на месте Мамедаги, он завидовал ему.

С того дня Руфат стал мужчиной. Но он знал, что Мамедага стал мужчиной еще раньше.

***

Когда Мамедага с Мухтаром подъехали к ресторану «Достлуг», на небольшой площадке перед заведением было разноцветье самых странных автомобилей. Как только они вышли из машины, Мухтар пошел в сторону ресторана, но тут же вернулся с хозяином. Они прошли в один из кабинетов, и хозяин шепотом доверительно сказал:

– Сегодня даже передохнуть некогда… – Помолчал. – Арестовали Мардана Шахбабаева. А те, кто здесь, празднуют это событие.

У Мухтара заныло внутри. Кто бы ни был арестованный, но устраивать из-за этого праздник ненормально. В любом случае Мардан Шахбабаев был представителем этого народа, у него и заслуг было немало, он, как некоторые, не был вероломным. Впрочем…

– Получается так, что и мы присоединяемся к тем, кто празднует арест?

Вопрос Мамедаги смутил хозяина ресторана.

– Упаси боже, о чем вы? Ешьте, пейте, обслуживание будет на высшем уровне. Какое нам дело до этих?

Хозяин вышел, следом за ним в дверях возник официант.

Была уже глубокая ночь… Машины перед рестораном сменяли друг друга, но их число не уменьшалось. Подъезжали и такси, на которых приезжали «ночные бабочки» для развлечения гуляющих. Мамедаге ресторан казался большой голубятней. Хотя себя в этой голубятне он чувствовал, словно птица в клетке. Поэтому, взяв с подноса официанта бутылку «Московской», он откупорил ее и разлил не в рюмки, а в бокалы для минеральной. Один пододвинул Мухтару:

– Пей, братишка, мир, в котором мы живем, бесстыден по определению. Для того, чтобы выжить в нем, надо и самим быть бесстыдными.

Мухтар взял протянутый бокал, опрокинул содержимое в рот, не закусывая, промокнул губы салфеткой, улыбнулся.

Мамедага, докурив сигарету, потушил ее в пепельнице. Он давно не пил водки и, естественно, она стала действовать. Мамедага, еще минуту назад чувствовавший себя птицей в клетке, вдруг обрел свободу. Услышав снаружи звуки саза, поручил официанту, принесшему шашлык, пригласить ашуга в кабинет. Через несколько минут в кабинет вошел ашуг, деловито выпил предложенный стакан водки, закусил долькой апельсина, потом, настроив инструмент, запел:

– …Тесть, чтоб ты окочурился,
Теща, чтоб тебя разорвало…

Настроение у Мамедага было приподнятое, и он в такт начал барабанить по столу. Мухтар же в такт щелкал пальцами. Как только ашуг закончил. Мамедага сунул ему в карман «десятитысячную» купюру (в народе ее называли «ширван») и, тут же забыв о нем, обратился к Мухтару:

– Братишка, ты на этом свете перевидал немало. Как по-твоему, чего не хватает за этим столом?

Мухтар посмотрел по сторонам:

– Брат, здесь не хватает красоток. Сейчас организуем и они еще больше поднимут нам настроение.

Мухтар стал звонить куда-то по телефону.

– Брат, сейчас сюда придут две красотки, – Мухтар похотливо причмокнул губами.

– Да ладно тебе, красотки! – Мамедага шутливо погрозил пальцем Мухтару. Потом, дабы не обижать его, миролюбиво сказал: – Ладно, пусть приходят. Все равно в этом мире все друг друга трахают. Мы что, хуже? Такого мужика взяли да поса-

дили, а эти праздник устроили. Клянусь, другой бы даже собаку назвал героем. Когда мы поймем, что потеряли, и что это место опустело, все равно не поумнеем. Не надо отставать от соседей… Как все, так и мы…

Мамедага вновь выпил полный стакан водки, вытер губы и посмотрел на Мухтара, который стоял перед зеркалом и приглаживал волосы. Водка действовала вовсю, в голове шумело так, что уши закладывало. Теперь уже звуки саза, доносившиеся снаружи, били по голове, словно кувалдой. А по телевизору в это время один кандидат в депутаты вовсю поносил своего оппонента, с которым плечом к плечу работал не один год и даже дружил. А теперь он сравнивал его с кем угодно, но не с азербайджанцем, пытаясь таким образом внушить своим избирателям, что он борется за чистоту нации. Мамедага не знал всей сути этой предвыборной возни, но интуиция ему безошибочно подсказывала, что война идет за перетягивание на себя «одеяла», за теплое место в парламенте.

– Не утруждай себя, народ не такой бесчестный, как ты, и он вряд ли пойдет за тебя голосовать. Все равно тебя не изберут, – ухмыльнулся Мамедага.

А выступавший по «ящику» говорил так, словно на этом свете чище и правильнее него никого нет… Мамедаге стало жаль людей.

– Ты посмотри, кто намерен стать избранником народа. – Мамедага вытащил из пачки последнюю сигарету, закурил.

***

Когда Руфат вошел в ресторан «Достлуг», его поразила многолюдность. Правда, здесь достаточно часто бывал аншлаг, однако сегодня словно праздник какой-то был. Руфат постоял, потом подошел к официанту, попросил посадить его куда-нибудь. Официант знал его как постоянного клиента, поэтому повел в небольшой уютный кабинет. Через некоторое время на столе появилась бутылка водки «Юбилей» (странно, что крышка бутылки была в виде башенки с надписью «За Карабах»). Руфат налил водки, выпил, закусил соленым помидором, потом ослабил узел галстука, вынул из кармана телефон, стал набирать номер той, с которой он в этом ресторане переживал счастливые минуты, не мог забыть запаха ее духов. Трубку долго не поднимали, но потом в телефоне прозвучал грубый мужской голос:

– Кто нужен?

– Мне Саадат нужна…

В телефоне раздался смех:

– Да не может быть, а больше тебе никто не нужен? – и отбой.

Руфат зажмурил глаза и попытался представить грубые волосатые руки, которые ласкали ее белое тело, нежные бедра, противный и вонючий рот, который ее целовал.

От злости он так грохнул по столу кулаком, что бутылка, опрокинувшись, скатилась на бетон и разлетелась вдребезги. Руфат встал и вышел на улицу…

Поднял голову, посмотрел на черное небо, на мигающие вдалеке искорки звезд. Где-то загукал филин...

Пьяный голос ашуга, разбиваясь о стены ресторана, постепенно затих вдали. Во всех кабинетах питейного заведения на разных телеканалах дикторы с одинаковой нудностью вещали одни и те же новости.

Где-то, в самом дальнем уголке неба, правда, в самом чистом и ясном, был Аллах, создавший землю и небо. И этот Аллах, глядя на своих покорных слуг, иногда горестно вздыхал… А иногда думал, будут ли сотворенные им создания хотя бы изредка вспоминать о нем, начнут жить, как он этого требовал, и тогда над землей перестанет витать страх конца света. Аллах велик, и он никогда не действовал, как люди. Глядя на землю из дальнего угла неба, он видел размалеванные лица, красные угли мангала, шипящие от капель жира, стекающего с кусков баранины, ашуга, ради

куска хлеба готового петь что угодно, женщин в объятьях похотливых мужчин, позабывших в разврате о семьях и детях. Глядя на них, не задумывающихся о земле, истории, будущем, Аллах чувствовал сожаление от содеянного им. Способный одним землетрясением отнять жизни тысяч, простым дыханием поднять воды океанов на высоту, Аллах, видя в эти минуты картины разврата, направил на землю громадный огнедышащий камень с разверзнутой пастью дракона, готовой уничтожить все. Но терпение Аллаха велико, а путь камня очень далек, и об этой правде не знал никто, кроме самого Аллаха.

Взгляд Руфата на далекие звезды отвлекли чьи-то руки, опустившиеся ему на плечи. На мгновение ему показалось, что яркие звезды на небе вдруг опустились светящимся роем на землю. Потом до него дошло, что это не звезды, а фонари, освещающие двор ресторана. Помотал головой, вдруг вспомнил, сколько было проблем из-за отсутствия электричества в издательстве, глубоко вздохнул из-за того, что не успел сохранить большой материал в компьютере, и теперь он утерян безвозвратно. Сквозь пелену перед глазами распознал глаза и лицо стоявшего перед ним.

– Ты сам с собой разговариваешь все это время. О чем?

– Не знаю…

– Или я сошел с ума, или у тебя крыша поехала. Знаю лишь одно – если бы я не отвлек тебя от твоих мыслей, ты бы точно соскочил с катушек. Мальчик, слушай меня внимательно. Нельзя вмешиваться в дела Аллаха. Знаешь, почему? Для того, чтобы объяснить тебе причину, расскажу одну притчу. Так вот, слушай, брат мой. В одном из сел жила одна красавица. Но красота эта была бессмысленна, ибо жизнь ее протекала жутко монотонно: с раннего утра подметать двор, потом заниматься скотиной, затем дети, а по ночам вожделения мужа… Так вот, однажды, выгнав скотину в поле, она обратила взоры к Аллаху и попросила его превратить ее в корову. Аллах услышал ее просьбу и в мгновение ока превратил ее в корову. Быки в стаде, увидев новую красавицу, то бишь корову, так ее отделали, что к вечеру она от боли в спине не могла пошевелиться. Вернувшись к себе в стойло, она опять взмолилась превратить ее в человека. Аллах и на этот раз не отказал ей, выполнив просьбу. Через некоторое время она со своей семьей должна было поехать куда-то на корабле. В середине пути их настигает ужасная буря. Пассажиры начинают в голос просить Аллаха помочь им, и только сельская красавица молча стоит в стороне. Муж набрасывается на нее с криками, требуя присоединиться к просящим. «Ты знаешь, – сказала она, – меня один раз бес попутал, и я вмешалась в дела Аллаха, по сей день боль в спине не проходит, пусть Всевышний сделает так, как он сам пожелает…»

Руфат схватил Мамедагу за плечи и внимательно посмотрел ему в глаза. Свет от фонарей во дворе ресторана отражался в его глазах, и Руфат почувствовал в их глубине волчий взгляд…

– Напрасно ты не убил меня тогда… Напрасно…

Вдвоем они вернулись в кабинет ресторана, где сидел Мамедага. Женщина, сидевшая в одиночестве в кабинете и игравшая с мобильным телефоном, жеманно произнесла:

– Ну где вы пропали, а хотели любви…

Мамедага, не обратив внимания на слова женщины, посадил Руфата напротив себя, взяв бутылку водки, разлил по стаканам.

– Куда Мухтар делся? – спросил он ее. Не дожидаясь ответа, опрокинул содержимое стакана в рот.

Женщина на его вопрос загадочно ответила вопросом:

– А куда он должен был деться?

Услышав голоса из соседней комнаты, Мамедага понял, в чем дело, обернулся в Руфату:

– Гуляй, старик, потом пожалеешь о многом.

Руфат будто не слышал его. Потом поставил на стол стакан, молча прислушался к звукам, доносившимся из другой комнаты. Вдруг резко встал, подойдя к двери, за которой развлекался Мухтар, резко распахнул ее. Когда он в полутьме распознал знакомые черты, извивающиеся на Мухтаре, услышал голос, который еще недавно шептал ему на ухо ласковые слова, Руфат ничего не сделал. Вернее, уставившись в потолок, завыл, как матерый волк, загукал, как филин…

Недавний голос по телефону, задавший ему вопрос: «А больше тебе ничего не нужно», теперь испуганно завизжал:

– Вам кого?

***

Руфат, все еще не понимающий, происходит это во сне или наяву, пытаясь разобраться, стал прислушиваться к звукам в комнате, где к тому же сердито дребезжал телефонный звонок. Сперва он разобрался, что реально тикают настенные часы, вода в ванной тоже по-прежнему капала, и ветер завывал за окном, и наконец он понял, что кто-то настойчиво домогается его по телефону. Обычно такие звонки глубокой ночью не сулят ничего хорошего. Руфат на мгновение попытался понять, что и кто стоит за этим звонком. Мысли словно затормозили на полпути, а настойчивость звонка действовала на нервы. Дернувшись со скрипящего дивана, он потянулся к телефону:

– Я вас слушаю…

Голос с другого конца провода шел издалека и понять, женщина это или мужчина, было невозможною. В народе обычно про такой голос говорили, что «он из преисподней». Поэтому Руфат зло прокричал в трубку:

– Может, вы все-таки взглянете на часы, прежде чем звонить…

Он уже хотел бросить трубку, но тут голос непонятного происхождения сказал просительным тоном:

– Очень прошу вас, не кладите трубку… Если бы вы знали, как мне трудно было дозвониться по этому номеру…

– Кто вам нужен?

– Мне нужен человек, живой человек, умный, умеющий слушать, говорить, думать…

– Я вас слушаю, но прошу говорить четче, иначе я ничего не понимаю. А теперь скажите, откуда звоните и что вам от меня надо?

Бесполый голос на другом конце провода на мгновение замолк, потом в трубке захрипело, но Руфат понимал, что там что-то говорят. Ему уже надоели выходки телефонного хулигана, и он все же хотел бросить трубку, но невидимый собеседник, словно прочитав его мысли, сказал почти приказным тоном:

– Напрасные мысли, утром нашу беседу вы будете вспоминать с гордостью. Вы даже не догадываетесь о том, что ее Величество История в эти мгновения работает на вас. Хотите знать, откуда я звоню?

– Послушайте, у меня сильно болит голова, может, завтра днем…

– Нельзя! – взвизгнул голос в трубке. – Это невозможно категорически. Завтра, когда для меня настанет утро, вы будете рядом со мной.

– Не понял…

– Сейчас объясню, но сначала возьмите себя в руки…

Голос в трубке вновь замолчал, эта тишина показалась Руфату вечностью, желание поскорее узнать, кто потревожил его ночью, не отпускало его.

– Я вас слушаю. Но побыстрее, иначе у меня голова от боли лопнет.

– Я звоню вам с того света, а еще точнее… ну, как вам объяснить… из параллельного, вечного мира, где покоятся мертвые. Правда, соотносительно с вашим временем я ровно семьдесят пять лет набираю этот номер, а, как вы понимаете, это дело

нелегкое. На этом свете все технические средства считаются порождением дьявола и телефон – не исключение. Если бы вы знали, каких трудов мне стоило пробраться на телефонную станцию, для чего из ада надо было пройти в рай. Телефон есть только там. Потом долгий набор кодов, чтобы попасть в ваш мир. Для примера могу сказать, что, набирая ваш номер, я из девяти пальцев на руках потерял шесть. Но очень прошу вас внимательно выслушать меня.

Руфат, сдержав смешок, стал слушать голос на другом конце провода, понимая, что кто-то над ним подшучивает.

– А почему девять пальцев? Ты что, из нового поколения людей?

– Нет, просто один большой палец я потерял еще при жизни…

Руфат, решив поддержать шутливый тон, стал слушать. Все равно уже не заснуть, скоро утро.

– Я не мог не сообщить вам этой новости… На городском кладбище живет и работает хромой могильщик, может, знаете?

– Хорошо знаю…

– Так вот, он для себя выбрал место для могилы на пригорке. Но именно там хранится исторически значимый идол. Его нахождение и исследование откроет для вашего народа новую эру. Но будьте очень внимательны, неподалеку от этого идола покоятся останки другого, их трогать нельзя ни в коем случае. Это принесет большие беды. Не перепутайте идолов.

– А как их можно различить? – спросил Руфат, в котором пробудился журналистский интерес.

– Очень просто. У одного идола руки развязаны, у другого связаны.

– И какой нужен нам?

– Вам нужен тот, у которого руки…ту…ту…ту…

Связь прервалась. Руфату от злости захотелось грохнуть аппаратом об пол. Он все еще держал трубку у уха, нервно нажимая на кнопки, тряся аппарат. И тут он непроизвольно проследил за телефонной линией, которая шла у плинтуса. Линия была оборвана. Он не помнил, когда это случилось.

ДЛЯ ТОГО ЧТОБЫ ВИДЕТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ СНЫ, НАДО ПО-ЧЕЛОВЕЧЕСКИ СПАТЬ…

Старый могильщик опять спал очень плохо, видел во сне множество филинов, которые хотя и пытались гукать, но у них ничего не получалось. Из-за этого они погибали от разрыва сердца. На кладбище было уже столько тел погибших филинов, что могильщик не мог их собирать, а от трупного запаха его выворачивало наизнанку…

Старик встал и выключил свет в своей каморке. Комната осветилась желтоватым лунным светом. Взглянув на желтый серп луны, провел ладонью по лицу, возблагодарив Всевышнего. Подозвал своего такого же старого, как и он сам, пса, который, тяжело дыша, подошел к хозяину. Старик, очень любивший пса за верность, потрепал его по холке. Пес завилял хвостом, начал лизать ему ноги. Но старику было не до игр с псом, он пошел в сторону уборной и только прикрыл за собой дверь, как услышал гуканье филина и вздрогнул. Вспомнил сон. Когда он вышел, увидел сидевшего перед уборной верного пса. Старик решил вознаградить своего шестилетнего друга, сварив ему дополнительную порцию болтушки. Вошел в каморку, зажег газовую конфорку. Прекрасно зная, что глубокой ночью он ничего интересного не найдет по радио, тем не менее включил его. Какая-то женщина на неизвестном языке пела песню, которая показалась старику схожей с недавним гуканьем филина. Так и не выключив радио, он стал готовить еду любимому псу.

Радио сигналом сообщило о том, что уже шесть утра, и тут старик увидел у ворот кладбища силуэт зябко поеживающегося человека в пальто с поднятым воротником, с руками в карманах, а также его длинную тень в тусклом свете фонаря на столбе. Старик попытался распознать владельца тени, и хотя это у него плохо получалось, тем не менее он точно знал, что знаком с ним. Старик запутался еще и потому, что за первой тенью появилась и вторая.

***

То, что Руфат неожиданно покинул застолье, да к тому же отключил мобильный телефон, так разозлило Мамедагу, что он от злости искусал губы. Всю желчь он слил на Мухтара, хотя потом корил себя за то, что обидел человека старше него. Теперь он мучительно думал, как сгладить ситуацию.

Мамедага не знал, что произошло на самом деле, хотя понимал, что резкий уход Руфата связан с той комнатой, где развлекался Мухтар. Поэтому решил об этом поговорить с ним.

– Ты, взрослый мужчина, хотя бы дверь закрыл…

Мухтар сидел, понурившись, потом поднял голову, виновато посмотрел на Мамедагу. Увидев, что тот не сердится, Мухтар пришел в себя, чем очень удивил Мамедагу.

– Она была закрыта, просто когда женщина пошла за жвачкой к подруге, забыла ее захлопнуть. Поэтому я ее и ударил.

– Ты что, на самом деле ее ударил?

– А как ты думал?…

Они помирились. После разговора выяснилось, что женщина, которая была с Мухтаром, знакомая Руфата. И тогда Мамедага вспомнил, что Руфат уже рассказывал ему что-то о несостоявшейся любви, но что точно, не помнил.

Они покинули ресторан, когда занималась заря и все клиенты разошлись. Оба были в смешанных чувствах. Когда по сонным улицам города они на машине Мухтара подъехали к дому, Мамедага, о чем-то подумав, спросил:

– Ты не спешишь?

Когда Мухтар ответил «нет», Мамедага заявил, что хочет проехаться на машине по городу. Сели в машину, Мамедага включил магнитофон, поставил кассету с любимым исполнителем, ныне покойным Сахаватом, закрыл глаза от удовольствия. На одном из перекрестков Мухтар не обратил внимания на красный сигнал светофора, но тут же, увидев притаившихся за углом гаишников на новеньком «Фольксвагене», чертыхнулся: «Приехали!..» Гаишник взмахнул жезлом, Мухтар подъехал к обочине, остановил «Мерседес». Вытащив из пачки пятидесятысячную купюру (*около десяти евро)*, сказав Мамедаге «Ты посиди, не беспокойся, я сейчас», вышел из машины.

Мамедага не слышал, о чем Мухтар говорит с гаишниками, но, зная, что тот вышел из машины с деньгами в руках, был спокоен. Сидя в машине, он с упоением продолжал слушать Сахавата. Когда Мухтар сел в машину и зло прошипел «Сволочи, делать им больше нечего, прячутся по углам», Мамедага не обратил на это внимания, но понял, что его приятеля гаишники ободрали, как липку.

Когда они, сделав еще один круг по городу, вернулись во двор, часы в машине показывали 5:47. Мамедага, попрощавшись с Мухтаром, присел на скамейку возле голубятни. Вынул из пачки сигарету, щелкнул зажигалкой, сильно затянулся.

...Два месяца назад, примерно в это же время, он из тюрьмы вернулся домой. На самом деле его выпустили накануне вечером, и вообще-то уже через час он должен был быть дома. Но он не смог этого сделать. Брезгливо нашарив в кармане несколько мятых купюр и мелочь, стоя перед воротами тюрьмы, он взглянул на небо.

Оно не отличалось от того, что было на территории тюрьмы, но от него веяло свободой. Не торопясь, пошел он в сторону автомобиля «Тофаш», стоявшего на обочине. По светящемуся маячку на крыше он еще издалека определил, что это такси. Когда его арестовали, в его городе таксисты ездили только на «Волгах» ГАЗ-24.

Мамедага сел в машину, попросив подвезти его в центр города. На вопрос водителя, освободился ли он из заключения, Мамедага ответил уклончиво, сменил тему разговора. Выйдя в центре, он прогулялся по улицам, где было полно праздношатающейся публики, и тут его внимание привлекла реклама. Вернее, это была театральная афиша, автором же постановки был молодой человек, который в свое время вместе с Мамедагой сидел в тюрьме. Спросив у прохожих, который час, он понял, что до начала спектакля остается менее получаса. Быстро сбегав к цветочному киоску, купил букет цветов, пошел в сторону театра. Перед входом толпился народ, но надежды Мамедаги увидеть автора не увенчались успехом. Купив билет в кассе, прошел в зал. Прозвучал третий звонок, занавес открылся и Мамедага забыл обо всем на свете. На сцене шумная толпа пассажиров на перроне, расталкивая друг друга локтями, пыталась сесть в поезд. С первых же минут спектакля некоторые образы, их действия, реплики показались Мамедаге до боли знакомыми. Последующие события развивались в вагоне-ресторане, и тут выяснилось, что по замыслу автора в этот поезд были собраны те, кто люто ненавидел друг друга, грешил везде, где мог, и что именно конечным пунктом этого поезда был ад. Когда дали занавес, зал разразился бурными овациями и криками «Автора, автора!» Когда автор вышел на сцену, Мамедага сразу узнал его и, подхватив букет, поднялся на сцену. Друг узнал его сразу, встреча была бурной, и они вместе отправились в ресторан, чтобы отпраздновать успех на сцене и встречу.

В ресторане они были не одни, пришли друзья и коллеги автора. Мамедага был представлен им как проверенный, крепкий друг, в его честь прозвучали тосты. Они расстались под утро, друг, не обращая внимания на протесты Мамедаги, положил ему в карман немного денег. Доехав на машине друга до микрорайона, Мамедага попросил остановиться, сказав, что хочет немного пройтись. Так, не спеша, он пришел к себе во двор.

Тогда, как и сейчас, полуглухая дворничиха Гызбаджи подметала двор и громко, на чем свет стоит, поносила неизвестно кого. Мамедага, сидя на скамейке и глядя на чуть посветлевшее утреннее небо, все пытался вспомнить, за что же был осужден его друг-писатель. Не вспомнил. Единственное, что он вспомнил, это то, как вместе с писателем оказался в карцере тюремной больницы. Мамедага попал туда по наводке «опера» Байрама, подложившего под его матрас наркотики, а писатель, кажется, угодил в карцер из-за своих произведений. Вечером он читал авторитетам зоны свои сатирические записи, утром после переклички его взяли, до мельчайших подробностей пересказав ему все, что было накануне. Писатель понял, что его заложили те, кто сидел с ним, называл другом. Тогда начальник зоны поклялся, что скорее съест свою фуражку, но не выпустит писателя из одиночки в зону. Однако друзья писателя вступились за него, запахло бунтом и начальнику пришлось плюнуть на свою клятву. Фуражку, правда, он есть не стал, но, взяв с семьи писателя пятьсот долларов, не только изменил свое решение, но и через некоторое время посредством тюремного суда «тройки» выпустил писателя из тюрьмы «за хорошее поведение». Вот так…

От воплей Гызбаджи у Мамедаги разболелась голова. Отшвырнул окурок, встал и тут, увидев пулей вылетевшего из ворот Руфата, глазам своим не поверил. Куда мог в такое раннее время идти Руфат? Это так заинтересовало Мамедагу, что он скорым шагом бросился за Руфатом, окликнул его. Но тот, не слыша ничего, продолжал нестись вперед. Мамедага едва поспевал за ним...

Когда Руфат приблизился к ограде кладбища, Мамедага, находившийся примерно в ста метрах от него, удивленно подумал: почему Руфат под утро выбрал именно это место? Мамедага, крадучись, прячась за деревьями, подошел поближе к Руфату. В это же время старый могильщик, увидев длинные тени двух людей в свете тусклого фонаря, со страху остановился, как вкопанный. Ему опять вспомнились мертвые филины.

– Гатам, это я, Руфат…

Старик, услышав голос, облегченно вздохнул. Он, правда, так и не понял, кому принадлежит голос, но, услышав свое имя, обрадовался. Открыл дверь каморки, осмотрелся, поискал глазами своего пса, но тот как сквозь землю провалился. Старик поправил на плечах тулуп, вышел из каморки, но дойдя только до фонаря, прищурившись, стал высматривать хозяина голоса.

– Кто ты, я не узнал тебя… Кто-то умер?

Руфат пошел в сторону железных ворот кладбища, и старый могильщик, тоже двинувшись, пошел туда же. Любопытство разбирало Мамедагу, и он сделал несколько шагов вперед. Когда Мамедага приблизился к Руфату, старик, увидев постаревшего Руфата, испуганно вскрикнул:

– Что вам надо?

Руфат, не зная, что за его спиной прячется Мамедага, не обратив внимания на волнение старика, сказал:

– Ты, кажется, забыл меня. Гатам, это я, Руфат, работаю в редакции, не узнал?

Старик, глядя мимо Руфата на Мамедагу, сказал:

– Я его не узнал, кто это?

Ничего не понимающий Руфат вслед за взглядом старика резко обернулся и, увидев Мамедагу, обомлел. Ему показалось, что это сон.

– Мамедага?!

– Что ты делаешь здесь среди ночи?

– Потом объясню, – сказал Руфат, затем обернулся к Гатаму. – Это мой лучший друг, мы пришли вместе. Мне не спалось, решил, что все равно часа через два идти на работу. Решил тебя побеспокоить, новую тему для статьи найти. Разве нельзя?

Старик, ничего не ответив, пожал плечами. Потом заговорил:

– Интересно, с какой стороны сегодня взойдет солнце, если журналисты вспомнили о нас?

– Аксакал, все мы рано или поздно придем сюда, поэтому здесь нужно чаще бывать.

Это сказал Мамедага и почувствовал, что его слова пришлись по душе старику. В этот момент откуда-то примчался пес и, виляя хвостом, высунув язык, преданно уставился на старика.

– Ладно, не будем здесь стоять, пройдем ко мне, выпьем по стакану чая, а потом ты мне объяснишь, что тебе надо, какой бес тебя попутал среди ночи.

Мамедага с Руфатом переглянулись, старик же, шаркая, пошел в сторону каморки. Гости последовали за ним. Пес, радуясь непонятно чему, все время путался под ногами, подлизываясь, то и дело пытался лизнуть их туфли.

В каморке старика стоял тяжелый дух. Руфату подумалось, что это запах могилы, хотя никак не мог понять, почему ему в голову пришла такая мысль. Для того, чтобы познать запах могилы, надо или умереть, или, по крайней мере, быть могильщиком. Впрочем… А Мамедагу выворачивало наизнанку от этого запаха. Это был тошнотворный запах пойла, которое на газовой конфорке старик варил для пса. Мамедага оставил дверь в каморку открытой, Руфат же, не выдержав, вынул из кармана носовой платок, приложил к носу. Старик все это прекрасно видел, однако, не подав виду, поставил на плиту чайник, сполоснув стаканы, вылил остатки воды в окно. При этом окно он не закрыл, чтобы проветрить комнату. Пес, взбудораженный

запахом еды, сидел в дверях, внимательно следя за каждым движением хозяина.

Пока закипал чайник, никто не нарушил тишину, кроме Мамедаги, спросившего, где здесь туалет. После того, как Мамедага вышел из каморки, Руфат, все также молча глядя на старика, раздумывал, с чего начать разговор. Наконец старик выложил на блюдечко инжировое варенье и, пододвинув табуретку, покрытую бараньей шкурой, присел. Отпил глоток из стакана, поправил сползший с плеч тулуп.

– Тебе не холодно? – спросил он Руфата.

– Нет, нет, не беспокойся, все нормально.

Возвратившийся Мамедага остановился в дверях:

– Я вам не мешаю?

– Ни в коем случае, – ответил Руфат, а старик кивком головы молча поддержал его. Мамедага, затушив сигарету, вошел внутрь. Старик, допив чай, встал, снял с плиты казан с пойлом, вышел на улицу и опустошил его в миску пса. Тщательно вымыл руки с мылом и снова налил себе чаю. Гости еще не притронулись к своим стаканам, и старик повернулся к Руфату:

– Ну что, баджи оглу *(азерб.«сын сестры», обращение старшего к младшему)*, я тебя слушаю.

Руфат уже был готов к разговору и решил вести беседу в виде интервью.

– Дядя Гатам, я знаю, что ты издавна занимаешься этим делом, профессия у тебя необычная, да и аура здесь совсем другая. Ты целый день среди надгробий, вдали от живых людей. Что это дает тебе?

Старик, отхлебнул из стакана, задумался.

– Клянусь Аллахом, я, наверное, единственный человек, кто живет на кладбище. Впрочем, человек – это громко сказано. Я такой же, как те, что лежат здесь, а точнее, я живой труп. Но ведь и моя судьба могла сложиться иначе, я мог бы заниматься другим делом. Но я как-то вжился в кладбищенский мир. Когда я пришел сюда, здесь было всего двадцать три могилы, теперь я потерял им счет. Если за день я не выкопаю хотя бы одну могилу, мне становится тоскливо, обуревает чувство, будто я что-то потерял. Правда, теперь уже ничего не поделаешь, город растет, кладбищ стало больше, да и дело это поставили на коммерческую основу, оно считается прибыльным. Люди вкладывают деньги и получают прибыль. Но многие не понимают, что размеры могилы для всех одинаковы, поставил ты над ней памятник или возвел мавзолей, умершему от этого ни холодно, ни жарко. И вообще, баджи оглу, не будь меня, кто-то другой стал бы могильщиком.

Руфат практически не слушал старика. В голове крутились вопросы из-за сна, который он видел минувшей ночью. А Мамедага от бессонной ночи и выпитой водки был совсем вялым. Действие алкоголя постепенно проходило, но в голове нарастал какой-то непонятный шум.

– Дядя Гатам, вот ты говоришь, что число могил увеличилось, кладбище переполнено, ну а ты, только пойми меня правильно, все мы уйдем в землю, ты себе отделил место для могилы? Если да, то чем оно отличается от других?

Старик, запахнув тулуп, съежился. Первая мысль, которая пришла ему в голову после вопроса, была о плате, которую он получил за место для покойного Мардана. Старик мотнул головой, как бы отбрасывая эти мысли, потом внимательно посмотрел на Руфата. По глазам Руфата было видно, что ответ на его вопрос был ожидаем.

– Да, я выделил себе место, немного его прокопал, вокруг посадил кусты. Чтобы приметно было…Если хочешь, пойдем, покажу, уже светает. Это здесь, недалеко, на пригорке…

Когда Руфат услышал слово «пригорок», по его телу пошли мурашки. Мамедага, все еще ничего не понимающий, уставший от глупых вопросов Руфата, который среди ночи чуть ли не бегом прибежал на кладбище, зевнул:

– Наверное, ты отсюда на работу пойдешь?

Руфат молча кивнул головой. Мамедага встал, тихо вышел из каморки и пошел к воротам. Пес увязался за ним, но, остановившись возле ворот, долго провожал Мамедагу взглядом. Потом, пару раз гавкнув для порядка, исчез среди могил.

Руфат вышел вслед за стариком, но когда они взошли на пригорок, в его ушах вновь прозвенел телефонный звонок, ему послышались отрывистые фразы, разговор в повелительном и умоляющем тоне, беседа об историческом памятнике, который был найден в ходе раскопок.

***

Название этого города поменяли давно, назвав его Санкт-Петербургом, но для Мамедаги, а впрочем, и для многих других он продолжал оставаться Ленинградом…

…Когда Мамедага под утро, расставшись с Руфатом, вернулся со старого кладбища домой, Зибейда, всю ночь пребывавшая в тревожном ожидании, молча взглянула на сына, в душе возблагодарив Аллаха, потом, тяжело вздохнув, пошла на кухню. Мамедаге иногда казалось, что мать все время живет на кухне. Еще когда был жив отец, Зибейда большую часть времени проводила там, готовила, гладила белье газовым утюгом, часто пекла сладкие плюшки – гогалы. Когда пацаны видели у Мамедаги плюшку, им казалось, что наступил праздник Новруз. Зибейда всегда раздавала соседям сладости, и хотя Мамедаге не нравилась подобная расточительность матери, отец каждый раз, приходя вечером с работы, спрашивал у матери: «Соседям что-нибудь смогла раздать?» Это Мамедаге нравилось, и он гордился отцом.

Мамедага переоделся, умылся, лег на диван и, словно впервые за двадцать восемь лет бессонных ночей, мгновенно заснул. Через некоторое время, убедившись, что сын спит, Зибейда на цыпочках вошла в комнату и укрыла его шерстяным одеялом. Потом долго глядела на родные черты лица, что-то вспоминала, по щеке поползла непрошенная слеза и упала на лицо Мамедаги. Тот заворочался, перевернулся на другой бок.

Когда зазвонил телефон, Зибейда сидела у соседки Бике, которая готовилась к свадьбе сына. Зибейда, искренне деля радость соседки по поводу предстоящей свадьбы, на мгновение представила себя на ее месте. Она тоже жила мечтой о свадьбе сына, на старости лет ей хотелось подавать невестке чай, слышать звонкий смех внуков.

Телефон не смолкал, а Мамедага никак не мог проснуться. Победил в этой схватке телефон, Мамедага встал, протирая глаза, бросился к аппарату в коридоре:

– Слушаю, кто это?

– Братан, привет, твой заказ выполнен, эта сучара у нас.

Мамедага все еще не проснулся до конца и не мог понять о чем разговор. Но услышав слово «сучара», тут же осознал, что речь идет об армянине Артурике и что звонят ему из Ленинграда. Не любивший долгих разговоров по телефону, Мамедага после нескольких дежурных фраз пожелал ребятам удачи, попросив, чтобы не спускали глаз с Артурика, добавил, что через пару дней прилетит в Ленинград.

Взглянув на циферблат часов, он понял, что спал достаточно долго. Поставив на конфорку чайник, вышел на застекленную веранду, зажег сигарету и посмотрел на улицу. Вновь нахлынули ностальгические воспоминания детства. Эти воспоминания уже превращались буквально в наваждение. Видя улицу без трамвая, площадь без фонтана, опустевший двор, он считал себя униженным, растоптанным. Ему казалось, что тот Мамедага, из детства, плевал в лицо нынешнему, обвинял его в слабости. Мамедага все время искал выход, но его мысли всегда пасовали перед мечтами, сделать он ничего не мог.

Увидев у магазина автомобиль Мухтара, он о чем-то подумал, в последний раз затянувшись, швырнул сигарету, прошел на кухню, налил себе чаю. Потом подошел к телефону, медленно, вспоминая по памяти номер, стал нажимать на клавиши. Услышав голос Мухтара, без традиционного приветствия сразу сказал:

– Это я, Мамедага… Мне нужен билет в Ленинград, причем как можно быстрее. Подумай, что можно сделать, деньги вычтешь из моей доли.

– Хорошо, сделаю…

Мамедага, услышав ответ, положил трубку, взял стакан, и тут телефон зазвонил снова. Это опять был Мухтар.

– Брат, но ведь у тебя нет выездного паспорта…

– Есть, успокойся, я получил его тогда, когда ездил в Дагестан на голубиные соревнования. Сейчас спущусь, отдам тебе.

Чай уже давно остыл, Мамедага выплеснул его в раковину и, накинув на спортивный костюм пальто, вышел на площадку, на которой столкнулся с матерью.

– Тебе что-нибудь нужно?

– Дома все есть, только невестки не хватает…

Мамедага, усмехнувшись, покачал головой и сбежал по ступенькам вниз. Мать прошла в квартиру, в полутемном коридоре невольно разрыдалась. Это была жалоба на собственную судьбу. Ни один из двух сыновей не смог обрадовать ее, а ее надежда по жизни – муж – так рано оставил ее вдовой.

…Старший сын Ильгар выучился, получил высшее образование. Однако мать абсолютно не знала его мыслей и чаяний, его образа жизни. Тем не менее, как мать, она обвиняла в этом себя. Зибейда всегда очень хотела, чтобы ее дети, выучившись, стали большими людьми. И поэтому, когда Ильгар еще был маленьким, она делала все, чтобы он хорошо учился. Сама не очень грамотная, она смогла сделать так, чтобы четырехлетний Ильгар уже знал алфавит. Кто бы ни приходил в их дом, а это, как правило, были водители, садовники и другие люди самых простых профессий, мать просила их поинтересоваться успехами сына в школе. Ильгару же было противно, что взрослые дяди, заглядывая в книжку, с умным видом задают ему вопросы. Эти люди, стараясь показать себя грамотными, начинали с ним спорить, читать нотации, упрекать, что он плохо готовится к занятиям. Именно поэтому у Ильгара стала проявляться ненависть к взрослым. И эти ненавистные нотки росли вместе с ним. С возрастом он стал забывать о самых высоких человеческих чувствах, превратившись в жестокое, бессердечное существо. Поступление в вуз он воспринял спокойно, словно перешел в одиннадцатый класс, а на поздравления окружающих вместо благодарности только горько улыбался. Учеба, наука давались ему очень легко, но чувства к людям исчезли, он словно стал роботом. Работа, дом, общество, семья – все это было для него обыденной, бессмысленной привычкой. Решение о создании семьи он принял сам и женился на соседке Назлы, которую во дворе за глаза называли распутной шлюхой. В принципе, это не было женитьбой, Ильгару просто нужно было с кем-то делить постель, и он добился своего. Ну, а Назлы была верна себе, даже тысячи таких, как Ильгар, не могли изменить ее образа жизни. Зибейда не знала, куда себя деть от стыда. С одной стороны, Мамедага в тюрьме, с другой – Ильгар, обесчестивший доброе имя семьи. А когда она узнала о рождении внука, которого через некоторое время сдали в детский дом, она ничего себе, кроме смерти, не желала.

Ильгар же не менялся. Его не интересовала жизнь матери, то, что она одинока, болеет, иногда и голодает. Ильгар жил для себя, выполнив лишь одно пожелание матери – стать образованным.

Женщина вздрогнула от стука в дверь, наскоро вытерла слезы, посмотрела в глазок. Увидев знакомые очки сына, на мгновение растерялась, не в состоянии поверить в чудо. Еще раз заглянула в глазок, открыла дверь. На пороге стоял Ильгар… Зибейда обняла его, поцеловала в лоб.

В душе мелькнула мысль: «Что бы ни было, дитя есть дитя, пусть уже взрослое. Никакая мать не может отказаться от своего ребенка. Разве можно забыть то, что ты носила дитя девять месяцев под сердцем, растила его, баюкала бессонными ночами?»

Ильгар вошел, спросил, где Мамедага. Зибейда, сообщив, что он спустился во двор, бросилась на веранду, чтобы кликнуть сына, но Мамедаги нигде не было видно. Ильгар, попросив мать не беспокоиться, сел за стол и стал пить принесенный ею чай. Теперь для Ильгара все изменилось. Только тогда, когда ему перевалило за пятьдесят, он понял, что тоже является обычным человеком. Что у него в этом мире есть мать, брат, есть могила отца… За годы, прошедшие в одиночестве, без Назлы, он словно впервые очнулся ото сна, понял, насколько его жизнь была бессмысленной, неинтересной. Долгими темными ночами, оставаясь наедине с самым собой, он начинал ощущать странный приятный запах из детства. Это был запах матери, и как хорошо, что Ильгар, забыв обо всем, сохранил в памяти именно его.

– Какими судьбами, сынок? – спросила Зибейда и тут же пожалела об этом. Ильгар, сгорбившись, молча сидел. Потом поднял голову, долго смотрел на мать, потом резко встал, подошел к ней, взял в руки ее тонкие, натруженные пальцы, стал гладить их. Неожиданно он упал перед ней на колени:

– Умоляю, мама, прости меня.

Неожиданный поворот обрадовал растерявшуюся Зибейду, она растроганно погладила поседевшие волосы сына, потом, прижав его голову к груди, поцеловала в лоб и стала покачиваться, как это делала с сыновьями, когда они были маленькими.

– Да буду я твоей жертвой, мама, спой мне колыбельную.

Зибейда словно вмиг помолодела, воспоминания прошлых лет нахлынули на нее, щеки порозовели, изменился голос. Ей показалось, что она у изголовья колыбели. Зибейда запела:

– Месяц над нашею крышею светит,
Вечер стоит у двора.
Маленьким птичкам и маленьким деткам
Спать наступила пора.
Завтра проснешься, и ясное солнце
Снова взойдет над тобой.
Спи, мой воробышек, спи, мой сыночек,
Спи, мой звоночек родной.
Спи, моя крошка, мой птенчик пригожий,
Баюшки, баю-баю.
Пусть никакая печаль не тревожит
Детскую душу твою.
Ты не увидишь ни горя, ни муки,
Доли не встретишь лихой.
Спи, мой воробышек, спи, мой сыночек,
Спи, мой звоночек родной.

Ильгару казалось, что он попал в иной мир. Впрочем, не только ему. Зибейда была на седьмом небе от счастья. Ей казалось, что она открыла новую страницу жизни, и просила Всевышнего, чтобы это не было сном.

Ильгар сидел за столом, пил чай с инжировым вареньем, без устали рассказывая о последних событиях его жизни. Потом почему-то поинтересовался, кто живет по соседству, в квартире у армянина Артурика. Мать ему сообщила, что там поселились новые жильцы из Кафана. То, что они новые, это было неверно, ибо после тех событий минуло без малого шестнадцать лет. Зибейда сказала, что это очень хорошая семья. Скоро собираются поженить сына.

Слушая мать, Ильгар вспоминал события тех лет, когда армяне заявили претензии на азербайджанские земли, когда события переросли в вооруженный конфликт, а результатом армянского сепаратизма стали десятки тысяч жертв, около миллиона азербайджанцев оказались беженцами.

…Город бурлил. Двор, где жил Ильгар, был в центре, и поэтому все основные события происходили в их районе.

В ту ночь Ильгар со своим другом, журналистом Эльмеддином, отмечали рождение его сына. Друзья говорили тосты, обсуждали последние события, особенно происходящие в Нагорном Карабахе. Ильгар хорошо помнил тот день. Он оставил номер домашнего телефона Эльмеддина Назлы, чтобы она при случае могла позвонить. Но в ту ночь Назлы дома не ночевала, сославшись на то, что дороги закрыты, а на следующий день заявила Ильгару, что осталась у матери. Только потом Ильгар узнал, что ту ночь она провела с директором ресторана Эльдаром… Впрочем… Это было 27 февраля 1988 года. И последующие двое страшных суток.

Вдруг мать Эльмеддина тетя Пюста вошла в их комнату и взволнованно сказала:

– Элиш, кажется, народ собирается устроить забастовку…

Эльмеддин, не обратив внимания на слова матери, ухмыляясь, отправил в рот кусок маринованной капусты:

– Ну и пусть бастуют. Советская власть ничего просто так не делает, устраивает забастовку, значит, так и надо.

Потом этот эпизод забылся, друзья опорожнили бутылку водки, и когда Ильгар встал, чтобы уйти, его серьезно покачивало. Кое-как дойдя до входной двери, попрощавшись с матерью Эльмеддина, он стал спускаться по лестнице. Пока спустился до первого этажа, Эльмеддин уже храпел на диване.

Ильгар вышел на улицу, февральский морозец его взбодрил, головная боль от выпитой водки поутихла. Проходя по улице, он увидел группу молодежи, которая скандировала «Карабах, Карабах!» Ильгар присоединился к ребятам и шел с ними до тех пор, пока не подошел к своему дому. А вот утром, увидев на улице обгоревшие скелеты автомобилей, выбитые витрины магазинов, опрокинутые киоски, вдруг вспомнил, что видел подобное на одном из новостных каналов. Кадры и увиденное были похожи и страшны. Но в тот день Ильгару в голову не могло прийти, что самое страшное еще впереди.

Вечером все повторилось снова. Того парня, который, взобравшись на бортик фонтана на площади перед их старым двором, выступал перед толпой, изрыгая проклятия, Ильгар узнал бы и сегодня. На нем был кожаный плащ и поэтому парень напоминал чекистов сороковых годов прошлого столетия. Он говорил о зверствах армян в Карабахе, которые убивают стариков, насилуют женщин, режут младенцев, вслед за эти призывал всех идти убивать местных армян. Потом уже вся пресса писала о том, что этот парень работал на армянскую разведку. После его выступления город действительно превратился в ад. Как крушили квартиру его соседа по площадке Артурика, Ильгар видел собственными глазами. Вещи из этой квартиры выбрасывали два дня, но они не кончались. На асфальт летели банки с вареньем, с топленым маслом, которое тогда выдавали по талонам. Но семьи Артурика не было, она куда-то исчезла, ее никто не видел.

Ильгар почему-то был взволнован, хотя это волнение вытекало больше из журналистского любопытства. Он решил узнать у матери, куда делась семья Артурика. Вспомнив, что мать живет одна, он стал подниматься по лестнице. Когда он поднялся на свою площадку, увидел, что какой-то парень с канистрой поливает порог и дверь Артурика бензином.

– Парень, что ты делаешь?

– Поджигаю, не видишь.

– Нельзя! – крикнул Ильгар. – Если ты подожжешь эту квартиру, сгорит весь дом. Ведь в этом доме, кроме двух-трех армянских семей, живут наши. И в эту квартиру переселятся наши. Не делай этого, слышишь…

Видимо, что-то перемкнуло у парня в голове, но он Ильгара послушал. Подхватив канистру, молча спустился во двор. В этот момент Ильгар услышал, что в подъезде по лестнице поднимается шумная толпа людей. Они поочередно стучали в квартиры, ища армян, наконец, остановились перед дверью Зибейды. Ильгар подошел к ним:

– Что вам нужно?

– Нам нужны армяне.

– Здесь нет армян.

В этот момент кто-то из толпы признал Ильгара:

– Он правду говорит, это брат Мамедаги, я их знаю.

Ильгар расстроился оттого, что его признали из-за брата, потом тихо стал спускаться по лестнице. В это время за дверью стояла дрожащая от страха Зибейда и видела, как сын уходит.

Толпа вслед за Ильгаром тоже стала спускаться по лестнице. Один из них яростно произнес:

– Кто прячет армян, тот сам армянин!

Все вышли со двора и события продолжились уже по другим адресам. Ильгар же, абсолютно не подозревая, что творится на душе его матери, вышел со двора и пошел, куда глаза глядят. Ему даже в голову не могло прийти, что по ту сторону двери его квартиры дрожащая от страха мать в маленькой ванной прятала две армянские семьи.

Когда раздался стук в дверь, Зибейда, приложив палец к губам, призвала всех к тишине. Потом на цыпочках подошла к входной двери, посмотрела в глазок, чтобы убедиться, ушла толпа (и Ильгар тоже) или нет. Удостоверившись, что на площадке никого нет, воздела руки к небу и прошептала:

– Ушли… Все…

Потом от пережитого страха, волнения, чувства, что некогда нормальные соседи стали врагами, заплакала. Когда она открыла дверь ванной и увидела одиннадцать испуганных лиц, в голос зарыдала. Ильгар обо всем этом ничего не знал. Но все могло случиться…

Ильгар же ходил по городу, обдумывая для новой повести образ матери, а все, что происходило вокруг, его интересовало меньше всего.

…В ту ночь солдаты советской армии на бронированных машинах вывезли всех армян, которые до окончания режима чрезвычайного положения были размещены в Доме культуры под неусыпным контролем горкома партии. Ильгар только потом узнал, что многие армянские семьи были спасены именно самоотверженными действиями азербайджанских семей. Но, к сожалению, армяне ни тогда, ни позже из страха перед своими соплеменниками так и не признали этого факта…

Эти раздумья Ильгара прервал вернувшийся домой Мамедага. Он поздоровался с братом, потом сообщил, что должен срочно лететь в Ленинград. А потому как билет ему достали на самый ближайший рейс, через три часа он должен быть в аэропорту.

– Если ты никуда не торопишься, проводи меня, – сказал Мамедага. – Мы поедем с Мухтаром на его машине.

Ильгар как ребенок обрадовался предложению брата. Пока тот брился, Ильгар собрал его сумку.

РОССИЙСКИЙ ВОЯЖ МАМЕДАГИ

О том, что Артурик живет в Ленинграде, Мамедаге сказал Руфат. Два года назад Руфат был в творческой командировке в Ленинграде, и в одной из передач на местном телевидении Артурик его признал среди гостей, пришел увидеться. Один из ленинградских журналистов раздобыл для Руфата адрес и телефон Артурика, и все эти сведения Мамедага переправил ребятам из криминального мира, которые нашли его в течение дня.

Среди тех, кто встречал Мамедагу в Пулково, был его одноклассник Таир. Одно время они дружили, а когда Мамедагу взяли, Таир, окончив восьмой класс, уехал в Ленинград, чтобы поступить в военное училище. С военным училищем ничего не вышло, но Таир остался в Ленинграде, окончил ПТУ, потом стал жить с одной русской девушкой. Когда Таир вернулся из армии, он первым долгом пришел к Мамедаге. Встретился с его матерью. Поинтересовался, как Мамедага, пообещал, что навестит его, но не сделал этого. Зибейда, будучи на свидании с сыном, окольно поинтересовалась, бывал ли у него Таир, но получила отрицательный ответ. А теперь Таир в Ленинграде был одним из «уважаемых людей» и спешил на встречу с Мамедагой.

Беседа не слишком затянулась, так как Мамедага в первую очередь хотел увидеть Артурика. Машины направились туда, где содержался Артурик. Это был загородный дом, в котором жили азербайджанцы. Артурик был помещен в небольшую комнату со всеми удобствами.

Когда он увидел Мамедагу, не узнал его. Это немудрено, так как после последней встречи прошло двадцать восемь лет. Но Мамедага точно знал, что перед ним Артурик, тот самый, что снимал дворовых ребят своим фотоаппаратом «Смена», потом продавал фотографии за двадцать копеек, мог преподнести себя, как самого умного, на самом же деле был внутренне таким же подонком, как и его отец Борис. «Они родились армянами, и им подобным очень сложно избавиться от армянства», – подумал Мамедага.

Артурик за эти годы постарел, погрузнел, тройной подбородок лоснился, словно смазанный жиром. Он был совершенно спокоен, он был уверен, что столько азербайджанцев, собравшихся вместе, не могут ему навредить.

Но оставшись наедине с Мамедагой, Артурик почувствовал себя неуютно, его пугало затянувшееся молчание. Мамедаге, напротив, это молчание помогало психологически.

– Ты не забыл наш старый двор?

Вопрос прозвучал как гром среди ясного неба, Артурик съежился, словно попав в иной мир. В мир своего детства, памяти, в мир, которому он и его родители были обязаны тем, что они остались живы. В том мире у него остались очень честные, чистые душой люди, добрые соседи, шумливые, драчливые друзья детства. Он вспомнил аромат и бесподобный вкус пахлавы, шекербуры, сладостей, жареной пшеницы, дымящегося ароматного плова, готовившихся к празднику Новруз. А снежными зимними днями они играли в снежки, катались на санках, лепили снежную бабу. Последний раз в снежки он играл в том городе. Потому что снега, как правило, было немного, но и он приносил детям неимоверную радость. А теперь он жил в другом городе, где снега зимой было так много, что он надоедал, не говоря уже о том, что радости не было никакой.

Артурика от раздумий отвлек новый вопрос:

– Ты что так сильно призадумался, может быть, для разговора пригласить переводчика?

– Ара, это ты, Мамедага? – спросил Артурик, потом, подойдя к Мамедаге, попытался его обнять. Мамедага движением руки остановил Артурика, и тот, понурившись, сел на свое место. Мамедага прошелся по комнате:

– Я с тобой поздороваюсь тогда, когда мы внесем ясность в несколько моментов. Будешь искренен, я стану тебе братаном, но если обманешь, пощады не жди.

– Ара, Мамед, что случилось, что тебе сказали обо мне? В детстве всякое бывало… Но мы же были друзьями.

Мамедага прикурил, потом резко спросил:

– Почему ты выбрал Руфата?

– Сказать правду? – и, не дожидаясь ответа Мамедаги, продолжил: – Руфат обманул мою сестру… Сусанна плакала, убивалась, а я не мог сладить с Руфатом. Понятно, да?

– Понятно… Ладно, а почему потом твой отец, выступая по телевизору, оболгал всех азербайджанцев? Моя мать, рискуя собственной жизнью, спрятала вас в маленькой ванной, а твой отец заявил о том, что прятался в подвале. Моя мать не притронулась к вашим вещам, а твой отец заявил о том, что она украла у вас золото. За что вы нам мстите? Ты в курсе дела, что из-за слов твоего отца наши «армяне» из полиции таскали мою мать по отделениям, измывались над ней, а следователь не погнушался тем, что забрал в виде взятки у мамы память об отце, ее обручальное кольцо? Я тебя не упрекаю, так как прекрасно понимаю и знаю имя вашей с нами вражды. Хочешь, я назову его? Я понимаю, что тебе это будет неинтересно, но я хочу, чтобы ты услышал это от меня и чтоб увидел, какова будет твоя реакция.

Артурик нервно сглотнул слюну… Теперь перед ним был не тот Мамедага, который не мог связать двух слов, был неграмотным драчуном и забиякой. Перед ним сидел тюрок с претензиями следователя, юриста, загонявшего подследственного в угол вопросами. Артурик примерно знал, о чем будет говорить Мамедага.

– Ну… – не выдержал Артурик.

– Потому что вы армяне. Ты знаешь, какое у нас сейчас самое страшное ругательство? Придет время, оно во всем мире будет самым страшным, любое матерное слово будет по сравнению с ним безобидным. Если кто-то кому-то скажет «ты армянин», там прольется кровь. Не забывай этого. А теперь у меня к тебе есть дело. Если ты мужчина, вернешь долг. Не знаю, каким образом, но ты должен мне помочь пробраться в Шушу. Подумай… Через день мы снова встретимся здесь…

– Ара, Мамед, что ты потерял в Шуше?

– Не твое дело… Время идет, настанет момент, когда меня не будет на этом свете. Ты что, считаешь, что хотя бы один раз в жизни я не должен побывать в Шуше, увидеть ее, выпить там водки, поесть шашлыка? Мои голуби должны летать над горами Шуши. Или ты так не считаешь? Ты не поймешь этого. Подумай…

Выйдя из комнаты, Мамедага запер дверь. Артурик налил из графина в стакан воды, жадно выпил, потом, схватив графин, приложился к горлышку. Затем подошел к окну. Темнело. Под фонарем тлели угли мангала, худой, высокий мужчина, часто поправляя сползающую на лоб шапку, жарил шашлык. Такие шапки носили только коренные кавказцы, истинные мужчины.

Артурик был родом из Карабаха. В Ханкенди жили его родственники и в детстве его часто возили туда. Ему нравились гулять на зеленых лугах, пить чистую родниковую воду, кататься на лошадях и ослах, играть с азербайджанскими детьми. У него был дядя, Аршевил, соседи его называли «кум», а он на каждое приветствие отвечал «ара, джан». Аршевил был типичным армянином с грубыми чертами лица, большими ладонями, но при всем при этом внутри него кипела азербайджанская музыка. Будучи один, он часто напевал песню «Лань Азербайджана», и в эти минуты внутренний голос ему шептал, что только за эту песню стоило, чтобы он был азербайджанцем. Каждый год, когда заканчивались летние каникулы, Аршевил со своим племянником ездил в город. Причин было несколько. Надо было сдать в целости и сохранности племянника родителям, заодно привезти им дары сельской местности и, самое главное, купить у шляпника на базаре новую шапку.

Шляпник его хорошо знал, и долгие годы этого взаимного торгового сотрудничества наладили между ними некое взаимопонимание. Шляпник точно знал, что в конце августа Аршевил непременно приедет и заберет уже готовую шапку.

Настоящие мужские шапки достать было трудно.

Настоящие мужские шапки носили только настоящие мужчины.

Когда армяне подняли головы и стали предъявлять претензии к тем, с кем жили долгие годы, Аршевил собрал своих детей и, не глядя им в глаза, словно он был виноват в этих событиях, заговорил:

– Продавайте все, что у вас есть, уезжайте отсюда. Эти места не для нас. Там, где белое называют черным, жить нельзя. Я не мусульманин, но знаю одно, что Аллах един, и он для всех. В чужом доме можно быть только гостем, только…

Аршевил отправил своих детей в Воронеж, а сам остался со своей женой. Однажды ночью встал, вышел во двор, глянул на полную луну и что-то прошептал, потом тихо запел «Лань Азербайджана», вернулся в дом, лег и больше не проснулся.

О смерти дяди Артурик услышал, будучи в рядах советский армии в Ленинграде, а потом ему подробности рассказала вдова Аршевила. Теперь, глядя на мужчину, жарившего шашлык, Артурик подумал, что его дядя тоже был таким же – простым, работящим, всегда был добрым со всеми…

Внутри Артурика неожиданно пробудился дьявол по имени «армянин». Недавние добрые мысли сменились дьявольскими. Желание во что бы то ни стало узнать, почему Мамедага здесь и что ему надо в Шуше, не давало ему покоя. Он подумал, что Мамедага любым способом отомстит ему. Выглянув в окно, он увидел, что мужчина возле мангала выложил мясо с двух шампуров на тарелку. Парень, который всегда приносил ему еду, вошел с тарелкой шашлыка, накрытой теплым хлебом, положил все на стол, молча вышел. Артурик подошел к столу, взял кусок мяса, с жадностью, почти не жуя, проглотил его. Потом, о чем-то подумав, прямо в одежде бросился на кровать, попытался заснуть. Однако аромат шашлыка не позволял ему заснуть. Он поднялся, съел шашлык до последнего кусочка, опять лег, блаженно поглаживая большой живот.

***

В начальной школе Артурик учился в русском секторе. Но после четвертого класса отец перевел его в азербайджанский сектор, громогласно заявив всем, что каждый гражданин Азербайджана должен знать язык страны и уважать культуру народа. Этим заявлением Борис среди соседей заработал лишние очки, однако истинная его цель была другой, но о ней никто, кроме него самого и тех, кто подучил его, не знал.

Итак, Артурик попал в азербайджанский сектор, теперь у него были другие одноклассники, друзья, и ему нужно было изучать язык, обычаи. Больше всех во дворе Артурик боялся Мамедагу, хотя тот об этом пока не догадывался. Артурик сторонился его, не появлялся там, где бывал Мамедага. Однако одна случайная история подняла авторитет Артурика не только во дворе, но в школе. Раззадорив своих одноклассников, он избил до крови худого и слабого Ахмеда. Окружившие дравшихся ребят одноклассники, увидев, что армянин избил Ахмеда, сделали его чуть ли не героем дня. Артурик гордо прошествовал сквозь толпу и пришел во двор. Один из мальчиков до самого дома нес его портфель. Вечером того дня Артурик, дабы еще раз продемонстрировать свою победу, спустился во двор и тут же пожалел об этом. Но пока события развивались в его пользу. Спустившись во двор, он увидел рядом с детским садом избитого им Ахмеда со старшим братом Орханом. Артурик задрожал от страха, сердце забилось как у воробышка. Ему захотелось повернуться и побежать домой, но утренняя победа не позволила сделать это. Сказав себе «будь что будет», он медленно подошел к ожидавшим его братьям.

У Ахмеда под глазом был темно-синий фингал, губа рассечена, так что Артурик понимал, что это «геройство» не сойдет ему с рук.

Орхан держал в руках кусок доски от ящика, который он взял с собой, чтобы треснуть Артурика по башке.

– Ты ударил моего брата?

– Я…

– Теперь я тебе покажу, как это делается…

Вокруг уже собралась порядочная толпа дворовых мальчишек, Орхан, нервно сжимая доску, кусал губы от злости. Артурик уже представил себе, что будет, если оружие в руках Орхана обрушится на его голову. Кровь брызнет, будет очень больно. Ему стало еще страшнее. Однако внутренний «дьяволенок» по имени «армянин» подсказал ему выход.

– Если ты мужчина, брось доску, будем драться. Ты не одолеешь меня…

Орхан совсем взбесился от этих слов, в глазах у него потемнело. Толпа молча внимала диалогу, с интересом ожидая итога.

– Я тебя и без доски в клочья разнесу! – крикнул Орхан и отбросил доску. В этот миг армянин Артурик, как кошка, бросился вперед, схватил доску и ударил ею Орхана по голове. Все произошло так быстро, что окружающие не сразу поняли, что произошло. Ясно было одно: Орхан, лицо которого было залито кровью, схватившись за голову, тихо завывал. Все обсуждали этот неожиданный удар, но никого не интересовало, каким образом была достигнута «победа». Артурик же, еще раз закрепив свою утреннюю победу, стал фактически «шефом».

Когда эту историю рассказали Мамедаге, тот, выслушав до конца, философски заметил:

– А что тут такого геройского? Ударил же доской. Вот если бы подрались, Орхан его съел бы.

После этой истории и комментария Мамедаги по этому поводу Артурик вообще старался не попадаться ему на глаза. В классе он продолжал еще пару месяцев ходить гоголем и через некоторое время уверился, что он сильный. Однако это чувство оказалось далеко не долговечным.

…В один прекрасный день Мамедага собрал всех мальчишек и объявил о том, что в парке будет драка с мальчишками из другого двора, наказав, чтобы все взяли с собой рогатки. Пацаны, повесив рогатки на шеи, стали набивать карманы и пустые консервные банки «патронами». До «войны» оставалось совсем немного, но Артурика не было нигде. Один из ребят, по приказу Мамедаги отправившийся за ним, вернувшись, сказал, что, якобы, у того разболелось горло и порвалась резинка рогатки. Мамедага еще раз отправил за ним одного мальчика с ультиматумом: или Артурик участвует в драке, или больше не появляется во дворе. Через некоторое время Артурик, наскоро перевязавший горло, спустился во двор и сказал Мамедаге, что он болеет. Мамедага не обратил на это внимания:

– Поступай, как знаешь, хочешь, иди домой, потом увидимся...

У Артурика подкосились коленки, он прекрасно понимал, что означает «потом увидимся»:

– Ладно, как-нибудь обойдется, но у моей рогатки порвалась резинка.

Мамедага, недолго думая, полез в карман, вынул рогатку, протянул Артурику:

– Возьми, вернешь после драки.

Пути назад не было, Артурик взял рогатку и стал с остальными собирать камешки.

Драку начали Мамедага и «главарь» другого двора Хикмет. Сцепившись в объятьях, они катались в пыльной траве между деревьями. К тому времени Мамедага уже три месяца ходил в секцию дзюдо и кое-чему научился. Но противник был далеко не слабак, и пацаны никак не могли сладить друг с другом.

Эта схватка завершилась вничью, что ввело Артурика в ступор. Он очень рассчитывал на то, что Мамедага победит Хикмета, и драка на этом завершится. Но не тут-то было. Обе «армии», спрятавшись за декоративными кустами, стали обстреливать друг друга из рогаток. Когда один камень больно ударил армянина по ноге, его визг перекрыл все крики в парке. Размазывая грязными руками слезы, он незаметно убежал с поля боя. Добежав до двора, он увидел участкового Мурсала. Обрадовавшись, словно это был его родной дядя, он бросился к нему.

– Дядя Мурсал, в парке драка. Я мимо проходил, в меня из рогатки попали.

Участковый Мурсал со всех ног бросился в парк. Там шла поистине каменная война, и милиционер, прикрывая руками лицо от летящих рогаточных «пуль», заорал что есть мочи:

– А ну разбегайтесь, сукины дети, я вам сейчас…

Стрельба тут же остановилась, пацаны бегом разбежались по своим дворам. Остались лишь главари – Мамедага, Хикмет и по нескольку ребят с каждого двора. Бежать смысла не было, участковый Мурсал прекрасно их знал…

Вечером Мурсал побывал у всех дома, заставив родителей краснеть и прятать от стыда глаза. А отцы, которые были на работе, вечером были приглашены в пункт милиции, так сказать, для профилактической работы. Мурсал говорил долго, нудно, словно читал лекцию, потом, содрав с каждого по двадцать пять рублей, порвал протокол происшествия. В конце, собрав всех отцов вместе, еще раз отругал их, завершив профилактику интересным образом:

– Скажите своим детям, что идя на серьезное дело, на армян пусть не надеются. Я знаю всю подноготную этих людей…

Мурсал отслужил в рядах Советский армии в Армянской ССР и действительно хорошо знал нравы армян.

Эта история и слова Мурсала стали предметом обсуждения в семьях ребят. Мамедага и несколько ребят из обоих дворов уже были в курсе того, кто их сдал участковому. Об этом узнал и Артурик, а слова Мурсала об армянах даже стали предметом обсуждения в верхах. Кто-то из родителей (скорее всего, из смешанных семей) настучал на Мурсала в главный орган города на улице Пушкина (жители даже вслух не произносили название этого органа). Через два дня Мурсала вызвали туда и так отчехвостили, что бедный участковый проклинал молоко собственной матери. За антинациональную пропаганду ему строго пригрозили, припомнили взятки, которые он получил от родителей, но все же, учтя его заслуги в рядах милиции, не стали заводить уголовного дела и благополучно изгнали из правоохранительных органов. Бедолага Мурсал, проклиная тот день, когда ему встретился армянский гаденыш Артурик, ругая себя на чем свет стоит, стал обзванивать всех знакомых, наконец, вышел на одного высокопоставленного аксакала. После звонка аксакала Мурсал, выплатив солидную сумму отступных, восстановился на работе, а через шесть лет, уйдя на пенсию, уехал в Саратов к сыну. Когда он вышел на пенсию, Мамедага уже был в тюрьме.

История с Мурсалом никого не интересовала, все во дворе говорили только об Артурике. Мамедага, не желавший ждать, когда Артурик, наконец, выйдет во двор, пошел в школу, вытащил его за шиворот из класса и привел во двор детского сада. Среди собравшихся было несколько ребят-армян, которых позвали по поручению Мамедаги. С ними Мамедага посещал спортивный кружок.

Артурик, увидев всю панораму во дворе детского сада, понял, что его конец не так далеко.

Мамедага, отыскав глазами в толпе Орхана, подозвал его:

– Как он тебя ударил в тот день?

Орхан рассказал все, как было, а ребята подтвердили его рассказ. Мамедага потребовал, чтобы и Артурик рассказал историю того дня, но тот молчал, только кивая головой в знак согласия.

– Да ты не бойся, лично я за тебя болею. Дерись с Орханом. Если победишь его, я с тобой братан, если нет… – Мамедага многозначительно развел руками. Но тут, о чем-то подумав, переменил свое решение: – Нет, лучше дерись со своим сверстником, – пальцем показал на Ахмеда. – Ты же его избил тогда, избей еще раз… Один на один. Побьешь, как я сказал, будешь мне братаном, нет, значит, пиши пропало…

Ребята-армяне стали подзуживать Артурика. А Орхан, видя, что Ахмед колеблется, отозвал его в сторону.

– Не бойся, братишка, ты сильнее него, но не давай ему возможности ударить тебя первым. Бей первым, все за тебя болеют…

Воодушевленный Ахмед уже представлял себе, как он подомнет под себя Артурика и будет лупить его.

Бойцы стали друг против друга. Артурик снял пиджак, протянул его одному из мальчиков, который до вчерашнего дня таскал его портфель. Тот спрятал руки за спину:

– Брось на землю, я тебе не амбал…

Артурик был спокоен, зная, что однажды уже избил Ахмеда, но не помнил, что тогда ребятня поддержала его, оставив без поддержки его противника. Бросив пиджак на землю, он, подбоченившись, встал перед Ахмедом. Но тот, не дав Артурику опомниться, с проворством кошки бросился на него, выброшенным вперед кулачком заехал тому под челюсть. Второй удар худенький Ахмед нанес в живот. У Артурика перехватило дыхание, он согнулся пополам. Ахмеду это и надо было, он насел на противника и начал его избивать. Драка продолжалась бы, если бы не Мамедага, поднявший руку и остановивший бой. Ахмеда сняли с Артурика, отвели в сторону. Поверженного тоже подняли, дали ему платок, чтобы он вытер кровь из рассеченной губы. Молчание нарушил Мамедага:

– Теперь тебе ясно, кто ты есть? Теперь это знают все. Мужчине не подобает прятаться под маской, продавать своих друзей… С этого дня в нашем дворе друзей себе не ищи… Иди…

Артурик остановился перед Мамедагой, тыльной стороной ладони размазал по лицу кровь, хотел что-то сказать, но, промолчав, вдруг заплакал и убежал домой.

В ту ночь пацанва вновь ждала, что к ним заявится участковый Мурсал и будет вести с родителями «приятные» беседы, но Артурик никого не выдал, матери сказал, что упал с дерева, и чтобы не показываться отцу на глаза, пошел спать… Но сделал он это не для того, чтобы доказать свое мужское начало, а из страха перед тем, что может получить еще более суровое наказание от дворовых мальчишек.

Когда начались карабахские события, Ахмед учился на последнем курсе Бакинской высшей военной школы. По настоянию Мамедаги и брата Орхана, еще учась в школе, занимался дзюдо. И теперь этого некогда худосочного, болезненного мальчика нельзя было узнать. Ахмед возмужал, перекатывающие шарами бицепсы на руках и груди говорили о мужской силе. Прослужив некоторое время в рядах Советской Армии, он услышал о создании азербайджанской армии, вернулся на Родину, участвовал в боевых операциях. В одном из боев, выводя солдат из окружения, он не смог уберечь себя – снаряд, разорвавшийся рядом, оборвал жизнь офицера, беззаветно любившего Родину. Посмертно ему было присвоено звание Национального Героя Азербайджана, а школу, в которой он учился, назвали его именем.

Когда Мамедага после долгих лет заключения вернулся домой, он увидел на торце дома, в котором жил Ахмед, мемориальную доску с его барельефом. Мамедага, несмотря на двадцать восемь лет скитаний по тюрьмам, сразу узнал Ахмеда, купил тридцать шесть алых гвоздик и на машине Мухтара поехал в Аллею шехидов. Там он узнал, что Ахмед и Мухтар были двоюродными братьями.

***

Спавший тревожным сном Артурик неожиданно проснулся. Встал с кровати, допил остатки воды из графина, но так и не смог утолить жажду. Выглянул в окно, там было тихо, в комнате охранника возле забора светилось окно. Силуэт в окне показался ему знаком, это был тот, кто готовил во дворе шашлык. Откуда-то доносилась азербайджанская музыка, от слов песни у Артурика внутри все заныло.

– Не заплетает концы волос,
Не срывает влажный цветок
Златовласая невеста…
Что это за любовь,
Не отдадут тебя за меня .

Мать обожала эту песню, а сестра Сусанна готова была отдать все на свете тому, кто ее исполняет… Вместе с музыкой в голове Артурика вдруг возник непонятный нудный гул, действовавший на нервы…

Первое, что пришло ему в голову, это выпрыгнуть в окно и бежать куда подальше, но вспомнив о данном ему задании, он решил поговорить с Мамедагой. Подойдя к двери, он постучал. Прошло несколько минут, дверь открылась. Перед Артуриком стоял Таир, глядя на него таким взглядом, будто хотел разорвать на куски стоящего перед ним армянина.

– Что случилось, дурной сон приснился? – спросил Таир, хищно посмеиваясь. Артурика передернуло.

– Пусть мне дадут чаю и, если можно, сигарет…

Таир прикрыл дверь, прошел в комнату Мамедаги и через некоторое время вернулся с каким-то человеком, в руках которого был поднос, на котором стояли стакан, чайник, варенье, тарелка с печеньем и пачка сигарет.

– Ты ничего не хочешь сказать Мамедаге?

– Хочу, – Артурик запнулся. – Утром скажу…

Оставшись один, Артурик налил себе чаю и не дожидаясь, пока он остынет, стал пить, обжигая губы. Он чувствовал, что тревога и сомнения мешают ему. Попытался успокоиться, выпил еще один стакан чая, потом, закурив сигарету, вновь подошел к окну. Теперь вместо красивой азербайджанской музыки была слышна какая-то какофония то ли рока, то ли рэпа. Послушав немного, Артурик вдруг усмехнулся… Затушил сигарету, вновь повалился на кровать, заложил руки за голову, начал думать. «Что будет, то и будет…» Утром встал, умылся, затем постучал в дверь. Дверь открылась, там стоял Таир и молча глядел на Артурика.

– Мамед проснулся?

– Да…

– Мне есть, что ему сказать…

Таир так же, не говоря ни слова, прикрыл дверь. Вскоре дверь вновь открылась. Теперь у двери стояли Таир, Мамедага и какой-то русский парень.

– Я хочу поговорить с тобой один на один…

Мамедага качнул головой, Таир и русский парень ушли в другую комнату. Мамедага закрыл дверь и встал напротив Артурика. Крутя в руках гаванскую сигару, посмотрел в хитрые глаза армянина.

– Я долго думал ночью…

Артурик долго говорил о том, что Мамедага прав, что все армяне тоже устали от этой войны, вспоминал, как они дружно жили в детстве. Когда он замолк, Мамедага в упор посмотрел на него. Потом он откусил кончик сигары, взял со стола зажигалку, прикурил, выпустил клуб дыма, заговорил:

– Повези меня в Карабах, в Шушу, я хочу увидеть этот город, хочу поесть шашлыка на природе, хочу остаться там и изгнать оттуда ваших…

Артурик растерялся

– Из Шуши нельзя изгнать наших, это не в моих силах…

– Ты меня возьми с собой, остальное не твое дело. Я поеду туда один, вернее, только с тобой, но твои отец, мать и сестра Сусанна останутся у меня в заложниках здесь, пока я не вернусь. Ты понял меня? Вернусь, тебя ждет очень хороший подарок, продашь меня, можешь быть уверен, твоих родных ждут страшные муки. Это я тебе говорю…

– Когда поедем?

– Когда ты будешь готов…

– Я готов.

У Мамедаги был готов грузинский паспорт и документ, подтверждающий, что он в качестве журналиста командируется в Шушу. Однако известие о том, что мать попала в больницу, на некоторое время отложило его планы. Мамедага, поручив Артурика Таиру и его людям, срочно вернулся домой.

У Мухтара дела совсем были плохи. Афтош, воспользовавшись отсутствием в городе Мамедаги, содрал с него пять тысяч долларов, наговорив о своем противнике кучу гадостей. В городе царила обстановка, предвещавшая большую «разборку». Мухтар рассказал обо всем начальнику, а тот посоветовал ему написать заявление в полицию. Но Мухтар оказался умнее, решив подождать Мамедагу, срочно позвонил в Питер, кратко объяснил тому сложившуюся ситуацию. Все, что случилось за время его отсутствия, для Мамедаги было неожиданностью…

СТАРЫЙ МОГИЛЬЩИК, РУФАТ, ИДОЛ, НАЙДЕННЫЙ В МОГИЛЕ И САДЫ ШУШИ…

Мамедага смог улететь в Баку через Москву…

Матери сделали операцию на желчном пузыре, она находилась в реанимации.

Увидев во дворе больницы «Мерседес» Мухтара, Мамедага приободрился, Мухтар и на этот раз не подвел его, хорошо сдав очередной «экзамен». Рядом с Мухтаром стояли Ильгар и Руфат. Последний прикуривал сигарету от сигареты, заметно нервничая.

Мамедага поздоровался с ребятами, потом вместе с Мухтаром поднялся к главному врачу. Поднимаясь по лестницам, Мухтар рассказывал Мамедаге о матери, о том, что состояние ее стабилизировалось, все уже позади. Как выяснилось, главный врач больницы был свояком Мухтара, и для матери Мамедаги все было устроено на высшем уровне. Мамедагу не пустили в реанимацию, но увидев мать в окошке, выходящем в коридор, он успокоился, потом, поблагодарив врачей, спустился во двор. Протянул Мухтару деньги, но тот отказался:

– Мы же с тобой уже братья…

Мамедага посмотрел ему прямо в глаза, но ничего не сумев в них прочесть в надвигающихся сумерках, сказал:

– Ладно, позже поговорим, пойдем к ребятам…

***

Кладбище со всех сторон было окружено полицией, дороги были перекрыты, вокруг рыскали с камерами и фотоаппаратами местные и иностранные журналисты. Стоял шум, рабочие с кирками, лопатами куда-то бежали. Старый могильщик давал интервью одному из телеканалов.

Руфат пытался объяснить Мамедаге, что все это он видел во сне, что ему звонили с того света, разговаривали с ним. Мамедага все слушал, но ничего из этого понять не мог.

– Ну почему ты ничего не хочешь понять? Я ведь тебе еще тогда говорил, что мне звонили с того света, сказали, что в нагорной части кладбища зарыты два идола, и если их найдут, это будет историческое событие. Эти два идола практически идентичны, с одной лишь разницей – у одного руки связаны, у другого развязаны. И когда я хотел спросить, от какого из них нам будет польза, связь прервалась. Понимаешь? Теперь эти нашли в одной из древних могил идола, у которого руки связаны. А я им не могу объяснить, что там должен быть еще один идол…

Мамедага удивленно посмотрел на взволнованного Руфата:

– А я считал тебя умным… Какой идол, какой звонок, ты о чем? Слушай, ты взрослый мужчина, пошли лучше делом займемся…

Руфат опустил голову и молча сел в машину Мухтара. Тот включил радио, по которому уже шестой раз за сегодняшний день передавали интервью с доктором исторических наук, руководителем археологических раскопок на кладбище, Исмаилом Махмудбековым.

– А ну-ка, добавь звук, – попросил Мамедага.

«…Давно известен тот факт, что люди на территории Азербайджана жили издревле. Образцы древней культуры мы находили практически на территории всей страны. Наличие древней культуры на Абшероне подтверждают исторические находки на скальных отрогах Гобустана и на территории под названием «Кирное озеро». А идол, найденный здесь, и которому примерно две тысячи лет, – лишнее подтверждение наличия на Абшероне древнейшей культуры. Об этом есть упоминание еще в древнегреческих источниках…»

Мамедага от усталости буквально валился с ног, поэтому, поднявшись домой, ополоснул лицо, быстро переоделся в спортивный костюм, включил телевизор и лег на диван. Почти на всех каналах речь шла об исторической находке. Когда на экране появилось изображение идола, в голове Мамедаги что-то загудело: это был тот самый идол, которого он увидел в фильме в первый день своего освобождения из тюрьмы. Потом этот идол не один раз появлялся в его снах, Мамедага мучился, у него тогда основательно расстроились нервы. Потом эти сны прекратились, и Мамедага забыл о нем. А теперь ему уже вживую показывали этого идола…

…Потом пошел дождь… Все кругом было белым от надгробных камней, которые словно кланялись раздробленному идолу. Кто-то, торопясь, пытался собрать осколки, рассыпанные по земле, в одно место, но они, растворяясь в дождевой воде, просачивались в землю. Иногда, когда сверкала молния, все кругом озарялось ярким светом, освещая все то, что было чем-то, а теперь уходило в землю. Наутро все кончилось, надгробные камни покосились, от былого ничего не осталось. Человек, который всю ночь пытался собрать осколки идола, теперь с окровавленными пальцами рук безмолвно лежал на земле. В этом селе никого не было, все покинули его, кроме одного, – того, кто, лежа на земле, рыдал и бил по ней кулаками…

Этот человек был Мамедага…

Зазвонил телефон, Мамедага открыл глаза, посмотрел на часы: без четверти девять. В окно сквозь занавеси пробивался утренний свет. Оказывается, от усталости он так и заснул на диване в одежде.

– Слушаю…

– Мамедага?

– Да, я.

– Вам срочно нужно прийти в третье отделение полиции, только срочно.

– А в чем, собственно, дело?

Мамедага встал, проклиная все на свете, вспомнил дьявола со всей его родней, умылся, оделся, спустившись вниз, поймал такси.

***

В одной из популярных газет было опубликовано эссе Руфата. Хотя на самом деле это эссе больше смахивало на мистико-философскую статью, и все, кто хорошо знал Руфата, сочли, что у него вновь поехала крыша. Потому что публикация была абсолютным бредом.

«...если вдруг однажды ночью у вас зазвонил телефон, не надо думать, что это какой-то ваш друг решил среди ночи сообщить что-то очень важное, неотложное. Это может быть звонок человека, который покинул нас сто, а может, и тысячу лет назад, и мы должны суметь отличить этот звонок от десятков других, найти в себе силы выслушать звонившего. Эти звонки неслучайны и, в отличие от нас, на том конце провода прекрасно знают, кому звонят. Каждый из нас за свою жизнь хотя бы один раз услышит этот звонок, но возьмете вы трубку или нет, это совсем другой вопрос. Потому что эти звонки выбирают именно нас, верят нам. А те, кто нам звонит, возможно, хотят сказать нам то, что хотели бы сообщить еще тысячу лет назад, но не могли. Потому что мысли вечны, мы тоже выскажем их когда-нибудь... Полезные звонки...»

В квартире Ильгара ничего существенного не нашли, только на столе лежали последние листки его последней повести. И последняя фраза: меня тоже зовет звонок...

Следователь сложил листки повести и газету со статьей Руфата в пластиковый пакет, положил в портфель в качестве вещдоков. Потом, присев на диван, посмотрел на Мамедагу, со злостью курившего сигарету за сигаретой.

– Может, ответишь на пару моих вопросов?

– Я устал...

– Но ведь и тебе было бы интересно найти ответ, по какой причине твой брат покончил с собой...

– Да, интересно, но ответа на этот вопрос не знает никто...

– Я так понимаю, твой брат сделал это из-за отсутствия к нему внимания, поддержки, одиночества.

– В нашей семье мы все, каждый по-своему, были одиноки. Но это не говорит о том, что надо вешаться. История знает немало знаменитых писателей, которые сводили счеты с жизнью. Возможно, Ильгару хотелось быть похожим на них. Но я хочу все же сказать, что кончина Ильгара отнюдь не трагедия, для меня он всегда был мертвецом.

Следователь что-то написал на бумаге, потом внимательно прочел написанное, кое-что добавил и снова задал вопрос Мамедаге:

– Как ты думаешь, а могут быть в его смерти замешаны люди его бывшей жены?

– Я ничего не могу сказать по этому поводу.

Ильгар повесился в ванной комнате. Труба, к которой он привязал веревку, не выдержала тяжести тела, лопнула, вода залила нижних соседей. Видя, что на стук никто не отвечает, соседи вызвали из ЖЭКа сотрудников, которые, взломав дверь, обнаружили повесившегося Ильгара. Соседка снизу, увидев труп, упала в обморок.

– Я обещаю, что как только следствие завершится, верну все рукописи твоего брата.

– Можешь не возвращать, они мне неинтересны.

Следователь ухмыльнулся, встал, аккуратно сложил все бумаги в портфель.

– Пойдем, мне нужно опечатать квартиру.

Мамедага встал и, не дожидаясь следователя, спустился по лестнице. Прямо как в кино лил дождь, словно кто-то с неба из ведра поливал землю. Мамедага поднял голову, подставил лицо под дождь, крупные капли в одно мгновение смочили голову и лицо, холодные струйки поползли за шиворот. Холодный дождь остудил жар в груди, Мамедага стал успокаиваться. Темнело, редкие прохожие, спасаясь от дождя, бежали, перепрыгивая через лужи. Мамедага промок насквозь, решил поймать такси, потом передумал и пошел пешком. Мимо проехала машина, обдав Мамедагу волной грязной воды, но он не обратил на это внимания, продолжая идти. Переходя улицу, он не обратил внимания и на летящую на него иномарку, водитель которой чудом вывернул руль, чтобы не сбить пешехода, но при этом автомобиль вылетел на тротуар. Высунув голову из окна, водитель обложил Мамедагу матом, потом, со скрежетом съехав с тротуара, исчез в темноте. Мамедага, мокрый насквозь, наконец дошел до своего двора, поднялся к себе домой, прямиком прошел в ванную. Скинув мокрую одежду, стал под горячий душ. Потом, переодевшись в сухое, лег в постель и, с трудом превозмогая тупую боль в голове, попытался уснуть. Но не получалось… Как только он закрывал глаза, сразу видел Ильгара, висевшего на трубе с посиневшим лицом. Видел он и идола, который растворялся под каплями дождя…

На похороны Ильгара со двора пришла пара-тройка человек, были Мухтар с племянниками, Руфат и несколько их знакомых. Дождь, зарядивший с вечера, не прекратился и днем, улицы были залиты чуть ли не по бордюры. Ильгара так и похоронили под проливным дождем, потом вернулись во двор, под поминальным навесом выпили по стакану чая, разошлись. Мамедага поблагодарил пришедших на похороны, потом поблагодарил Мухтара за организацию похорон и поминок. Взял стакан с чаем в руки и вдруг взглянул на сидящего перед ним Руфата. Тот был похож на идола, которого он видел в кино, а потом на газетных полосах после известной находки на кладбище. Похож – это не то слово, перед ним сидел тот самый идол и разговаривал с Мамедагой голосом Руфата.

– Он не мог не повеситься… Он должен был это сделать давно… Звонили мне, но на самом деле должны были звонить ему, так мне сказали позже… Ведь звонивший говорил мне, что ему нужен другой человек, звонок мне был случайным, и только потому, что я поднял трубку, тот стал говорить со мной. Не смейся… Все это правда. Я хочу тебе кое-что сказать… Но прошу тебя, восприми все серьезно. Ты поедешь в Шушу, обязательно, но ты останешься в Шуше навсегда.

– Это тебе сказал тот, кто звонил, или Артурик сообщил?

– Сказал звонивший. Они теперь больше не прерывают связь, а я не вешаю трубку, могу говорить с ними в любое время. В ближайшее время они должны мне сказать что-то важное.

– Что?

– Не знаю.

Оба встали и медленно пошли в сторону дома Руфата. Дождь чуть утих, но потоки воды продолжали нестись по улицам. Пройдя в дом, Руфат зажег свет, на цыпочках подошел к телефону, поднял трубку, потом передал ее Мамедаге. Тот осторожно, словно боясь обжечься, взял трубку, и в этот момент погас свет, и хотя на улице было не так темно, комната погрузилась во мрак. Мамедаге стало жутко…

– Ты не от нас, но мы нуждаемся в тебе, а ты в нас… Нуждаешься… Нуждаешься. – Последнее слово эхом отозвалось в голове Мамедаги. Потом в трубке раздался голос Ильгара:

– Меня увела она...

Мамедага то ли от страха, то ли взбешенный тем, что услышал голос Ильгара, грохнул трубкой об стену и быстро вышел из квартиры Руфата.

***

Экспедиция завершила свою работу, с кладбища сняли оцепление. Полицейские, дневавшие и ночевавшие там, наконец свободно вздохнули, а идол, очищенный, отмытый от грязи, отреставрированный, был увезен в Институт истории Академии Наук. Ученые с мировым именем подтвердили, что это уникальная находка, идола внесли в список древних памятников. С идола был снят слепок, с которого сделали немало копий, которые были воздвигнуты в городах и весях страны, добавлены к экспонатам музеев.

Древность и слава идола наполнили сердце Мамедаги чувством гордости. Ему хотелось, чтобы одну копию идола воздвигли на самой высокой точке Шуши. Поэтому он торопился решить вопрос Мухтара, разобраться с Афтошем и срочно вылететь в Ленинград к Артурику. Он дал задание ребятам найти Афтоша и организовать с ним встречу. Эта встреча должна была стать последней и трудной, могла закончиться и трагически, но Мамедага не собирался умирать, пока не увидит Шушу.

Афтош не явился на встречу, заявив, что если это нужно Мамедаге, тот сам его найдет. Но Мамедага не стал этого делать и, ничего не объясняя, сказал Мухтару, что улетает в Ленинград. Срочно взял билет и улетел в Москву. Но в Ленинград он не попал. Из Москвы вернулся в Минеральные Воды, потом, срочно увидевшись с дагестанскими друзьями, с их помощью нелегально перешел границу Азербайджана, вернулся в родной город.

Афтош на своей даче в Новханах развлекался с той, из-за которой Руфат чуть не сошел с ума. В комнате было сильно накурено, играла музыка, в такт которой колыхались огромный живот Афтоша и арбузные груди Саадат.

Первая пуля из пистолета с глушителем попала Афтошу чуть выше его живота, у сердца. Саадат, с выпученными от страха глазами, так ничего и не поняв, беззвучно упала на бездыханное тело своего любовника. Вторая пуля попала ей между глаз.

Примерно через девять часов Мамедага тем же путем перейдя границу, вернулся в Дагестан, далее в Минеральные Воды, а через несколько часов уже был в Ленинграде. Вечером, когда он позвонил Мухтару, тот сообщил ему о смерти Афтоша. Он считал, что Афтоша убили родственники его любовницы.

– Ты знал ее, помнишь, однажды во время застолья у нас из-за нее возникло недоразумение.

– Я поздравляю тебя, с этого дня городским блатным от моего имени можешь говорить все, что угодно.

Мамедага увиделся с Артуриком, уточнил с ним сроки поездки в Шушу, потом снова позвонил Мухтару.

– Слушай меня внимательно, это, скорее всего, моя последняя просьба. Не знаю, как ты это сделаешь, меня это не волнует, но ты должен будешь изготовить небольшую копию того идола, что нашли на кладбище. Отправишь ее мне, я встречу груз в аэропорту. Да, и еще. Помимо этого, из моей голубятни возьмешь двух голубей и отправишь вместе с идолом. Если с мамой что-то случится, похорони ее рядом с Ильгаром. И вообще больше ни о чем не беспокойся, тебя больше трогать не будут. Но, буду я жив, или нет, продолжай помогать неимущим. Деньги – это пыль, а ты, как я уже понял, хороший человек.

Пока Мамедага говорил, Мухтар не мог сдержать слез.

Все было готово для поездки в Шушу, вечером Мамедага с Артуриком должны были улететь в Ереван. Все это время Артурик находился под контролем, а его отец Борис, сестра и мать были в заложниках.

Кроме Мамедаги в Шушу отправлялись шурин Таира Виктор, дагестанец Нурахмед и грузин Тенгиз. Для всех них самым важным делом было хотя бы один раз устроить в Шуше застолье с шашлыком.

На пути из Еревана в Ханкенди и далее в Шушу их проверили раз двадцать. Но документы у всех были в полном порядке, это была «съемочная группа для снятия фильма о Карабахе».

В Шуше шел снег. Большие хлопья падали на следы армян-гяуров, чтобы, скрыв их, оставить чистый снежный покров для прибывших с истинной родины. Когда они проходили рядом с развалинами мечети, у Мамедаги вдруг сильно заболела голова. Минареты мечети был разрушены снарядами, в открытых дверях гудел студеный ветер, словно оплакивая шехидов, сложивших головы за Шушу.

«Съемочная группа» раскинула палатки, привезенные с собой, на площади перед мечетью. Потом участники группы забрались в них, чтобы отдохнуть. Через некоторое время Тенгиз, дабы исполнять миссию оператора, собрал камеру, потом, посоветовавшись с Виктором, стал снимать панораму Шуши. Мамедага с Артуриком абсолютно не говорили на тему задуманного, даже переговаривались с применением только им понятного особого кода.

…В армянскую контрразведку поступила секретная информация о том, что через Армению в Карабах, а точнее, в Шушу, прибыла группа журналистов, намерения которой непонятны. Группу возглавляет азербайджанец по кличке «Голубятник». Когда эта информация была доведена до верхов, оттуда поступило распоряжение взять группу под контроль, но не трогать ее.

Группа Мамедаги уже два дня была в Шуше и планировала на следующий день отправиться обратно. Мамедага вынул из сумки маленькую копию идола, прижал ее к груди. Он думал о том, что через некоторое время этот идол будет стоять на самой высокой точке Шуши и, обозревая оттуда окрестности, словно будет говорить: «Все это принадлежит мне». Тут он услышал голоса у другой палатки, быстро положил идола в сумку, вышел наружу. У палатки, рядом с Тенгизом, стояли два незнакомых армянина и о чем-то говорили. Мамедага, улыбаясь, подошел к ним. Это были простые крестьяне, интересовавшиеся тем, что делает группа в Шуше. Тенгиз им рассказал, что они снимают фильм о природе. Оказывается, армяне жили неподалеку и пришли пригласить группу в гости. Вдруг один из армян внимательно с ног до головы оглядел Мамедагу, потом засмеялся и спросил с армянским акцентом по-азербайджански:

– Ара, а ты случайно не Мамедага?

Тенгиз растерялся, но Мамедага, как ни в чем не бывало, на грузинский лад ответил по-русски:

– Извините, я вас не понимаю…

– Вах, – удивился армянин, покачал головой и замолк.

Потом он еще раз внимательно оглядел Мамедагу и что-то сказал по-армянски стоящему рядом. Тот пожал плечами. Вышедший из палатки Артурик подошел к ним и, будучи единственным армянином в группе, по-русски стал объяснять, что они съемочная группа из Москвы, и что человека этого зовут не Мамедага, а Гиви. Один из армян ушел, через некоторое время вернулся с кувшином белого вина, сушеным мясом. Все уселись в палатке и принялись за еду. Застолье затянулось часа на два, Мамедага уже начал тревожиться. Темнело, когда армяне ушли, оставив «журналистов» одних.

Когда совсем стемнело, Мамедага вышел из палатки, огляделся. Было тихо, Шуша словно дремала, но это была дремота настороженного, раненого человека, беспокойно переворачивающегося с боку на бок.

Мамедага вернулся в палатку, взял идола. Свет полной луны отражался искрящимися звездочками на белом снегу, было очень красиво. Следы ног Мамедаги на снегу говорили о том, что он стремится все выше и выше. Наконец он добрался до места, которое заприметил заранее, еще раз настороженно оглянулся и тут почему-то вспомнил армян, которые пришли днем, того, кто узнал его. Он долго думал и все-

таки вспомнил, кто это такой. Это было лет семнадцать назад, Мамедага сидел в тюрьме Тамбова. С ними сидел и этот армянин Сумбат. И вот тогда, когда этот армянин заложил сокамерников надзирателю, Мамедага самолично полоснул его лезвием по лицу. После этого по приказу начальника тюрьмы, тоже армянина, Мамедагу сильно избили, а потом на пятьдесят один день бросили в одиночный карцер.

– Ара, Мамед, я же тебя узнал…

Голос раздался впереди, и мгновенно перед Мамедагой появились шесть армян. Окружив Мамедагу, они начали его избивать. Удары больно отзывались в теле, но он не упал. Мамедага прекрасно знал, на что шел, но не предполагал такого варианта с Сумбатом. Он понял, что это конец, бороться одному с шестью армянами нереально. «Пусть умру, но как мужчина», – подумал Мамедага. Увернувшись от кулака Сумбата, он нанес ему в челюсть сильный удар. Тот, не удержавшись, рухнул в снег, страшно ругаясь по-армянски, покатился по снежному склону. Оставшиеся вновь окружили Мамедагу и начали избивать его ногами. Он уже был весь в крови, которая, стекая на белый снег, рисовала зловещие рисунки. Идола он бросил в снег, его армяне не видели. Сумбат наконец смог подняться и, присоединившись к товарищам, стал бить Мамедагу. Мамедага из последних сил пополз к идолу, схватил его и, собравшись с силами, встал и обрушил идола на голову Сумбата. Тот со страшным криком и с размозженной головой рухнул в снег. Армяне растерялись. А Мамедага проклинал себя за то, что, выходя из палатки, не взял с собой оружие. Один из армян подскочил к лежащему Сумбату, пощупал пульс, убедившись, что тот мертв, схватил автомат и полоснул длинной очередью по ногам Мамедаги. Их срезало, словно ножом. Потом другой армянин подскочил к лежащему Мамедаге и ножом отрезал ему голову, пинком столкнув ее со склона. Безголовое тело Мамедаги было последним тюркским шехидом на горных склонах Шуши.

Рано утром из палатки вынесли еще три трупа. Это были грузин Тенгиз, дагестанец Нурахмед и шурин Таира, русский Виктор. Артурик ногой пинал голову Мамедаги, что-то бурча себе под нос. Потом поднялся выше, где лежал труп Мамедаги, увидев его, остолбенел. Тело Мамедаги напоминало ему идола, которого он видел в каком-то фильме. Снимок этого идола он видел в Ленинграде, в газете, которую привез Мамедага. Безголовое тело, лежавшее на одной из вершин Шуши, словно говорило Артурику:

– Ты никогда не почувствуешь вкус победы. А я познал его.

Армяне не стали забирать тело Мамедаги, оставив его на съедение диким зверям и птицам. Когда первые лучи солнца осветили горные вершины, над бездыханным телом Мамедаги кружили два белых голубя. Один из них время от времени пикировал в сторону своего хозяина, второй же спокойно летал в вышине.

Артурик поднял ружье, прицелился и выстрелил в того, который спикировал к телу. Птица кувыркнулась, упала рядом с Мамедагой и исчезла в снегу. Артурик прицелился в голубя в вышине, однако ни один из четырех выстрелов не попал в цель, а голубь, совершенно не обращая внимания на выстрелы, продолжал описывать круги. До самого вечера армяне наблюдали за кружившим в небе голубем. Уже поздно вечером птица опустилась на плечо хозяина, маленькая слезинка из ее глаза, мгновенно замерзнув, упала на снег.

Говорят, что тот самый идол все еще там, в горах Шуши, на высотке. А еще говорят, что над горами Шуши постоянно летает стая голубей

***

Руфат поднял телефонную трубку, помолчал, голос, доносившийся из нее, был родным и знакомым. Он узнал голос Мамедаги, и этот родной, знакомый голос говорил, что все скоро кончится, очень скоро, и все скоро увидятся.

***

О том, что Мамедага отправился в Шушу, начальнику полиции первым сказал Мухтар, потом это подтвердил и Руфат, потом поездка группы была подтверждена и документально. Все это возвысило Мамедагу в глазах тех, кто его знал.

***

Идеи Мамедаги о партизанском движении уже были объектом серьезного обсуждения в верхах, все политические силы, отбросив свои амбиции, обсуждали лишь одно – освобождение Карабаха. А у этого объединения всех сил был единый символ – на всех флагах было изображение последнего исторического памятника – ИДОЛА.

***

Руфат смотрел на полную луну сквозь решетку сумасшедшего дома. Он точно знал, что она так же ясно видна и в горах Шуши. Чем больше он смотрел на луну, тем больше ему казалось, что с вершины горы на нее смотрит и Мамедага, и их взгляды сливаются.

***

Мухтар выполнил поручение Мамедаги. Зибейду похоронили рядом с Ильгаром, на похороны пришло очень много народа. Даже начальник полиции прислал для поминок необходимые продукты.

Зибейда до самой смерти так и не узнала о гибели сына, чаяния всех на этом завершились, они встретилась там, откуда шли звонки.

***

После завершения следствия следователь предал последнюю рукопись Ильгара Мухтару, средняя дочь которого хранила эти бумаги, как самое дорогое. Однажды вечером она сказала отцу, что последняя повесть Ильгара называлась «Последний идол»… Потом она вслух прочла эту повесть Мухтару.

***

Ученые где-то нашли информацию о существовании второго идола, найденного на городском кладбище, кто-то позвонил и сообщил об этом руководителю археологической экспедиции, доктору исторических наук Исмаилу Махмудбекову и сразу положил трубку. Городское кладбище вновь окружили охраной, полицейские денно и нощно никого туда не допускали. Археологи перерыли буквально все кладбище, но так ничего и не нашли…

***

В горах Шуши остался безголовый, с раскинутыми руками идол. Знающие люди говорили, что этот идол был последним святым памятником этих мест.

Сумгайыт – Новханы – Сумгайыт, сентябрь 2000, январь 2006

ЕЛИЗАВЕТА КАСУМОВА

ГОЛУБИ НАД ШУШОЙ И АЗАН НАД КАРАБАХОМ

Начиная читать повесть Эйюба Гияса «Последний идол», я не предполагала писать о ней. Но прочтя последние ее страницы, поняла, что не смогу не сделать этого.

Первоначально я читала повесть просто как историю жизни Голубятника Мамедаги, отсидевшего 28 лет в тюрьме и начавшего, вернувшись из нее, решать во дворе, где он родился и вырос, «вопросы» по своему видению и усмотрению, привычными и понятными ему способами.

Сел Мамедага за то, что пырнул ножом одного из своих дворовых товарищей. Сел на восемь лет. В тюрьме совершил еще одно преступление, затем еще одно, каждый раз прибавляя к основному новый срок. Всего «набежало» 28 лет, которые он отсидел от звонка до звонка, и вот, наконец, вернулся. Страстный любитель голубей, за что и получил кличку Голубятник, он обнаружил, что его старая голубятня исчезла, а на ее месте стоит новенький, сверкающий витринами супермаркет.

Решив «разобраться» с Руфатом, которого ударил когда-то ножом, он узнает, что того оговорил соседский мальчишка, армянин Артурик. Мамедага решает разыскать Артурика, который больше не живет в их дворе, и разобраться с ним. «Если тот «петух» еще жив, обязательно найду и казню его», – говорит он.

Из разговора с Мухтаром, с которым Мамедага также желает «разобраться», так как тот поставил магазин на месте его голубятни, он узнает, что Мухтар – беженец из одного из оккупированных районов. Мухтар жалуется на поборы со стороны местной криминальной братии, и Мамедага решает стать его «крышей», обговорив проблему со знакомыми блатными.

Казалось бы, обычный криминальный сюжет и однозначно отрицательный герой-уголовник – блатной, привыкший решать проблемы «по понятиям». Но вчитываясь в произведение, начинаешь понимать, что все совсем не так однозначно, и что само произведение и происходящие в нем события имеют свою подоплеку, свои, не сразу, быть может, видимые подземные пласты и течения. И вся рассказанная в повести история – история не только, и, пожалуй, даже не столько история Мамедаги, а история времени, в котором он жил – а жил он в период, когда зарождался и разгорался так называемый «карабахский конфликт».

… Но давайте вернемся к самому началу. У парня, страстного голубятника, пытались украсть любимых голубей. Не вышло. Но потом из его голубятни все же пропал любимый голубь. Соседский мальчишка, армянин Артурик, шепнул ему, что это сделал друг Мамедаги Руфат. Возмущенный «предательством» друга, Мамедага ударяет его ножом, за что и попадает в тюрьму. А теперь вот узнает, что Артурик солгал. А, возможно, и сам украл этих голубей…

Артурик – истинный представитель своей нации, в нем сосредоточены все ее «лучшие» черты – зависть, трусость и подлость. Поверив ему, Мамедага проявил излишнюю доверчивость, не допуская даже мысли, что кто-то может так нагло врать, позабыв о том, что говорил ребятам их участковый милиционер Мурсал, когда Артурик «заложил» ему ребят со двора: «Никогда не затевайте с ними (армянами) никаких дел – предадут и продадут».

Хочу сразу сказать, что я всегда была противницей того, чтобы осуждать какую-то нацию в целом, всегда считала, что в каждой нации есть и хорошие, и плохие люди, а «плохой нации» – не бывает. Считаю так и сейчас.

Но насмотревшись и наслушавшись о «подвигах» «многострадальных», о том, что на протяжении веков они творили и продолжают творить, я невольно начинаю думать иначе… Во всяком случае, такого количества выродков, как у них, нет, наверное, больше ни у кого. Вспомните хотя бы изверга и подонка Зория Балаяна, смакующего в одном из своих «произведений», как он истязал и убивал азербайджанского ребенка… И таких примеров мы видим множество у армянских сепаратистов, на фоне которых бледно выглядят даже фашисты с их газовыми камерами – то ли дело привычка армянских живодеров отрезать своим жертвам головы, груди, вспарывать животы. И, заметьте, творят такое не армянские уголовники, а вошедшие в раж ненависти обычные граждане…

И все же, конечно, я не говорю об армянской нации в целом. Но на виду, как известно, всегда то, что «плавает на поверхности». А на поверхности всегда плавает… сами знаете, что. И зачастую это «плавающее на поверхности» и создает впечатление обо всей нации…

Оккупировав пятую часть территории своих соседей – азербайджанцев, изгнав их с исконных земель Азербайджана, «многострадальные» претендуют теперь на территории Сочи, Краснодарского края, Ставрополья и многих других чужих земель, которые они активно заселяют. Заметьте, все это – самые «лакомые кусочки», лучшие земли, с теплым климатом, плодородной землей, желательно с выходом к морю… А доверчивые россияне спокойно наблюдают за этим, позабыв сказанные еще более 200 лет назад слова своего великого соотечественника, Александра Сергеевича Пушкина: «Ты трус, ты раб, ты армянин!». Мамедага говорит Артурику, что придет время, и в мире хуже любого матерного, самого оскорбительного слова будет слово «армянин». Такие времена уже были. И, похоже, уже очень скоро наступят снова. Если только армянский народ не отбросит в сторону всю ту накипь, что собралась на поверхности армянского общества…

В повести вспоминаются и трагические события в Сумгайыте, где и происходят все описываемые события. Как уже доказано, события эти были спровоцированы уголовником-армянином. Во время тех событий многие азербайджанцы, рискуя своим благополучием, а иногда и жизнями, спасали армянские семьи, прятали их у себя. Как спрятала у себя в ванной комнате две армянские семьи из 11 человек мать Мамедаги, Зибейда. И спасла им тем самым жизни. Одной из этих семей была семья Артурика. Но представители «самой древней и многострадальной нации на земле» не знают благодарности – отец Артурика, Борис, заявил впоследствии, что он прятался вовсе не у соседки, а в подвале, добавив при этом, что у них пропало золото и обвинив в этом… Зибейду! Чудовищно! Впрочем, не более чудовищно, чем то, что армянские боевики творили в Кафане, в Ходжалы и на остальных оккупированных территориях. Не более чудовищно, чем то, что во время нынешней Карабахской войны «лучшие представители нации» посылали на фронт, под пули, своих же граждан – 14-летних подростков, женщин и детей, отказывались забирать своих пленных и убитых на поле боя… Отказались даже забрать к себе больного 84-летнего старика-армянина… Гораздо милосерднее по отношению к старику оказались так ненавидимые ими азербайджанцы…

Или еще пример, совсем свежий. По свидетельству очевидца – армянина, когда армяне сдавали Джебраил, во время отступления один из армянских генералов остановил ехавшую в тыл «скорую», вышвырнул из нее раненого солдата и укатил на ней сам. Удирать именно на «скорой» он решил потому, что знал: азербайджанцы не стреляют в гражданские объекты. Чего никак не скажешь об армянах, которые вели обстрел и школ, и больниц на оккупированных ими землях, обстреливали дома мирных жителей в карабахских селах и даже мирные города на неокупированных территориях – на их совести десятки убитых детей, женщин, стариков в Гяндже, Барде, Мингячевире…

Но тут, наверное, пора перейти к теме «последнего идола». Собственно, именно она и «зацепила» меня в повести. Итак, в первый же день после возвращения из тюрьмы Мамедага увидел во сне древнего идола. Потом идол снился ему не раз, это чем-то тревожило, беспокоило Мамедагу, заставляло его нервничать. Но прошло время, и идол перестал ему сниться. И вот вдруг его друг Руфат рассказывает ему о каких-то звонках «с того света» и о том, что чей-то голос поведал ему о двух идолах, хранящихся где-то на местном кладбище, и если их найдут, то это будет большим историческим событием. Идолы эти абсолютно идентичны, разница лишь в том, что у одного руки связаны, а у второго – развязаны. Сейчас одного идола уже нашли. Какого из двух – Руфату не сказали, а когда он спросил, находка какого из идолов будет нам на пользу, связь прервалась. «Но там должен быть еще один идол, – твердил Руфат, – и его обязательно надо найти!». Мамедага сперва отнесся к рассказу с иронией: «Я думал, ты умный», – сказал он Руфату, выслушав его.

Но вскоре Мамедага увидел найденного на кладбище идола по телевизору – это был тот самый идол, которого он видел во сне в первый день своего возвращения из тюрьмы – во сне он пытался собрать осколки рассыпавшегося в прах идола, но они растворялись под шедшим над ними ливнем и уходили в землю…

Звонок из прошлого услышал и брат Мамедаги Ильгар, и после этого повесился. Что сказал ему неизвестный голос? Вот как говорит об этом Руфат: «Ильгар должен был повеситься. Звонили ему, но он не взял трубку, а я поднял, и голос говорил со мной»...

И еще он скажет Мамедаге: «Ты поедешь в Шушу обязательно. Но ты останешься в ней навсегда». Когда Руфат говорил это, Мамедага увидел, что он стал похож на того идола, что он видел во сне. Вернее, Руфат был им…

Ильгар – старший брат Мамедаги. Вполне благополучный, работавший на хороших должностях – в отличие от Мамедаги, большую часть жизни проведшего в тюрьмах. Но при этом – равнодушный, эгоистичный, думающий только о себе и своей карьере. Человек без корней – ему не нужны ни мать, ни брат, ни собственная семья. К матери он не заглянул ни разу за много лет, от брата отрекся, даже на похороны отца не явился. Ему никто не был нужен, он в жизни никому не помог, никому не принес пользы. И, уж конечно, ему чужды стремление к справедливости, борьба за нее. Он никогда не поехал бы, как его брат, в оккупированную Шушу для того, чтобы еще раз увидеть ее, вдохнуть ее воздух и оставить там древнего идола азербайджанской земли – как ее оберег, ее символ. Ильгар не нужен был никому – ни семье, ни родине, и поэтому ему ничего не оставалось, кроме как покинуть этот мир.

Мамедага – словно и не брат ему. Жизнь Мамедаги сложилась тяжело. Он ее почти и не видел – настоящей жизни. Жизни на свободе. Но в его сердце живут и любовь к матери, и сочувствие к беженцу Мухтару, Руфату и даже к Ильгару. И – желание, как умеет, помочь им. Ему свойственны и обостренное чувство справедливости, и горячность, из-за которых он и пострадал когда-то, и чувство любви к родине. Потому и решил он с риском для жизни, пусть даже ценой своей жизни, но пробраться в древний город-крепость Шушу и совершить задуманное. А задумал Мамедага водрузить на одной из высоких точек Шуши древнего идола азербайджанской земли.

Пришел он к этому не сразу. Вернувшись из тюрьмы, Мамедага внимательно наблюдал, что происходит вокруг, и, в отличие от своего брата Ильгара, не мог оставаться к этому равнодушным. В каморке старого могильщика на кладбище он слушал вместе с ним в новостях все то же: «Оккупация азербайджанских земель продолжается»…

Иногда он видел сон, в котором на любимом своем голубе он парит над Карабахом, опускается на горные вершины Шуши, Лачина, Кельбаджара, ходит по горным тропам. Он тосковал о тех местах, ведь все это были его земли, земли его страны, но он не мог увидеть их наяву, мог об этом только мечтать, ведь эти земли были заняты

армянами. И они нуждались в свободе, как и он когда-то – когда был в тюрьме, когда у него были «связаны руки». Мамдага находился сейчас на свободе, и ему хотелось свободы и для этих земель.

Но как добиться этого? Он слышит иногда разговоры о войне: «Рано или поздно без войны не обойтись», – говорит старик-могильщик одному из своих гостей, Мардану, и Мамедага слышит это. Он и сам понимает, что иначе земли не освободить, армяне никогда не отдадут их добром, хотя и есть на этот счет всевозможные решения и договоренности соответствующих международных структур.

Мамедага начинает читать газеты – пачки газет, которые ему приносит Руфат. Начинает «политизироваться», глубже вникать в то, что происходит вокруг. Он видит, что многочисленные оппозиционные партии, существовавшие тогда в Азербайджане, только и могут, что грызться между собой, а вечерами вместе собираться на застолья, и толку от них ждать не приходится. Однажды в разговоре с Руфатом он сказал: «В этой стране сегодня есть практически все партии, но нет лишь одной – партии настоящих мужчин». И внес свои предложения по возвращению Карабаха – он предложил создать на оккупированных территориях партизанское движение. «Я уверен, – говорил Мамедага, – что если армяне узнают о партизанском движении, они сразу наложат в штаны»…

Мамедага давно начал поиски Артурика. Сперва – чтобы наказать его, отомстить. Но потом его цели изменились. Найти адрес Артурика ему помог Руфат. Артурик пребывал теперь в Ленинграде, и Мамедага решает поехать туда.

Перед отъездом он говорит Мухтару: «Я уезжаю. Я не знаю, как ты это сделаешь, но изготовь и пришли мне копию недавно найденного на кладбище идола и двух моих голубей. Скорее всего, это моя последняя просьба. Если с мамой что-то случится, похорони ее»…

Явившись к Артурику, Мамедага говорит ему: «Повези меня в Карабах. Я хочу увидеть Шушу, хочу остаться там и изгнать оттуда ваших».

К Артурику он обращается с такой просьбой неслучайно – у того была родня в Степанакерте, и он не раз отдыхал там у своего дяди Аршевила. Кстати, образ Аршевила – напоминание автора о том, что среди армян есть порядочные люди и, хочется верить, их немало. Когда начались карабахские события, Аршевил, видя, что творят его собратья, отправил все свое семейство – детей и внуков – в Воронеж, сказав им: «Уезжайте отсюда. Там, где белое называют черным, жить нельзя. Я не мусульманин, но знаю одно: Аллах един, и он для всех. В чужом доме можно быть только гостем»… Он остался в доме со своей женой. А однажды ночью лег и не проснулся. Ему было стыдно за то, что происходит. И он лег и умер…

Итак, вскоре Мамедага, шурин его питерского друга Таира Виктор, а также знакомые Мамедаги – грузин Тенгиз и дагестанец Нурахмед под видом группы журналистов, пишущих для российского издания о Карабахе, выехали в Ереван, затем в Ханкенди и оттуда – в Шушу.

…В Шуше шел снег. Группа «журналистов» во главе с Мамедагой уже два дня находилась здесь и должна уже была ехать обратно. «Мамедага думал о том, что скоро идол будет стоять на самой высокой точке Шуши и, обозревая окрестности, словно будет говорить: «Все это принадлежит мне»...

Ночью Мамедага взял идола и пошел к точке, которую выбрал. Шестеро армян нагнали его у цели. Это были крестьяне, местные, с которыми группа накануне делила хлеб-соль. А теперь они нагнали его у вершины. Среди них был Сумбат, который узнал его сразу, как только увидел – они сидели с ним когда-то в тюрьме. С ними был и Артурик. Они начали избивать Мамедагу. Идола он бросил в снег, чтоб армяне не видели. В какой-то момент, когда его совсем уже одолели, Мамедага схватил идола и ударил им Сумбата по голове. Тот упал, но потом вскочил, выхватил нож и отсек Мамедаге голову, пинком столкнув ее со склона...

Утром из палатки вынесли еще три трупа – грузина Тенгиза, дагестанца Нурахмеда и Виктора. Артурик ногой пинал голову Мамедаги. Потом поднялся выше, где лежал труп Мамедаги и, увидев его, остолбенел. Тело Мамедаги напоминало ему тело идола, которого он видел в каком-то фильме. Безголовое тело, лежавшее на одной из вершин Шуши, словно говорило Артурику: «Ты никогда не почувствуешь вкуса победы. А я познал его»...

Утром, когда первые лучи солнца осветили горные вершины, над бездыханным телом Мамедаги кружили два белых голубя…

«Говорят, что тот самый идол все еще там, в горах Шуши, на высотке. А еще говорят, что над горами Шуши постоянно летает стая голубей…»

…Вышло так, что последние страницы повести я читала на следующий день после взятия Шуши. А еще на следующий день, 10 ноября 2020 года, вторая Карабахская война закончилась. Закончилась нашей победой. Уверена, что именно взятие Шуши стало ключом к этой победе.

И мне подумалось, что это, наверное, неслучайно – то, что я закончила читать повесть именно сейчас: автор завершил ее написание в 2006 году, но как актуально она прозвучала именно в этот год и в этот день. На улицах Баку народ ликовал, праздновал возвращение Шуши, сигналили украшенные национальными флагами автомобили, звучали песни, люди скандировали: «Шуша, Шуша! Карабах!» Назавтра народ получит еще более радостное известие: война закончена, Карабах – наш!

А у меня перед глазами все еще будут стоять последние страницы повести, будут звучать последние ее строчки: «В горах Шуши лежал безголовый, с раскинутыми руками идол. Знающие люди говорили, что этот идол был последним святым памятником этих мест»...

А еще – слова, которые услышал в трубке Руфат, когда Мамедаги уже не было на этом свете, но из трубки телефона звучал его голос: «Все скоро кончится, очень скоро, и все скоро увидятся»…

Что хотел сказать Руфату и всем нам Мамедага? Трактовать можно по-разному, но в этот день мне хотелось трактовать так – скоро закончится оккупация наших земель…

Так что же это за голоса, звучащие в телефонной трубке? Руфат говорил Мамедаге, что это голоса с того света – голоса умерших, голоса наших предков, которые хотят нам что-то сказать, надо только взять трубку, чтобы услышать их…

Голос в трубке предсказал Ильгару смерть. Мамедаге – то, что он поедет в Шушу обязательно, но не вернется оттуда – об этом голос сказал Руфату.

А самому Мамедаге голос сказал: «Ты не от нас (ты не с нами), но мы нуждаемся в тебе, а ты – в нас».

Я понимаю это так: поскольку голоса в трубке – это голоса с того света, то Мамедаге тоже была предсказана смерть – ты еще не с нами, ты жив, но ты нам нужен, и ты скоро будешь с нами. Это нужно и нам, и тебе...

Голос предков призвал Мамедагу сделать то, что он и сделал: водрузил на вершину в Шуше идола – древнюю святыню, которая будет охранять Шушу и призывать нас туда. И – помогать… Может, и правда тот идол помог нашим солдатам взять Шушу. Ведь даже видные иностранные эксперты – военные спецы говорили о том, что взятие Шуши в тех условиях было невозможно: армяне с оружием в руках охраняли ее с трех сторон, оставив незащищенной лишь одну – совершенно неприступную сторону, где к городу-крепости был путь по высокой крутой скале, и этот путь считался непреодолимым. Но азербайджанские солдаты преодолели его, и сделали это всего за сутки – и это можно назвать чудом. Чудом мужества и воли к победе. Их звал к себе лежащий на самой высокой точке Шуши идол, и руки его не были связаны – они были раскинуты в стороны. Они были развязаны…

Я вижу в этом символ азербайджанского народа – руки его были теперь развязаны, и он смог, наконец, освободить свои земли, 28 лет назад захваченные армянами. А тот, другой идол, со связанными руками, остался в музее. Пусть он там и остается навсегда…

А азербайджанский народ будет реанимировать земли, освобожденные из-под оккупации. Земли, которые армяне засадили минами, изрыли окопами, разворотили снарядами… Земли эти нужно оживить, вылечить, дать им новую жизнь. Сейчас полные бессильной ненависти армяне добивают эту землю, как могут – уходя, они калечат, сжигают, вырубают, разворовывают все, что еще могут успеть. Они выжгли многие гектары реликтовых лесов Топханы, разрушили все, что только можно, – азербайджанские исторические и культурные памятники, у них поднялась рука даже на культовые сооружения: разрушены не только все мусульманские мечети, но и христианские храмы. Разрушены тысячи жилых домов, уничтожены коммуникации. Все это было сделано армянами, когда эти земли находились под их оккупацией, и они считали их «своими». Они продолжают считать их своими и сегодня, у них хватает наглости кричать, что Карабах и все семь оккупированных, а теперь возвращенных азербайджанцам районов, принадлежат им, армянам, а азербайджанская армия «оккупировала» их (!).

Поистине, лживость и наглость армян не имеет границ.

А теперь, когда армян выдворяют с захваченных ими территорий, они сжигают дома, которые им приходится оставить – не их дома, а дома азербайджанцев, в которых армяне жили, изгнав из них законных владельцев. И не только дома – они вырубают деревья, и не просто вырубают – все, что можно украсть, присвоить, они вывозят в Армению. Даже стволы и ветви срубленных деревьев…

Но не стоит больше о них – Бог все видит, и всем воздаст по делам их. Армян он наказывал уже не раз, правда, это их ничему не научило…

Раны, нанесенные земле армянами, залечивать придется нам. И мы это сделаем. И сделаем с радостью. И вновь зацветут на ней сады, зазеленеют поля, оживут леса. Вернутся к своим очагам те, кто был изгнан. Землю эту застроят заново, и она вновь станет такой же прекрасной, какой была прежде. Даже прекрасней, чем прежде. На ней заново возведут мечети и церкви, и снова зазвучит над Карабахом азан. Да он уже и звучит там – 13 ноября в шушинской мечети Гевхар-ага впервые после 28-летнего перерыва прошел пятничный намаз…

Да, азербайджанскому народу пришлось ждать освобождения своих земель долго, очень долго. Но он все же дождался этого – дождался, когда уже многим казалось, что нет такой силы, которая могла бы изменить так охраняемый армянами и их приспешниками «статус-кво». Но такая сила нашлась. И этой силой стал азербайджанский народ, в едином порыве поддержавший своего Президента Ильхама Алиева и возглавляемую им армию.

Пусть цветет Карабах, пусть спокойно и свободно дышит освобожденная Шуша. Пусть возрадуются этому древние предки азербайджанского народа и тот идол с развязанными руками, который лежит, раскинув руки, на выбранной когда-то Мамедагой шушинской высотке.

ГЮЛЕМАИЛ МУРАД

Перевод АЛИНЫ ТАЛЫБОВОЙ

Мой Азербайджан

Жизнь моя и душа,
жизнь моей души,
Лишь с тобою душа к ликованью спешит.
Кровь по венам течет, как любви дастан,
Жизнь тебе отдана,
мой Азербайджан!

Сколько козней ты знал от врагов своих,
Сколько войн, сколько бед на путях твоих!
Сила юного льва в мышцах скрыта твоих –
Все пройдешь ты огни,
мой Азербайджан!

Справедливость и честь –
вот фундамент твой,
Даже в звездных мирах слышен голос твой.
Водружен над Землей флаг трехцветный твой,
Правды верный оплот –
мой Азербайджан!

Сколько в мире морей, сколько гордых гор,
Сколько стран ты вместил,
наш земной простор!
Все любовно тебя называют «джан»,
Человечеству брат,
мой Азербайджан!

Счастье с правдой живут в имени твоем,
Светит всем нам любовь в облике твоем.
Север, юг ли, восток –
дети дальних стран
Льнут душою к тебе,
мой Азербайджан!

Вдохновляюсь тобой, верую в тебя!
Все стихи я пишу только для тебя.
Гордо плещет твой флаг в солнце и туман –
Птицей взрею к нему,
мой Азербайджан!

Азербайджанская армия

Ты дыханьем народа на свет рождена
И любовью народною закалена.
Твоя песня победная всюду слышна,
Огнь и воды твои покорили сыны –
Славная армия славной страны!

Хоть фундамент тебе век назад заложён,
Эхо поступи слышится в глуби времен.
Взгляд твой гордый к Отчизне навек устремлен,
Твое молодо сердце и руки сильны –
Славная армия славной страны!

Имена легендарных героев твоих
Каждый может прочесть на знаменах седых:
Джаваншир, и Бабек, и десятки других.
Щит и меч Кёроглу сквозь столетья видны –
Славная армия славной страны!

Возродилась ты нынче из глуби веков,
Чтобы душу народа облечь в плоть и кровь.
Каждый юноша долг свой исполнить готов,
Чтобы враг не смущал новорожденных сны –
Славная армия славной страны!

Генералов твоих достославны дела,
С ними вместе ты в бой и в учение шла,
Свято Родина их имена сберегла.
Чтим солдат мы твоих,
как ближайших родных –
Славная армия славной страны!

Замутились неправдой, взбурлили года,
Словно Ною потопом грозя нам тогда.
На пути у стихии встал кормчий Гейдар,
И сказал он:
«Живи и народ мой храни,
Славная армия славной страны!..»

Алой кровью твоей благородной полит
Каждый малый клочок материнской земли.
Честь и гордость свою мы в тебе обрели,
Вражьи козни любые развеешь, как сны,
Славная армия славной страны!

Новый кормчий возглавил тебя, как отец,
Всем неправедным войнам положим конец,
Славный твой юбилей –
словно царский венец,
И дастан о тебе мы продолжить должны,
Славная армия славной страны!

Храброму воину

Наших жертв Отчизне не сосчитать...
Смерть привыкший грудью в бою встречать,
Заслонивший собою Родину-мать –
Мой игид, мой джигит,
Воин мой, мой шехид!

– Пусть погибну я, жил бы край родной:
Пепелища пусть порастут травой,
Пусть сирень цветет, мак встает стеной...
Мой игид, мой джигит,
Воин мой, мой шехид!

Отшумит беда, горе вдаль уйдет.
Долгожданный день в отчий край придет –
О Победе он известит народ.
Мой игид, мой джигит,
Воин мой, мой шехид!

Будет мёртв дракон, что который год
Мучит и язвит бедный мой народ,
И опять весна в Карабах войдет...
Мой игид, мой джигит,
Воин мой, мой шехид!

Нет границ и мер доблести твой,
Жив отваги ген в памяти твоей,
Славлю я тебя рифмою своей!..
Мой игид, мой джигит,
Воин мой, мой шехид!

Погибшее имя

Интересно, как имя той девушки, как?..
То, в котором и радость сплелись, и тоска,
То, что парень твердил на ходу, на бегу,
Что сорвалось с его остывающих губ?..

Кто она?.. Где она?..
Как жила до сих пор?..
Веселится?.. Грустит?..
С кем ведет разговор?..
Нам уже не расслышать сейчас сквозь года,
Что за имя в ночи повторяет солдат.

Не успела она до конца расцвести,
Не успели к ней сваты с помолвкой придти,
Не собралась родня их поздравить на той...
Это имя в окопы забрал он с собой.

Но пока что, надежд и желаний полна,
Ни тревог, ни предчувствий не знает она.
Ее имя еще сладкой тайной живет
На устах у бойца, что погибнет вот-вот.

Смерть одна постоянна в мире людей,
Наши судьбы вершит она волей своей.
Имя тоже погибнуть может в бою –
Павший воин подругу кличет свою...

Напиши письмо, солдат

Эй, Родины сыны,
чей стан несокрушим,
чей зоркий взгляд – как дот,
ресницы – как штыки,
кому окопы – дом
который год подряд...

Как родина письма
ждет твоего, солдат!
Услышь ее, услышь,
скорее напиши!..

Пусть оживут поля,
пусть зацветут луга,
пусть встрепенется мир...

Колена перед врагом не преклонит земля –
нет у нее колен...

И так же, как она,
вы встанете скалой,
прикрывши рубежи!..

А как затихнет бой –
скорее напиши...
Пусть сложится в дастан
солдатских писем клин.

Уже издалека звучит победный клич,
слышна благая весть!

Пусть станет эта песнь
венком для тех, кто пал,
от их друзей-солдат –
тех, что остались жить,
чтоб этот дар добыть...

Призывник

Дорога ждет шагов твоих,
Оружье – крепких рук твоих,
Отчизна – подвигов твоих,
Мой призывник!

Давно ли был младенцем ты?..
Несокрушим, как крепость, ты,
В историю вступаешь ты,
Мой призывник!

Отвага – воина удел,
Любовь к отеческой земле.
А девушка тоскует вслед...
– Мой призывник!..

С чинаром схожа твоя стать,
Широкоплеч и строен стан,
А взор сияет как звезда –
Мой призывник!

Тебя приветствует заря.
Надежду родине даря,
Всевышний да хранит тебя,
Мой призывник!..

Мать шехида

1

Своей тоски не поверяй горам,
Доверишь –
Горы рухнут, словно храм.
Крепись, шехида мать!..

Пусть прорастет печаль твоя цветком –
Пусть ляжет он на тот печальный холм.
Пусть горе станет майским ветерком,
Что весть победную несет в наш дом –
Трубит, ликует, плачет и поет
В душе шехида!

Беду свою преобразуй в слова,
Такие, чтоб отплакать боль свою,
Слова, что будут с нами горевать,
Дастаном станут,
Гимном воспоют!

Не доверяй тоски своей горам –
Не вынесут,
Обрушатся, как храм!..
Крепись, шехида мать...

2

Я – мать шехида,
горек мой рассказ,
Но я слезы не выроню из глаз.
Сын в мир пришел из чрева моего,
Сегодня в духе возрожу его.

Моя Кура, край гор и родников,
Обитель львов и царственных орлов...
Захватчик,
хочешь грудь мне разорвать?..
Скалой несокрушимой станет мать!

Вздохну с тоской –
и звезды мне в ответ
Прольют на землю свой небесный свет.
И обратится он в трехцветный стяг,
Что бьется в теле,
льнёт к моим устам.

Без сына не дождаться мне весны –
Все больше снега в косах смоляных...
Но мой народ меня всегда поймет
И увяданьем тем не попрекнет.
Враг никогда не вытопчет наш сад –
Шехиды,
что из вечности глядят,
Не умерли и не умрут, поверьте,
Пока их матери
живут на свете!..

Скажите матери моей

Скажите – не пришлю я ей письма,
Скажите ей – лежу в могиле я,
В жестоком пасть бою –
судьба моя...
Но, мама, знай, что даже здесь, в могиле,
Я, как в окопе, Родину храню!

Скажите – столько в сердце слов осталось
О том, что не сбылось, о чем мечталось...
Пусть на дорогу не глядит устало –
Ей ни меня, ни писем не дождаться...
Могилы наши – Родины оплот!

Скажите, что обнять ее нет силы,
Что справа, слева –
всюду мрак могильный,
Что я погиб Отчизны ради милой...
Пусть не дождаться ей письма от сына,
Могилы павших Родину хранят!..

Журавлиное перо

Почему в то апрельское ясное утро
Журавли в облаках вдруг застыли на миг?..
Он споткнулся в бою и, помедлив минуту,
Он к земле, как к груди материнской, приник.

Откатилась граната, замешкалась стая,
Что летела из дальних неведомых мест,
Словно сестры над умершим братом рыдая,
Белоснежные перья роняя с небес.

Неподвижное тело омывши слезами,
Как апрельским слепым благодатным дождем,
Журавли, словно люди, бродили меж нами,
Как друзья боевые горюя о нем.

Позабывши о времени и о маршруте,
Перелетная стая бродила меж нас,
Крылья вниз уронив, как бессильные руки...
А когда миновал тот отчаянья час,

Поминальную песню трубя что есть силы,
Снова клин их серебряный взмыл в небеса,
Закружась на прощанье над свежей могилой,
Душу светлую парня с собой унося.

Пусть глаза мои полнятся, словно озера,
И смертельной тоской, и предсмертной слезой –
О, Аллах, я любой твоей воле покорна,
Только б плач матерей не звучал над землей!..

Пусть одно материнское слабое сердце
Без оружия вражьи ряды сокрушит!
Ну а я день Победы под марш этот светлый
Журавлиным пером опишу от души!..

Родина моя

Посмотри, как в саду горделиво взошли
Маки, и́рисы, розы из теплой земли.
Глаз лаская, поля и луга зацвели,
Тают снег и туманы в предгориях
Родины.

Вековечных мугамов прекрасный букет,
Низами, Физули, и Сабир, и Самед...
Воспевают тебя музыкант и поэт,
Все мы дети твои под крылом твоим –
Родина!..

Сколько горестных слёз пролила ты, скорбя!
Чьи-то злобные камни летели в тебя,
Не смолкает истории древний набат...
Сердцем любящим нас обнимаешь ты,
Родина!..

Путеводной звездою ты служишь для нас.
Гордых предков кинжал, несмолкающий саз,
Полноводный мой Каспий, Кура и Араз,
Горный пик, к небесам возносящийся –
Родина!..

Карабах мой в огне, Карабах мой в беде...
Горе горло сдавило и мне, и тебе.
Вновь и вновь повторяю воззванье к судьбе:
– Да рассеет Всевышний врагов твоих,
Родина!..

АЗЕР АБДУЛЛА

А ТЕПЕРЬ Я ОТВЕЧУ [1]

Нас с детства воспитывали в духе дружбы и братства между народами. Этими чувствами были проникнуты произведения многих поэтов и композиторов, писателей и художников. Священнослужители, читая проповеди в мечетях и приводя примеры из Корана, уверяли нас в том, что человек человеку брат. Потому мы, азербайджанцы, гостей и соседей своих любили порой больше самих себя, встречали их всегда с большим радушием. Не зря ведь у нас в народе говорят: хороший сосед ближе брата.

Помню, как в конце 50-х годов я уверенно стучался в двери нашего свояка-армянина в Мегри, когда поздно ночью сходил с поезда и не мог добраться до своего дома. Всякий раз его семья встречала меня с распростертыми объятиями, с улыбками на лицах. И вот однажды я случайно услышал, как пятилетняя внучка нашего свояка напевала куколке песню про Андраника, про того самого генерала Андраника, возведенного армянским народом в ранг национального героя, который, совершая набеги на мирные тюркские села, беспощадно убивал их жителей. В одном только Зангезурском уезде в результате таких набегов было убито 10.068 человек, уничтожено и разорено множество сел, изгнано более 50 тысяч жителей. И меня вдруг осенило: а ведь пройдут годы, эта пятилетняя девочка станет матерью, и тогда она вновь будет напевать эту же песню, укладывая спать уже не куколку, а родное чадо свое, прививая ему, таким образом, с колыбели чувство ненависти к тюркам, а значит, к нам, азербайджанцам.

Увы, такова историческая действительность, и забывать об этом мы теперь не имеем права.

…В ноябре 1988 года изгнанные с территории Армении азербайджанцы заполнили Баку. Оставшихся без крова и имущества, их можно было узнать в толпе по мешковатой, часто с чужого плеча одежде, по растерянным взглядам. Их присутствие еще более накалило и без того неспокойную обстановку в городе. Эти «назойливые» беженцы, в одночасье потерявшие и дома, и работу, стали, как многим показалось, вмешиваться в дела коренных жителей нашей столицы. Кто-то из беженцев бросил упрек в адрес девушки с ярко накрашенными губами. А кто-то пытался пристыдить другую за сарафан с чрезмерно глубоким вырезом... и в городе стали поговаривать о том, что «беженцы во все суют свой нос». Так несколько оброненных реплик послужили причиной появления слухов, сеющих неприязнь к беженцам. В этой связи я хотел бы обратиться ко всем бакинцам – отцам и матерям, братьям и сестрам.

Родные мои, помните, далеко не всем из почти что 200 тысяч прибывших в Баку из далеких сел, деревень знаком уклад городской жизни. Пройдет год или два, и притрутся они к местным традициям и обычаям. Так давайте будем более терпимы к ним, не стоит судить их слишком строго. Не заслуживают они обвинений в трусости и малодушии. Ведь не год и не два терпели они притеснения в Армении – кампания эта началась еще 70 лет тому назад.

В напряженные ноябрьские дни 1988-го мне как-то задали вопрос: «А сам-то почему переехал сюда?» Я разгорячился и не смог тогда толком ответить. Постараюсь сделать это теперь.

[1] Статья была впервые опубликована в августе 1990 года в журнале «Молодежь»(«Gənclik»).

Шести-семилетним мальчишкой я впервые услышал слово «Мюлюшу». Помню реакцию отца, когда это слово произносили при нем. Лишь спустя годы я узнал, что местность, именуемая «Мюлюшу», богатая лесами, эйлагами и полями, некогда принадлежала нашему селу Лек. В двадцатые года эти плодородные земли были незаконно переданы соседнему армянскому селу. Куда только не обращался мой отец (в те годы председатель колхоза), чтобы вернуть отобранные земли. Но тщетно.

Когда-то одна страница выходившей в районе на армянском языке газеты «Аракс» (Араз) была на азербайджанском языке. Однако в 1949 году азербайджанский раздел газеты был закрыт.

Выпускники семилетней школы в нашем селе, желавшие продолжить учебу, вынуждены были ходить в школу в село Алдере, аж за тридцать километров. Если не удавалось поймать попутную машину, приходилось преодолевать это расстояние пешком.

Со временем в нашем районе были заасфальтированы все дороги, ведущие в армянские села. Асфальта не хватило лишь на двухсотметровый участок между нашим селом и главной магистралью. А 12 км пути от райцентра Мегри до селения Лек?! В то время, как от Мегри до всех высокогорных сел района курсировали маршрутные автоубсы, село Лек и в этом вопросе явилось исключением.

…Группа выпускников профессионально-технического училища, находившегося в поселке Охчу (теперь Каджаран) в Зангезуре, по направлению поехала работать в поселок Экерек (теперь Агарак) Мегринского района. Нас было пятеро: двое – азербайджанцы, трое – армяне. Несмотря на равные квалификации, нам, азербайджанцам, в месяц выплачивали не более 100-120 рублей, в то время как армяне получали по 300-350. Мы неоднократно указывали на это, жаловались, но все было безрезультатно.

…Вспоминаю убитых армянами много лет назад Салима Нифтали оглу из соседнего села Лехваз и Магеррама Мурад оглу из нашего села. Магеррам был прямым, бойким на язык и справедливым человеком. Работал он на горных промыслах. Любил говорить правду в лицо, за что армяне называли его «демагогом». Он был убит армянином из села Лехваз. Все прекрасно знали, кто совершил это убийство, однако уголовное дело, возбужденное следственными органами, так и не было доведено до конца… Вспомнился мне и наш односельчанин Азиз Муртуз оглу. Он возделывал участок земли, расположенный неподалеку от нашего села. Армяне время от времени вторгались на этот участок, уносили с таким трудом выращенный урожай плодов и ягод. Однажды на участке обнаружили труп Азиза с признаками насильственной смерти. И на этот раз «не удалось» найти убийцу…

Вот мы и не выдержали такой жизни – я поехал учиться, а мой друг Кямран возвратился в родной Зангелан.

Я окончил университет. Зная о том, каким образом в роно распределяют часы среди преподавателей, и о повсеместном притеснении работников азербайджанской национальности, резонно ли было мне возвращаться в родное село?

…40 лет назад в Мегри, получив диплом медика, вернулся Наги Касум оглу. За короткий срок молодой детский врач своими знаниями и умением прославился на всю округу. Как и азербайджанцы, так и армяне, прживающие в Мегринском районе, старались показать своих детей именно ему. Затем к нему стали приезжать пациенты из соседних Зангелана, Ордубада, Нахчывана. Такая популярность Наги не давала покоя местным врачам-армянам и его стали всячески притеснять. И вот 15 лет тому назад доктор Наги покинул родину предков и переселился в Баку. Та же участь постигла и стоматолога Рафаэля Наджар оглу, в конце концов и он был вынужден уехать в Баку. Вынужденно покинули места постоянного проживания Бахман Мешкур оглу, Фаррух Али оглу, Фильман Теймур оглу, Ибрагим Али оглу и десятки других специалистов с высшим образованием.

С тех пор, как себя помню, односельчане сетовали: «Пока – живем, а что будет здесь завтра – одному Аллаху известно…»

А еще врезались в память слова Игната, армянина, работавшего каменщиком (его прозвали Дэли Игнат). Строя дома для азербайджанцев, он любил время от времени приговаривать: «Стройте, стройте днем и ночью, все равно рано или поздно все это будет нашим».

Слова его оказались пророческими. В течение двух недель азербайджанцы были изгнаны не только из населенных пунктов Мегринского и Кафанского районов, не только из Зангезура, но и из других районов Армении, где они проживали. Лишь спустя некоторое время мне и многим таким, как я, стало понятно, что вся эта кампания по изгнанию азербайджанцев из Армении проводилась с ведома Компартии Армении и с молчаливого согласия Политбюро ЦК КПСС во главе с Генеральным секретарем Михаилом Горбачевым. После того, как был полностью завершен акт изгнания азербайджанцев из Армении, страницы периодической печати украсило «мудрое и гуманное» постановление Политбюро. Согласно этому постановлению никому, оказывается, не дано права оскорблять человека по национальному признаку, те же, кто осмелится это сделать, будут строго наказаны. А как быть с десятками тысяч уже появившихся беженцев из Армении? Об этом ни слова.

В то время, как в самой сердцевине Азербайджана, в Ханкенди (Степанакерт), местным армянам удалось изгнать проживающих по соседству азербайджанцев, в то время, как мы не смеем сунуть носа в этот город, превратившийся в гнездо дашнакского отребья, некий «интеллигент» соизволил задать мне вопрос: почему проживавшие в Армении азербайджанцы не обьединялись в единый союз?

Выходит, сельчанин, идущий в поликлинику, на базар, в магазин, или женщина, которая направляется на роды в больницу, должны были вести с собой всех жителей села? Если оказавшаяся в райцентре колхозница, стыдливо опустив голову, обедает в районной столовой, а кем-то брошенная кость попадает ей в тарелку и обдает жирными брызгами, или кто-то из проходящих мимо армянских пройдох смачно сплевывает ей в суп; если, проходя мимо группы армянских подростков с любимой девушкой или сестрой, ты слышишь грубую брань в твой адрес, оскорбляющую твое человеческое достоинство, и если подобные инциденты повсеместно происходят с твоим братом, другом или односельчанином, то, как вы думаете, товарищ «интеллигент», с какими чувствами или надеждами можно оставаться там?

Когда директор школы села Лек (армяне переименовали его в Вартанизор) Мегринского района Аваз Алиш оглу, учитель русского языка той же школы Имангулу Худаверди оглу и председатель колхоза Баба Мустафа оглу добрались до расположенной близ района заставы и в панике поведали ее начальнику о том, что около пятисот вооруженных армян ворвались в село и, угрожая оружием, потребовали от его жителей в течение суток покинуть село, начальник заставы в ответ сказал, что в их обязанности входит лишь охрана границы. Его совершенно безучастный взгляд напугал моих бедных односельчан сильнее, чем угрозы армянских боевков.

Прямо на глазах у вооруженных солдат армянские боевики вершили свои дела! И хоть бы что! В середине 1988 года соответствующие органы изьяли у сельчан охотничьи ружья. До этого армяне зачастую не поставляли в азербайджанские села продукты питания и газовые баллоны. Они днем и ночью звонили в квартиры азербайджанцев и оскорбляли их, угрожая скорой расправой, затем перерезали линии электропередач и телефонные линии, лишив наших соотечественников всякой связи с внешним миром. И вечерами над селами Маралземи и Лек расстилалась жуткая темень. В такие вечера вспоминались трагедии 1905-1918 годов…

Рассказывали,

что в селении Бугуд, в мечети, собралось много азербайджанцев. Армяне окружили мечеть, перекрыли все выходы из нее, бросили в окно ручную гранату, а затем подожгли мечеть…

Рассказывали,

что Гадиму Таир гызы разрубили кинжалами, отрезали ей груди и запихали их в рот грудному ребенку…

Рассказывали,

что в селении Багуд был убит Елчу Шых Гусейн оглу, а затем армяне долго еще глумились над телом покойного…

…Страшная темень опустилась на дома азербайджанцев, смутная тревога переполняла души людей, пытавшихся хоть как-то предотвратить беду.

Истории, одна страшнее другой, передавались из уст в уста.

В тревожные ноябрьские дни 1988 года с ужасом вспоминали трагедию, которая произошла с семьей Гусейнали киши в 1918 году: чувствуя неизбежность нападения озверевшей толпы дашнаков, его отец, чтобы избежать мучений, унижений и позора, собственными руками зарубил кинжалом одиннадцать своих детей и побросал их тела в колодец. Лишь волею судьбы Гусейнали удалось избежать участи своих братьев и сестер…

«Эх вы, трусливо покинувшие родные очаги и могилы предков! Не лучше ли было умереть на собственной земле!» – я столько раз слышал эту и подобные ей фразы на улицах и площадях, в автобусах и метро, что однажды, не выдержав, обвинил своего брата в том, что он и односельчане испугались бог весть чего и покинули родные очаги. Мой младший брат, никогда ранее не позволявший себе говорить со мной на повышенных тонах, на сей раз буквально взорвался:

– Как только совесть позволяет говорить такое! Хоть ты-то не должен делать этого! Ты-то сам сбежал оттуда еще 30 лет назад! Так приехал бы, защитил родное село! До того, как напасть на наше село, армяне побывали в Лехвазе, когда женщины села с криками пошли навстречу этим подонкам, знаешь, что она сделали? Расстегнули ширинки брюк и спросили – этого ли они требуют? Тогда я не думал ни о селе, ни о доме. Все мои мысли были заняты детьми – только бы спасти их! Неужели ты позабыл, что они вытворяли с нашими девушками в селе Багуд в восемнадцатом году?

(Мой брат имел в виду зверские изнасилования 1918 году в Зангезурском селе Багуд совсем еще юных Нисы Аман гызы, Аджеб Нухбала гызы, Соны Джафар гызы, Шахмалы Джалал гызы…)

…Лишь один азербайджанец оставался во всем Мегринском районе – инвалид ВОВ II группы. У него давно уже отказали ноги, и он был прикован к постели. Три дня прошло, как его дети уехали в Баку искать жилье.

Три дня безумолку звенел в его доме телефон. Ожидая разговора с детьми, он был вынужден отвечать на все звонки, и всякий раз в трубке раздавались угрозы, оскорбления и ругань.

– Послушай, товарищ, – пытался он вразумить, – ведь ясно же, что я отныне не останусь здесь. Просто я не могу встать на ноги. Я жду своих детей, они должны приехать за мной.

Но вновь зазвонил телефон. Звонок показался ему громче обычного. Взволнованно, с надеждой поднял он трубку.

– Товарищ Джафаров!..

Голос был знакомым, и это еще более разволновало его.

– Да, да, я вас слушаю.

– Машина ждет вас у ворот. Опоздаете – пеняйте на себя. Я позвонил вам просто из чувства долга, ведь было время, когда мы делили хлеб-соль.

Он так и не вспомнил, чей это голос.

Ему удалось доползти до окна и, опираясь на руки, приподняться. Во дворе стоял «КрАЗ» с замазученным кузовом. Водитель, одной ногой стоявший на подножку кабины, а другой выжимавший педаль сцепления, кивком позвал его. Джафаров отполз от окна, дотянулся до телефона. Он стал звонить в райком, райотдел милиции, еще в несколько организаций с просьбой помочь ему добраться на какой-нибудь машине до вокзала. Когда он в очередной раз поднял телефонную трубку, чей-то голос прокричал: «Эй ты, турок, тебе не понравилась наша машина, так выходи же, тебя ожидает во дворе «Мерседес». Мать твою…»

Он позвонил в больницу и, найдя человека, которого искал, обо всем рассказал ему. Повесив трубку, он снял со стула отглаженную и накрахмаленную сорочку, повязал галстук, надел было костюм, как отворилась дверь. Его спешно уложили на носилки и отнесли в машину «Скорой помощи».

У вокзала его высадили, и машина умчалась. Сидевший прямо на дороге аккуратно одетый интеллигентный человек некогда работал вторым секретарем Мегринского райкома партии. Это был известный во всем районе аксакал Али Алджафар оглу Джафаров. Увидев Али киши, к нему сразу же подбежала группа железнодорожников-азербайджанцев, вернувшихся с обеденного перерыва.

– С вами ничего не случилось, товарищ Джафаров? – спросили его.

Али Алджафар оглы прослезился, чувство безысходной тоски сдавило горло. Покачав головой, он с трудом произнес:

– Ноги совсем отказали мне. Посадите меня на какой-нибудь поезд в ту сторону.

Железнодорожники остановили грузовой состав. Его посадили в открытый вагон со щебнем, и поезд сразу тронулся в путь. Холодный осенний ветер трепал его волосы. Горько улыбнувщись, он посмотрел в сторону рабочих и в знак благодарности кивнул головой. Так расстался он с родной землей, на которой прожил 63 года…

Впоследствии, наслушавшись о невероятных зверствах армян по отношению к азербайджанцам в других районах Армении, я пришел к выводу, что мегринские армяне оказались относительно «порядочными». Возможно, это обьясняется тем, что район располагался на азербайджанских землях и в свое время был составной частью Азербайджана…

Теперь во всех грехах обвиняют беженцев. Но позвольте спросить, кто из большой гвардии наших поэтов, ученых, экономистов, социологов, певцов или артистов до этих событий приезжал в Мегри, Кафан, Сисиан, Горис и другие районы компактного проживания азербайджанцев, кто интересовался их жизнью и бытом, кто пытался помочь им? Кто из наших географов и топографов интересовался древними наименованиями рек, сел и других населенных пунктов, расположенных на территории Зангезура и в других частях Армении, где проживали наши соотечественники, какой историк или археолог побывал там?

Чабан из селении Алдере Аллахверди Магеррам оглу видел, как в самом центре Мегри разбирали садовый забор, состоявший из установленных друг против друга изваяний гочей, как грузили в машину статуи в селении Нуведи (с кладбища села Тугут). А кто расскажет о судьбе древнего азербайджанского кладбища, расположенного возле села Маралземи, о судьбе многих других кладбищ, оставшихся на территории соседней республики? Кто?

В селе Лек, в местечке Тугут (в Зангезуре это название встречается часто) есть старая церковь. До сих пор неизвестно, какому народу она принадлежит. На кладбище около церкви на покрытых мхом надгробных камнях изображены кресты. Дорога, соединяющая село Лек с эйлагами, проходит в непосредственной близости от

кладбища. Когда прокладывали эту дорогу, бульдозерист-армянин переусердствовал и снес одно из надгробных камней с изображением креста.

И как вы думаете, что было обнаружено под камнем? Мусульманская могила…

На территории Мегринского района есть место, почитаемое мусульманами, – мечеть Бугукар. Сюда совершили паломничество из Нахчывана, Ордубада, Зангелана и Джебраила, и даже из бакинских сел.

Армяне еще задолго до начала известных событий несколько раз грабили мечеть, делали попытки взорвать этот древний памятник…

В программах азербайджанского телевидения всегда были передачи на армянском языке. На этом языке в нашей республике издавался журнал «Гракан Адрбеджан» («Литературный Азербайджан»). Когда много лет назад у живущих в Ереване азербайджанцев спросили, почему в Армении нет аналогичных изданий и передач, они ответили, что этого, мол, должны требовать власти Азербайджана.

С этим же вопросом я обращался и к отдельным работникам ЦК КП Азербайджана, и к некоторым видным представителям нашей творческой интеллигенции. Они отвечали мне, что подобные вопросы должны решать проживающие в Армении азербайджанцы.

Общество «Вэтэн» занимается проблемами наших соотечественников, пржывающих за рубежом. Доброе дело! Но почему оно не интересовалось жизнью и бытом азербайджанцев, живущих совсем рядом, в соседней Армении?

Более месяца скитались по улицам Зангелана беженцы из Мегринского района. Установленные на дорогах посты не разрешали въезд в Баку даже матерям, желавшим навестить своих детей, обучавшихся в вузах столицы республики. Аксакалы неоднократно направляли руководству письма с просьбой осуществить обмен селами: армянскими, расположенными в Азербайджане, в том числе в НКАО, на азербайджанские – в Армении. Но бывший партийный лидер Азербайджана, имя которого сегодня даже не хочется упоминать, не дал на это своего согласия и нанес тем самым еще одну рану нашему горемычному народу. Вот и устремились беженцы туда, где еще была для них хоть какая-то надежда. А что им было делать?

…Преодолев в пути множества преград, кое-как добрались до Баку мои брат, сестра и родственники. Все они долгие месяцы искали для себя жилье. Как-то мы сидели дома, удрученные создавшейся ситуацией, издерганные и нервные.

– Будьте терпеливыми, – утешала мать, – все уладится, дети мои. Благодарите Аллаха, что все обошлось без жертв… Отец рассказывал, как армяне дважды поджигали наши дома. Вот теперь еще… А вы спрашиваете, почему мы бедны?..

– Мама, ты помнишь резню 1918 года?

– Конечно же, помню. Армяне внезапно начали обстрел нашего села с трех сторон. Тогда село располагалось там, где сейчас эйлаги. Мужчины стояли в дозоре. Однако и тогда у наших не было оружия. Имевшиеся ружья были устаревших образцов. Мы ожидали нападения армян. До сих пор помню свист пуль и изрешеченные стены нашего дома. Я была тогда ребенком и не очень-то понимала, что происходит вокруг. Но помню, с каким любопытством я рассматривала на стенах дома следы от пуль… Но мама затащила меня в дом. Когда стемнело, все жители нашего села побежали к ущелью. Говорили, что первой жертвой армян в нашем селе стал Эмин Мухаммед. Это был дюжий, видный парень. Спустившись к реке, мы побежали в сторону Хыбыра. Твоя бабушка бежала, взвалив меня на спину. Когда же уставала – а она была в положении, приходилось опускать меня на землю. Но я не успевала за ней, и тогда она вновь тащила меня на спине… когда мы почти добежали до леса, что-то сильно обожгло мне ногу. Одновременно раздался крик матери. Она опустила меня на землю, я увидела, что ее ноги в крови…

…Мама прервала рассказ, сняла джораб, положила ногу на диван и подозвала к себе.

– Видишь? – спросила она, показывая красное пятнышко возле мизинца. – …Пуля, слегка задев меня, – продолжала она свой рассказ, – насквозь пробила мамину ногу, к счастью, не задев кость. Стрельба не прекращалась. Страх утроил силы людей. Бедная мама, она даже не перевязала свою рану, схватила меня за руку и потащила в лес…

– Как же вы после всего этого ужаса вновь возвратились в Мегри?

– Тогда, дорогой мой, была какая-то власть, существовал порядок, не то, что сейчас. Да и как мы могли не возвратиться? Ведь это было земля наших предков. А она, как известно, тянет к себе…

Мама еще долго рассказывала о событиях 1918 года. Конечно, не все из услышанного мне удалось запомнить. Но эта история навсегда врезалась в мою память. О, Аллах, эта женщина 70 лет никому не рассказывала о том, что ей пришлось пережить тогда. Никому, даже родному сыну! Не знаю, правильно она поступила или нет. Но всякий раз, когда вспоминаю красное пятнышко на маминой ноге, на память сразу же приходит песня об Андранике, которую напевала внучка нашего свояка-армянина. И я уже несколько иначе воспринимаю переполненные антитюркскими настроениями, а значит, и антиазербайджанскими, многочисленные публикации в периодической армянской печати, книги, кинофильмы и радиопередачи. Я прихожу к выводу: вся беда азербайджанцев в том, что они очень скоро забывают причиненное зло, а беда армян в том, что они так же скоро забывают о проявленной по отношению к ним доброй воле.

… Кто же так проклял вас, беженцы? Там над вами издевались и измывались армяне, вынудив-таки покинуть родные очаги, а здесь… Какими только эпитетами не наградили вас здесь свои же соотечественники! Они считают: вы всю жизнь только мечтали о том, чтобы переселиться в Баку. Откуда они могут знать, как, например, строили свои дома в селе Лек. Мне было примерно столько же лет, сколько сейчас моему сыну. Из высохшего русла реки мы доставали камни и перетаскивали их на своих плечах. Когда в русле не оставалось камней, мы выкапывали их в предгорьях… Все приходилось делать вручную…

Тяжелым трудом не одного поколения наши сельчане в условиях горной местности сумели вырастить большие и плодоносные деревья – яблоневые и грушевые, персиковые, вишневые и черешневые, ореховые и алычовые…

Каждый год в пору цветения фруктовых деревьев словно светлели души людей. Могли бы они предполагать, что настанет день, когда им придется все это бросить для того, чтобы потом долгие месяцы скитаться по Азербайджану в поисках жилья?

Мурсал Ширзад оглу. Муж Гюлли биби, ослепший еще 20 лет тому назад, был одним из последних, кто покинул родную землю. Когда армяне уносили с его участка ульи, он сказал:

– Ладно, я ничего не вижу, но вы-то меня прекрасно видите, как же позволяете себе такое?

Один из армян приблизился к нему:

– Не переживай, старик, мы за все рассчитаемся. Я знаю, один улей стоит 150 рублей, но я буду платить из расчета 100 рублей за штуку. 1000 рублей за 10 ящиков, согласен?

– Ну что ж…

Погрузив ульи в машину, он вновь подошел к старику:

– Получай.

Услышав звон монет, Мурсал решил не протягивать руки.

– Полно артачиться, давай руку, я спешу.

Когда Мурсал киши раскрыл ладонь, ему в лицо швырнули горсть монет.

– За 20 копеек штуку! Хватит тебе с лихвой, старый турок.

Красный двухэтажный дом Ганбая Мами оглу скорее походил на виллу. Строить его он начал еще 20 лет назад. Когда село было подвергнуто нападению армян, он почти что заканчивал затянувшуюся на два десятилетия стройку.

Его участок земли был в свое время каменистым и совершенно непригодным для выращивания фруктов и овощей. Но недаром говорят, что земля любит трудолюбивых. Ганбай долго и упорно очищал ее от камней и щебня, удобрял. Деревьям, посаженным им, было уже по 20 лет. Каких только деревьев не было на его участке, вплоть до хурмы, кизила и лимона! Увы…

Так ответьте же мне, братья мои, можно ли обвинять людей, оставивших на территории соседней республики прекрасные дома и красивые сады, могилы отцов своих и матерей, в стремлении во что бы то ни стало попасть в Баку? По совести ли это?

Когда где-то в мире попираются права человека, прогрессивные люди планеты поднимают свой голос в защиту попранных прав; для спасения рыбаков с потерпевшего крушение судна спешат корабли многих государств мира, и в первую очередь моего советского государства. И это правильно, так и должно быть. Но скажите мне, почему наш лидер Михаил Горбачев, обьявивший эпоху гуманного социализма, равно как и все остальные члены политбюро ЦК КПСС, дружно молчали, когда в течение двух недель более 200 тысяч азербайджанцев насильственно, под угрозой смерти, были изгнаны из районов Армении, где они проживали, где жили их предки? Стоило завершиться кампании по выселению азербайджанцев, как в Армении сразу же был введен комендантский час.

Поздно…

В один из памятных ноябрьских дней 1988 года у станции метро «Мэмар Аджеми» я повстречал женщину, походившую на призрак. Женщину с растрепанными седыми волосами, потерянным взглядом покрасневших от слез глаз, одинокую в многоликой толпе суетливо проходивших мимо людей. Она разговаривала сама с собой и с убитым в Армении сыном: «Что я здесь потеряла, зачем я приехала сюда? Почему я не умерла вместе с тобой? Кто теперь будет плакать над твоей могилой!.. Будь ты проклята, судьба! Как у тебя рука поднялась забрать моего сына?! Будь ты проклята!»

В те напряженные ноябрьские дни мне часто встречались люди, которые, жестикулируя, одни шепотом, а другие громко разговаривали сами с собой. Однажды я поймал на себе удивленные взгляды окружающих. В это мгновение я мысленно обращался к Уильяму Фолкнеру, писателю, чье творчество знал и любил: «А ты говорил, что человечество идет по пути прогресса и совершенства.

И я поверил тебе. Ты говорил, что сегодня люди стали лучше, чем прежде. Неужели лучше стали те, кто в холодную, зимнюю пору изгнал из родных очагов более 200 тысяч человек, подвергая их насилию и угрозам».

В те тяжелые дни многие не ведали, что происходит на соседних улицах, в соседних домах, районах, городах.

Бродя по заполненным людьми площадям и улицам, слушая такие разные рассказы о трагических судьбах, видя чудом уцелевших в этом водовороте событий людей, я мысленно беседовал с Василием Беловым и Валентином Распутиным, я обращался к народному художнику СССР Таиру Салахову: «Где вы, почему не слышно ваших голосов!»

Я направил телеграмму Евгению Евтушенко:

«Почему, поэт, молчит твоя гражданская совесть? Поэт, чья душа болит за людей, выстроившихся в очередь за колбасой, поэт, чувствующий малейшую боль любого живого существа! В Мегринском районе Армянской ССР армяне, вооруженные автоматами, гнали перед собой, подобно стаду животных, около 4 тысяч безоружных азербайджанцев до селения Астазур, где дорогу преградила другая вооруженная армянская банда. 4 тысячи человек, среди которых были женщины, старики и дети, выстроились в ряд на узкой тропе, между двумя формированиями вооруженных банд. Страх, плач, слезы…»

А вот отрывки из письма Андрею Вознесенскому:

«Почему вы молчите? Или вы тоже считаете армян, у которых в крови сеять смуту, раздор, «многострадальным народом»? или вы тоже черпаете информацию из пропахнувших армянским коньяком передач Центрального телевидения и материалов центральных газет?»

Так и не дождался я ответов ни на телеграмму, ни на письмо…

Я телеграфировал папе Иоанну Павлу II, в Организацию Обьединенных Наций, в Комитет по правам человека с надеждой восстановить справедливость и порядок. Тщетно…

Сейчас я обращаюсь к Гранту Матевосяну:

«Знаешь ли ты, сколько почитателей твоего таланта было в Азербайджане? Раньше, когда я приезжал в Ереван, я рассказывал многим армянским поэтам, писателям и журналистам о том, какого прекрасного писателя обрела литература в твоем лице. Знаю, надо обладать немалым мужеством, чтобы в окружении националистов и фанатиков хотя бы молчать, а не клеветать на соседей, поливать их грязью.

…Я думаю, тебе не стоит представлять Анара, ты прекрасно знаешь этого писателя. А теперь вообрази ситуацию, когда страсти в буквальном смысле слова кипят, из Армении изгоняют наших соотечественников, над территорией вашей республика терпит катастрофу (?) самолет с 69 нашими ребятами на борту, спешившими оказать помощь пострадавшим от землетрясения, идет ответное изгнание армян из Азербайджана, и в такое время Анар выступает с призывом не допускать выселения «азербайджанских» армян. И выступает не в кабинете и не на собрании, а на площади перед миллионной аудиторией взбудораженных и потерявших покой бакинцев.

Помню, как на одном из собраний в Союзе писателей Азербайджана Анар вновь стал призывать иных возмущенных мастеров слова к терпению и благоразумию, и тогда я не выдержал:

– Анар муаллим! Если бы армяне оскорбили или, не дай Бог, убили близкого вам человека, вы были бы так же спокойны и невозмутимы и продолжали бы призывать к миру?

Анар опустил голову, поправил на переносице очки и, скрывая раздражение, вызванное моим вопросом, не глядя в мою сторону, ответил:

– Да, я вновь бы призвал к миру…

А хорошо знакомый тебе Акрам Айлисли! В трудные дни многие неверно оценили его смелое выступление (редакция журнала «Дружба народов» напечатала его с сокращениями, не уведомив о них автора), хотя оно заключало в себе правду.

Горькую, но правду. Да, Грант, среди нашей интеллигенции немало таких, как Анар, Акрам Айлисли, председатель НФА Абульфаз Алиев. А имеются ли такие люди среди вашей интеллигенции?

На мой взгляд, у вас был такой человек. Был – потому, что вы посадили его сначала в тюрьму, а затем, лишив гражданства СССР, выдворили за пределы страны. Я имею в виду Паруйра Айрикяна[1]. Он, может быть, лучше остальных разбирался в происходящих событиях, откровенно говорил народу о том, откуда исходит все зло, призывал к установлению добрососедских отношений с тюрками. Пытался не допустить превращения своего народа в игрушку в чьих-то руках. Но Армения, увы, не смогла удержать у себя мудрого и смелого сына.

Грант, долгие месяцы мы бродили по улицам Баку в поисках жилья для выселенных из Мегри брата, сестер, родственников. Мы стучались в двери сотен армянских квартир и пытались договориться с их хозяевами об обмене. Но все они отказывались менять квартиры в Баку на Мегри. Тогда мы стали предлагать им дома наших знакомых и родственников в Гейче, Красносельском, Разданском и других районах Армении. Но все они, словно сговорившись, отвечали примерно так: «Мы не хотим ехать в Армению, мы ненавидим их». Сперва я расценивал это как очередную уловку. Но видя, что большинство из них даже Еревану предпочитают переезд в Армавир, Минводы, Красноярск, Ростов, Сочи, Ленинград, Москву и другие города, мне невольно стало жаль их. А как ты смотришь на все это, Грант Матевосян? Ведь армян, не желающих переезжать в Армению, не сотни и не тысячи, а десятки тысяч. Не представляет ли собой этот факт действительную трагедию армянского народа? И задавался ли кто-нибудь из вас вопросом: почему изгнанные из Армении азербайджанцы едут только в Азербайджан?

Я хочу поведать тебе о двух бакинских армянах – Г.Н.Петояне и Г.Р.Дорентеве. Проживая в разных районах Баку и не зная друг друга, оба они покончили жизнь самоубийством и перед смертью написали записки примерно следущего содержания: кончаю жизнь самоубийством, потому что невыносимо быть свидетелем противоправных, постыдных действий армянских националистов. Как, по-твоему, Грант, смогут ли два этих человека стать в армянской литературе прообразами положительных героев?»

Перевод Ильгара ФАРЗАЛИЕВА

---

[1] В феврале 1988 – обвинил власти СССР в организации погромов армянского населения в Сумгаите, был лишён гражданства и выслан в Эфиопию, однако затем нелегально вернулся в Армению. Будучи командиром Горисского района, принял меры для обеспечения эффективной защиты и организации переселения азербайджанских беженцев в Сюникский марз. 31 января 2013 года пережил покушение (в Ереване, на улице Тпагричнери у дома родителей), получив ранение в плечо.

ГЮЛЮШ АГАМАМЕДОВА

Плагиат

Кража – одно самых распространенных преступлений. Украсть можно практически все, начиная от курицы у соседки и заканчивая имуществом, землями и, что очень важно, нематериальным наследием. Именно оно на сегодняшний день в нашей войне с соседями выступает в качестве одного из важных компонентов.

Кража интеллектуальной (добавлю – нематериальной) собственности называется плагиатом, от французского plagiat. Вам что-то понравилось у другого человека, а может, и целой нации, будь то текст, музыка, кулинарный рецепт, стиль одежды, сюда входит огромное число составляющих элементов, и, недолго думая, вы заявляете на весь мир, что это вы или ваши предки, такие гениальные, талантливые, эмоциональные, душевные, наконец, мудрые, создали тот или иной шедевр. Сами вы знаете, кем на самом деле являетесь. Вором! Одно дело, кем вы являетесь. А другое – кем хотите казаться. Творцом! Просто заявить мало, надо кричать, убеждать всех, кто попадется на пути, что это ваше детище, и никто другой ни за что не смог бы создать ничего подобного. «Ах, обмануть меня нетрудно, я сам обманываться рад», – цитата из стихотворения влюбленного Александра Сергеевича Пушкина. Если те, кто внимают вам, относятся к вам с симпатией, то, безусловно, даже если аргументы, приводимые в защиту плагиатора, откровенно притянуты за уши, они будут снисходительно кивать, соглашаясь с вами и тем самым поддерживая вора интеллектуальной собственности. Почему крадут интеллектуальную, нематериальную собственность? Если есть склонность к воровству, почему не ограничиваются чем-то материальным, реальным, что можно сбыть и получить сиюминутную выгоду? Наивно. Именно нематериальная собственность позволяет говорить о значимости, интеллектуальном уровне и развитии человека, нации, народа. На мой взгляд, плагиат значительно хуже обыкновенного воровства. Это все равно, что украсть разум и душу. И в конечном итоге кража нематериального наследия приводит к краже громадного пласта материального наследия. Что движет плагиатором? Первое очевидное чувство – зависть, смешанная с восхищением. В первую очередь плагиатор, возможно, задается вопросом, почему ни я не придумал это, ни моя нация, ни мой народ, а кто-то другой, «не достойный» такого шедевра. Случайно придумал. Несправедливо распорядилось провидение, лишив меня, а вместе со мной и моих соплеменников «заслуженного» признания.

Яркий, особенно трагичный во времена II Карабахской войны пример – кража истории Албании. Албанские церкви на территории Карабаха объявлены нашими соседями армянами, выступающими в данном случае плагиаторами, армянскими церквями, вопреки имеющимся историческим хроникам, в том числе и армянских авторов и, прежде всего, вопреки здравому смыслу.

«***Монастырь Худаванг***

Монастырский комплекс Худаванг в Карабахе («Монастырь Хотаванг» в переводе с персидского означает «холм») – древний албанский монастырь, расположенный к востоку от Кельбаджара, ниже села Баглипея на шоссе Агдара-Кельбаджар, на стороне Агдара, в 29 км от Кельбаджарского района.

Монастырь был построен албанским князем в VI-VII веках. В XV веке этот памятник был религиозным храмом Албанского княжества. Позже храм несколько раз ремонтировался, дополнялся и наконец был восстановлен албанским правителем Хасаном Джалалом.

Согласно информации, здесь похоронена жена Хасана Джалала, Мина Хатун и его мать, Арзу Хатун. На стенах здания было много картин и надписей. Армяне из Агдере и

Басаркечара уничтожили топором некоторые кресты и надписи. Они заменили албанские кресты и картины армянскими крестами и нарисовали армянские картины на стенах. Фактически армяне меняют облик этого монастыря» **(Эльчин Мехтиев).**

На фото: Монастырь Худаванг

Плагиаторы для большей убедительности своего авторства вносят в историю посильный вклад – фальсифицируют её. Такого рода фальсификация рассчитана не только на внешнюю аудиторию, но и на внутреннюю. Не все же армяне будут искать первоисточники, чтобы увидеть истину. Армяне с радостью будут повторять, прежде всего себе, а потом уже всему миру, что нет никаких албанских храмов, это все тысячелетняя история Армении, а все, кто утверждают иное, враги армянского народа. Как оказалось, этот плагиат – кража Албанской истории – стал одним из краеугольных камней, своего рода хачкаром (армянский крест), которым они обосновывают оккупацию земель азербайджанского Карабаха, стилизуя ее под освободительную войну христиан, освобождения своей «христианской армянской земли» от варварских басурман. Имеются фотографии современного производства хачкаров на оккупированных карабахских землях. Несложно догадаться, для чего их производят в таком количестве. Удревляют армянскую историю. Фотографий довольно много в открытых источниках на просторах интернета.

«С VI по XIII в. центр албанской церкви находился в Барде, а до этого – в Кабале (совр. Габала), столице Албанского государства. С XIII в. по 1836 г. центром албанской церкви был Гандзасарский католикосат в Карабахе. В 1836 году указ Николая I «Положение об управлении делами армяно-григорианской церкви в России» определил нормы управления армянской церковной жизнью в России и утвердил выборы католикоса всех армян на церковном соборе. Этим же рескриптом Николая I (того самого царя, переселившего армян из Персии в Северный Азербайджан после Туркманчайского договора – **авт.**) *упразднялась албанская церковь а все ее имущество, архивы, библиотеки, книги, епархии передавались Эчмиадзину»* **(Назия Мамедова).**

Каким образом армянский плагиат пустил такие глубокие корни? Напрочь забыли об Албании, ее храмах, истории, прямой связи с Азербайджаном? Рескрипт Николая I 1836 года упразднил албанскую церковь (*читай, уничтожил* – **авт.**) и передал все ее имущество, архивы, библиотеки, книги, епархии Эчимиадзину». Вероятно, для того, чтобы сподручнее было фальсифицировать нашу албанскую историю.

Вот таким образом плагиатор, вор нематериального наследия, убеждающий в своем авторстве прежде всего своих армян, а затем и других, тех, кто заинтересован, в конкретном случае, могущественной России в лице Николая I, способен предъявить «права» на чужую историю, чужую музыку, чужую культуру и, наконец, на чужие земли. Грустно… Не лучше ли заняться творчеством, реальным, неукраденным. Искать правду, а не изощряться во лжи. Среди армян достаточно талантливых людей, не стоит им заниматься плагиатом.

ГАБИЛЬ

РУБАИ

Перевод Энара ГАДЖИЕВА

* * *

Не сто́ит кушать, что попало,
Болтать и слушать, что попало,
Когда ты в дружбе неразборчив,
Друзей не сыщешь в дни опалы.

* * *

Украшенный резьбой, прекрасен саз,
Мозаикой цветной украшен саз,
Но, с перламутром или без отделки, –
Петь только с мастером согласен саз.

* * *

Что с того, что одну нам черту подведут,
Что с того, что в конце
ждет нас общий приют.
Но к пристанищу этому, к этой черте
Каждый сам для себя выбирает маршрут.

* * *

«Добро пожаловать!» – сказали вам.
Хозяйка ласкова к своим гостям.
Но чтоб в дорогу счастья пожелали,
Гость должен вовремя подняться сам!

* * *

Ты глянь, Омар Хайям, как утром рано
Цветы в росе, и травы пахнут пряно.
Вчера влюбленные играли свадьбу здесь –
И травы во хмелю, и небо пьяно!

* * *

Примчусь немедля я на друга глас –
И на шутливый зов, и на приказ.
Я радуюсь и малым искрам дружбы
И плачу, коль огонь ее погас...

* * *

Мглистый туман над Муровом[1] клубится,
В жизни джигита все может случиться.
Но если сравнивать с кем-то мужчину,
Он только с горной вершиной сравнится.

* * *

К горлу ком подступает при виде Хикмета,
Хоть увенчан он славой большого поэта,
Но в его ярко-синих глазах полыхает
Скорбь разлуки с Босфором –
такого же цвета...

* * *

В розовом цветенье ты мне снишься,
В зелени весенней ты мне снишься.
Я уж пожелтел от ожиданья,
Под глазами тени –
ты мне снишься!..

* * *

Омар Хайям! Поэт седой!
Приди – пиалы не с водой!
Различен путь как мудрецов,
Так и гуляк, учитель мой...

* * *

Лужу с морем синим не равняй,
Другом каждого не называй.
Всякого, кто выглядит чистюлей,
Чистой совестью не награждай!..

* * *

Я голоден... я сыт... А мир живет –
Кому просторен он, кому-то жмёт...
И миру, в общем, все равно, живу я
Иль нет –
он все равно себе живет!

* * *

Черным молоко не называй,
Половинку целым не считай...
И в итоге, если просчитался,
Пеплом головы не посыпай.

[1] Муров (Муров-даг) – гора в Азербайджане.

* * *

Казни меня, коль грешен я!
Как стебель, шея у меня!
Но не отмоешься вовеки,
Меня, невинного, черня.

* * *

Вослед хула, в лицо хвала –
Фальшивые звучат слова.
Тем, кто двулик, не доверяйся,
Не будь балдою, голова!

* * *

Поэт не просто стих строчит,
Не просто пишет – ночь не спит.
Уж если кто насилье стерпит –
Поэт не стерпит, не смолчит.

* * *

Достоинство –
не в росте, не в дородстве,
Причина унижения – в холопстве.
Ни звания, ни сытость, ни награды
Лакею не прибавят благородства.

* * *

Ты слух пустил –
а я, простак, поверил,
Принял брехню за правду, не проверил...
Но сам себя ты обманул, поверь!
Солгал однажды –
кто тебе поверит?..

* * *

Ты путь тяжелый проторил,
Ты жизнь рисковую прожил.
Вершины были непокорны –
Ты их упорством покорил!

НАТИГ РАСУЛЗАДЕ

Р А С С К А З Ы

Встреча, встреча, бла-бла-бла-бум!..

Эльвин проходил по одной из центральных улиц города мимо кафе и ресторанов, которые два дня как открылись после жесткого карантина, что должен был уберечь население от вируса, коронавируса, или как его там по-научному. На открытом воздухе были выставлены столики, и за ними на порядочном расстоянии друг от друга, как и рекомендовалось и предписывалось правилами в период пандемии, сидели посетители, некоторые были в масках, прикрывавших рот и нос, несколько девушек, опустив маски ниже подбородка, пили кофе, коктейли, те, кто в масках, ожидали свои заказы, а официант внутри помещения кафе сонно поглядывал на улицу, на девушек за столиками, на знакомую кошку, прижившуюся здесь и беззаботно валявшуюся то под одним столиком, то под другим, словно подчеркивая, что плевать хотела на карантин и на все маски. А люди… почти у всех были настороженные, пасмурные лица, подозрительные, напряженные взгляды, как бывает, когда ждут заранее прогнозированного стихийного бедствия.

Черная маска плотно закрывала её лицо, но Эльвин узнал её по глазам, они, заметив его, будто вспорхнули, когда он проходил по улице почти рядом с её столиком за ограждавшими территорию кафе кустами. И она узнала его, он догадался по её ожившему взгляду, уставившемуся ему в лицо. Он кивнул, улыбаясь, тут же подумав, что вряд ли можно догадаться, что под его маской скрывается добродушная улыбка, а под темными очками – потеплевший, приветливый взгляд. Тем не менее, она узнала, обрадовалась, и Эльвин остановился подле её столика.

– Ты можешь сесть за мой столик, – сказала она. – Если не торопишься.

– С удовольствием, – сказал он и пошел к входу, снимая маску с лица, но оставляя улыбку.

Она была младше Эльвина лет на пятнадцать, и когда-то, в паузе между вторым и третьим, теперешним её мужем, у них закрутился бешеный роман, и он даже подумывал, а не стать ли ему её очередным супругом, но блажь прошла, как приступ падучей, оставив после себя дикую утомленность, усталость, нервное истощение: она была фантастически капризна, ревнива, требовательна, нет, нет, подальше…

Теперь она была в солидном для женщины возрасте, но даже в этом солидном возрасте выглядела потрясающе – холеное лицо с темными бездонными озерцами распахнутых любопытных глаз, ухоженное, крепкое, загорелое тело, спокойное, выжидательно-ироничное выражение, не сходящее с лица даже когда она слушала что-то неприятное в свой адрес, припухлые губы, что она любила вытягивать дудочкой, будто приглашая к поцелую, но дразня и забавляясь отказом в последний миг…

Она тоже сняла маску жестом принцессы, поднимающей вуаль с лица, и он убедился, что за эти годы, что они не виделись, она ничуть не изменилась, точнее – изменилась к лучшему: стала еще красивее, а красота её зрелая, и теперь даже чуть перезрелая, стала притягательнее, чем прежде.

– Давно не видел тебя, – сказал Эльвин, усаживаясь напротив неё и придумывая комплимент, который мог бы быть к месту.

Но тут подошел официант с её заказом на подносе, в черных перчатках и со скорбным лицом, будто хотел поставить на стол не чашку с кофе, а похоронный венок, и Эльвин замолчал, а она не ответила, пережидая официанта. Официант посмотрел на него, и он тоже заказал кофе, и официант ушел, удалился медленной, торжественной походкой, как высокий гость перед почетным караулом.

– Ты не поверишь, – сказала она, свертывая и кладя маску в дорогую сумочку «Шанель». – Сегодня ночью я видела тебя во сне.

– Эротическом?

– Ты верен себе, – сказала она, усмехнувшись. – Нет, скорее, в романтическом.

– Всего лишь? – шутливо произнес он. – И это после десяти лет разлуки?..

– Разлуки? – удивилась она. – Не слишком ли сильно сказано? И потом, не десяти… Мы не виделись, – она на минутку задумалась, вспоминая...

«Вот идиотка! Подсчитывает…» – подумал он.

– Восьми… – наконец произнесла она.

– А, – сказал он, улыбаясь.

– Ну, – сказала она, доставая из сумочки пачку сигарет, а из пачки одну сигарету и показывая пачку ему, предлагая, он покачал головой, отказываясь. – Теперь, раз уж попался, расскажи мне, как ты живешь, как ты жил все эти восемь лет без меня, – она тихо, коротко посмеялась, давая понять, что пошутила. – Ты по-прежнему один?

– А с кем я должен быть? – спросил он, немного ёрничая.

– Не женился? – пояснила она, сопровождая вопрос непонятными жестами, как слабоумному.

– В моем возрасте говорить о женитьбе…

– По-моему, ты в любом возрасте можешь…

– Вот как! Ты все так помнишь?

– Помню, – сказала она, прикурив от зажигалки и пуская дым через ноздри по-мужски, как заправский курильщик. – Ну, ты будешь рассказывать?

– Что тебе рассказывать?

– О себе. Мне интересно.

Тут из кафе послышалась песня Иглесиаса-старшего, люди за столиками немного притихли. Смотри ты, откуда столько приличной публики?..

– Давай послушаем, – сказал он.

Эльвин сидел лицом к приморскому бульвару, и были видны верхушки деревьев, тихо покачивающиеся от слабого ветерка, и вдали – кусочек светлой глади моря, отражавшей полуденное солнце. Ветерок прилетел и сюда, всколыхнув запахи зелени кустов, опрысканных водой, с блестящими, как роса, капельками на узких листьях. Песня кончилась, и за соседними столиками кто-то вновь продолжил прерванный разговор, а девушка за дальним столиком, сидевшая одна, сердито затараторила в телефон, будто диктовала, не желая слышать возражений.

– Песня нашей молодости, – сказала она.

– Нашей? Вы, девушка, кажется, забыли, что я вам гожусь в дедушки… – он посмотрел на её такую знакомую ироничную улыбку, улыбнулся тоже. – Губы, кажется, новые? – неуверенно спросил он, внимательно вглядываясь в её лицо.

– Нет, что ты, – сказала она. – Ты же знаешь – я не люблю дополнять природу.

– Да тебе и нет никакой необходимости в этом, – сказал он искренне.

– Спасибо.

– А ты как поживала эти годы? – спросил он так, будто уже рассказал о себе, ответив на её настойчивый вопрос, и теперь её очередь, и, зная её характер, заранее догадываясь, что возражать не будет – она любила поговорить о себе, как, впрочем, и многие женщины – уставился на неё в ожидание ответа.

– По-разному, – сказала она. – Мы с мужем последние три года жили в Буда-

пеште, у мужа там большой бизнес, а часть здесь, в Баку… Хотя какой теперь бизнес, все рушится… Вот, приехали две недели назад, прошли карантин, сейчас он занимается делами, больше из дома, конечно, он-лайн, дает указания, распоряжения, орет, распекает, не скучает, одним словом. А я вот гуляю, сама по себе, как та кошка… Слава богу, немного размягчили карантин. Кафешки открылись… Хожу на бульвар… соскучилась по нашему городу…

– Много новых любовников?

– Очень смешно.

– А чем занимается твой муж?

– Героин, марихуана, наркотики, в общем. Иногда оружие и проститутки. Это его основной бизнес.

– Тоже смешно.

– Хорошо я пошутила?.. Вообще-то у него фармакологический бизнес. В Будапеште он контролировал сеть крупных аптек, да и здесь тоже кое-что имеется, – сказала она, явно желая похвастать успехами мужа, немножко в пику ему, не имеющему никаких финансовых успехов. – Вполне легальный бизнес.

– О-о! – произнес он с наигранным восхищением, подыгрывая ей: пусть радуется, дурочка, – Самый прибыльный легальный бизнес, и самый легальный из всех легальных.

– Да ну тебя! – улыбнулась она добродушно.

Рядом с кафе по улице проходила, громко разговаривая и смеясь, стайка молодых девушек, с видимым удовольствием порхающих на свободе после жесткого карантина. Он проводил их взглядом.

– А ты по-прежнему смотришь на женщин раздевательски? – сказала она, перехватив его взгляд.

Он не ответил, улыбнулся ей. Помолчали. Она, как богатая женщина, привыкшая многое себе позволять, бесцеремонно рассматривала его и, кажется, ей не нравилось то, что она видела: чистая, но неглаженая, дешевая рубашка, недорогие часы на запястье, облысевшее темя, как островок на голове, похожий на тонзуру католических монахов – это был не тот мужчина, что ушел от неё в разгар их страсти, опасаясь пропасть, потерять себя, бросив все к её ногам.

– А что ты там видела во сне? – спросил он без всякого интереса, чтобы только нарушить затянувшееся и ставшее немного тягостным молчание. – Что я делал?..

– Не надейся. Ничего не делал. Просто сидел со мной в моей спальне, держал меня за руку и что-то говорил так искренне, так проникновенно… А тут ворвался он с револьвером в руке и стал стрелять в меня, в тебя, в нашу прислугу, в собаку… – она вдруг рассмеялась весело, расхохоталась, давя в пепельнице окурок и осторожно промокая выступившие слезы платочком из сумки.

– Что такого смешного? – спросил он. – Это, по-твоему, смешно?

– Конечно, смешно. Если б ты его видел – толстый, рыхлый, лысый, истеричный мужчина, он так потешно кричал: «Ах ты, шлюха! Ты опять!..» Вот уж кто смешно, пародийно, неправдоподобно выглядит, когда стреляет в неверную жену, – и она опять залилась громким смехом, так что прохожие и посетители кафе стали оглядываться на них.

И тут вдруг стало как-то непонятно, непостижимо быстро темнеть, небо посерело, помрачнело, как перед грозой, покрылось темными тучами, стало совсем темно, как ночью, и только он хотел предложить ей уйти с открытой веранды кафе, как вдруг ощутил странным образом её руку в своей, увидел себя с ней в полумраке роскошной спальни, она была в прозрачном пеньюаре, её губы приблизились к его, рука её стала тянуть его к раскрытой постели, он почувствовал её дыхание на своей щеке, запах тонких дорогих духов, её полузабытые, мягкие, пухлые губы с предусмотрительно стертой помадой, её обнаженное тело, прижимающееся к его разгоряченному

все сильнее, все крепче…

Эльвин как сквозь сон внезапно услышал дикий, истерический визг, встрепенулся, увидел торопливо приближавшегося к ним, тесно обнявшимся, толстого мужчину с животом, вылезшим из брюк и колышущемся при каждом шаге, увидел блеснувший диким ознобом револьвер в его руке, услышал истерический крик:

– Ах ты, шлюха! Ты опять!

Тут же за этим диким криком раздались подряд два выстрела в упор в неё, ей в лицо, и это вмиг изуродованное лицо превратилось в кровавое месиво, и люди в кафе, ошарашенные, перепуганные посетители – свидетели убийства среди бела дня – тоже невольно закричали… и лицо её, прекрасное за минуту до этого, теперь, залитое кровью, с выбитыми зубами и темным мертвым глазом на ниточке сухожилия возле опрокинутой чашки с кофе лежало на столе, уткнувшись в пепельницу с окурком со следами помады на фильтре.

Толстяк, хладнокровно запихнув револьвер за пояс, отошел от столика, от кафе, и на виду у потрясенной публики спокойно пошел прочь, переваливаясь, как утка при ходьбе, с боку на бок.

Эльвин остался сидеть за столом среди запаниковавших, забегавших, засуетившихся людей вокруг. Он сидел, глядя на её труп и стараясь нащупать, ощутить хоть какую-то зыбкую границу между сном и явью, между реальностью и безумием, чтобы опереться на эту границу и перейти на какую-нибудь сторону, но это было невозможно – мертвая женщина перед ним была и реальностью, и сном.

Визит невежливости

Ко мне заявились родственники, которых я знал только понаслышке – четвероюродный племянник троюродной сестры или что-то вроде, я не очень разбираюсь в родственных связях. А этого молодого человека, помнится, видел, когда ему было года три, и запомнил, потому что как-то его родители затащили меня в гости, и этот малыш за столом ухитрился опрокинуть чашку с горячим чаем прямо мне на ширинку. Теперь малышу было на вид лет тридцать и пришел он не один, а с бабушкой, плохо одетой, плохо пахнувшей и согнутой в три погибели: оба они – и внук, и бабушка – не оставляли хорошего впечатления, во-первых, свалились, как говорится, как снег на голову, безо всякого звонка, без предупреждения, и именно в ту минуту, когда я собирался выходить из дома на важную деловую встречу. После долгих плаксивых извинений и объяснений, старухе наконец удалось заставить меня вспомнить их, родителей мальчика, которые давно разошлись, сволочи, а малыша с пяти лет бросили на неё, и уже давно не дают о себе знать, не интересуются даже, жива она или в могиле, смогла вырастить их сына или он запропал, так же, как его сучьи родители, чтобы они провалились, если еще не подохли! – причитала старуха, возвышая голос на моментах проклятия и возводя руки, похожие на высохшие ветви дерева, к небу, а я все старался угадать, что же их привело ко мне.

– А что случилось? Что вам нужно? – прервал я её излияния, помахав рукой перед её подслеповатыми глазами.

– А? – не поняла или не расслышала старуха.

– Что вас привело ко мне? – спросил я уже громче, пока не надеясь на ответ.

– А? Что? – спросила она еще раз, как простолюдины, которые не воспринимают вопрос с первого раза.

В конце концов она перешла к сути дела. Внук её, вот он, перед вами, чистый, честный мальчик, ничего не делал, а эти твари и подонки хотят его арестовать…

Тут её причитания перешли в откровенный заунывный плач. Внук стоял рядом,

как изваяние, по лицу его нельзя было прочесть абсолютно ничего, никаких эмоций – не человек, а памятник Дзержинскому.

Минут через двадцать, когда я периодически получал на телефон тревожные, нетерпеливые сообщения и сидел, как на иголках (точнее – я стоял, надеясь, что это вынудит моих посетителей поторопиться покинуть меня, но язык жестов и телодвижений был им чужд), я понял, что встреча уже не состоится и более спокойно стал вслушиваться в обрывки пояснений, прерываемых жалобным плачем престарелой женщины, которая стояла в такой позе передо мной, будто поклонилась мне и не хочет разогнуться. Это еще больше прибавило мне неловкости, и теперь я все свое внимание направил на её слова, которые в уме отделял от шелухи жалоб, плача, ругательств, чтобы докопаться до сути. А суть была такова:

Её внук работал секьюрити в охране одной из второсортных гостиниц, теперь из-за карантина (непродолжительный плач по коронавирусу) он уже четыре месяца без работы, жить им почти не на что, и вот в их квартале ограбили магазин, унесли дорогие спиртные напитки, и участковый полицейский вешает это ограбление на её внука и требует три тысячи (а откуда их взять, они таких денег и в глаза не видали), а не то грозит, что дело передаст в суд и мальчику припаяют пять лет, потому как ограбление со взломом…

Суть этого рассказа сопровождалась нецензурными словами и словосочетаниями, которые старуха, не чинясь, вываливала передо мной, а я вынужден был выслушивать.

– А я даже сказала, что вы наш близкий родственник, – обрадовала меня старуха. – Ведь вас повсюду знают, как собаку, то есть, я хотела сказать, вас каждая собака знает, вы знаменитость. Он даже сказал, что читал в юности ваши книги…

– Зачем? – простонал я. – Кто вас просил?

– А как же?! – удивилась старуха. – Он мог бы и отступиться тогда, нашел бы кого другого, по ком тюрьма плачет, зачем же моего мальчика?..

Мальчик все это время стоял по стойке смирно, не произнося ни звука. Я посмотрел на него.

– А он сам может говорить? – спросил я осторожно старуху.

– А как же! Только что ему сейчас говорить, еще не пришло его время говорить… – туманно пояснила старуха.

Некоторое время я размышлял, понимая, что меня втягивают в неприятную историю, но по своей дурацкой привычке одновременно прощупывая ходы, что можно было бы задействовать, чтобы помочь им: слишком уж жалостливо оба – и бабушка, и внук – выглядели. Надо помочь, думал я.

Тем не менее, я стал объяснять старухе, что сейчас плевать хотели на всякую знаменитость, что это все – авторитет, уважение к писателям и прочее – осталось в прошлом, а теперь все решают…

– А где их взять?! – сердито и в то же время плаксиво закончила за меня старуха, и я понял, что взять они хотели именно у меня.

– Хорошо, я что-нибудь придумаю, – сказал я невольно, слова независимо от меня сорвались с языка.

– А когда? – деловито осведомилась старуха.

Я записал их данные, фамилию участкового, их адрес – все, что нужно было знать в таких случаях, и… Короче – пообещал на свою голову.

Я вспомнил по их уходе, что в этой области у меня был хороший знакомый, заместитель министра внутренних дел. Ему я и позвонил. Услышав просьбу, он расхохотался в телефон. Верно – хорошее было настроение.

– Какой пустяк… Я уж думал – убийство… Ладно, не волнуйтесь, все сделаем… Если, конечно, мальчик не виновен… – поспешил прибавить он. – Все сделаем по закону.

Последняя фраза меня утешила, значит, все-таки делается по закону, а я, олух, не знал.

Через день, рано утром, мои посетители явились опять, когда я готовился выходить на этот раз на пробежку. Полусогнутая старуха вцепилась своими твердыми, как карандаши, пальцами мне в руку и потянулась облобызать, я испуганно её отдернул, и после долгих благодарностей, пересыпанных ругательствами в адрес подонков и ублюдков, сношавшихся со своими матерями, они покинули меня. И на этот раз молодой человек не произнес ни звука.

Но вот что интересно, через неделю ко мне пришел этот самый внук, уже без красноречивой бабушки. Без лишних слов он заявил мне, что магазин ограбил именно он и теперь хочет пойти сознаться, тем более, что дело пока еще не закрыто, грабитель не найден.

Я некоторое время молча хлопал глазами, уставившись ему в морду (харю, рожу, хавку зырящую, паскудную лепешку), наконец догадался спросить:

– Чего надо?

– На работу устроиться куда-нибудь… пожирнее, – сказал он.

– Нет, – сказал я решительно. – Тебя я не могу устроить на работу.

Он не стал спорить, понял с первого раза, как видно, ушлый был парень, и теперь, как и предсказывала старая ведьма, ему пришло время заговорить.

Одним словом, я вынужден был подкинуть ему немного деньжат, чтобы оставил меня в покое.

С того дня примерно раз в две недели, с пунктуальной периодичностью, как за зарплатой, этот прощелыга «отдавал мне визиты», обычно по утрам, чтобы я еще не мог уйти далеко от дома. Звонить опять своему знакомому, высокому полицейскому чину, я уже не мог, опасаясь, что мой «протеже» и в самом деле сознается в ограблении, и как я тогда буду выглядеть?.. Выходит, я выгораживал преступника?!

В следующий раз, когда он явился за зарплатой, я напрямик спросил его – чего он хочет? Не может же он всю жизнь два раза в месяц таскаться ко мне.

– Нет, я могу, – сказал он. – Мне нетрудно.

– Ладно, – смирился я. – Может, уехать хочешь куда-нибудь? Как твои родители уехали… Я куплю тебе билет…

– Что мне там делать? Чего я там не видал? Здесь как-то спокойнее…

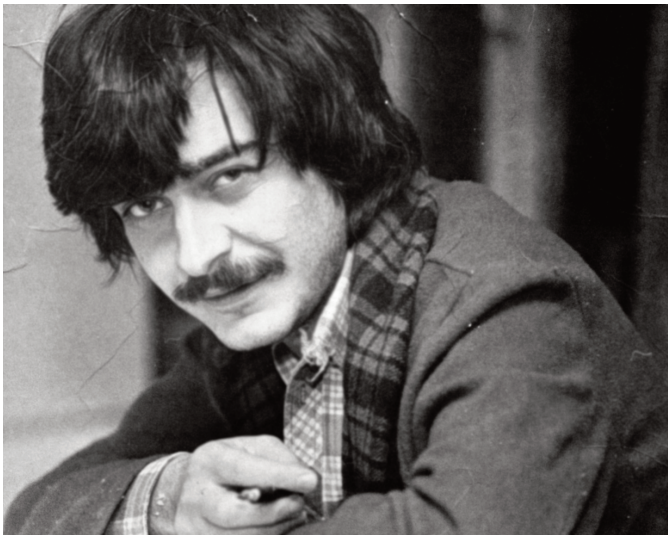
– Ясно, – сказал я, уже приняв про себя решение.

Вот сейчас ищу профессионального киллера…

АЛИНА ТАЛЫБОВА

СЛОВО О ЖУРНАЛИСТЕ

«Хорошая газета – это когда общество говорит с самим собой»
Артур Миллер



В Баку великое множество достопримечательных мест, так или иначе связанных с творчеством в самых разных его проявлениях. И в этом ряду уникальное место занимает Музей миниатюрной книги Зарифы ханым Салаховой, основателем и директором которого она и является. За долгие годы в коллекции музея собраны поистине бесценные раритеты, но примечательно то, что «семья» миниатюрных книг все это время продолжает активно пополняться новыми изданиями.

В очередной новинке, выпущенной Зарифой ханым, рассказывается об известном московском журналисте и редакторе, одном из основателей «Новой газеты» Нугзаре Микеладзе, увы, покинувшем этот мир пять лет назад. Составитель сборника – мама Нугзара Кобаевича, старейший бакинский журналист Галина Микеладзе – представила в нем немало интересных материалов, так или иначе связанных с жизнью и творчеством героя книги: его собственные журналистские работы, воспоминания коллег и учеников, фотографии из семейного архива…

Предваряет книгу вступительное слово депутата Милли Меджлиса, а ныне Чрезвычайного и Полномочного посла Азербайджана в Украине Эльмиры ханым Ахундовой. Будучи сама известным писателем и журналистом, много лет проработавшим в ведущих изданиях бывшего Советского Союза, Эльмира ханым, как мало кто другой, представляет себе специфику журналистской работы и масштаб личности того или иного журналиста. Именно ее слово оказалось решающим, чтобы сподвигнуть Галину Алекперовну на этот, такой дорогой для материнского сердца проект, призванный напомнить о ее талантливом сыне тем, кто его знал, и рассказать о нем тем, кому не довелось пересекаться с ним в жизни и в профессии.

«Газеты – секундные стрелки истории»
А.Шопенгауэр

Художник может писать картину четверть века, писатель или композитор могут сочинять «в стол», надеясь, что их искусство потомки поймут и оценят даже через века… Журналистика, а тем более жанр «горячего» репортажа – явление специфическое: она крепко-накрепко привязана к своему времени с его сиюминутными со-

бытиями, мыслями, чаяниями. В этом ее живое обаяние, и в этом же ее драма – подавляющее большинство газетных материалов живут очень недолго, вытесняясь из памяти читателей все новыми злободневными происшествиями, размываясь и исчезая, подобно следам на влажном песке под натиском каспийских волн.

В то же время журналистика – это, по сути, уникальный дневник эпохи, те самые кусочки мозаики, из которых и складывается величественное полотно истории, а газетный материал – это насыщенный живой правдой документ о том, что волновало людей на том или ином витке их земного бытия.

В сборнике представлена ценная реликвия: факсимильная подборка материалов «Новой газеты» с 1993 по 2012 год – листая их, читатель может, в частности, вспомнить, как в далеком 1993-м, когда Нугзар Микеладзе, за плечами у которого к тому времени была работа в «Заре Востока» и «Комсомольской правде», вместе с Дмитрием Муратовым (ставшим главным редактором) и несколькими единомышленниками начинали свою «Новую газету» – современную, острую, нонконформистскую, сразу обретшую свою авторскую интонацию в газетной разноголосице тех лет.

В те бурные времена за острый репортаж приходилось расплачиваться не только собственными нервами, но подчас и жизнью – вспомним тех же сотрудничавших с «Новой» Анну Политковскую, Юрия Щекочихина, Игоря Домникова, ставших жертвами заказных убийств… Все это прекрасно понимал и глава отдела репортеров Нугзар Микеладзе, которому в его тридцать с небольшим пришлось сразу стать не только наставником, но и реальным «отцом» для своих подчиненных, а точнее, подопечных: ему не раз приходилось спасать их от политических преследований, криминальных разборок, отстаивать материалы своих питомцев, ждать их с очередной войны… Войны, кстати, он ненавидел всеми фибрами душами, мучился ими, как болезнью, но, как свидетельствуют все те же коллеги: случись им оказаться на войне, с ним всегда можно было без колебаний пойти в разведку…

«Надо уметь поставить точку в своем последнем тексте…»
Нугзар Микеладзе

Интересно, что, являясь составителем той самой факсимильной подборки газетных материалов за два десятилетия, Нугзар Кобаевич счел возможным и уместным включить в нее всего лишь два собственных журналистских материала. Наделенный здоровым честолюбием, он был начисто лишен пустого тщеславия. Именно поэтому, являясь успешным столичным журналистом, автором ярких полемических материалов, авторских эссе, развернутых интервью-портретов деятелей искусства, обладая врожденным чувством слова и собственным взглядом на мир, он в какой-то момент решительно откладывает в сторону журналистское перо, сменив его на редакторские гранки, чтобы продолжать работать со словом в новом формате: учить молодых коллег ставить «лучшие слова в лучшем порядке». Что ж, такова драматическая участь всех пишущих редакторов – неизменно наступать на горло собственному творчеству, чтобы выиграли любимая газета или журнал в целом… Кто-то из коллег в шутку назвал Нугзара Микеладзе – «принц на горошине», потому что он неизменно чувствовал малейшую неточность и фальшь в тексте. И реагировал мгновенно, выпуская словесные стрелы точно в цель, как когда-то, когда он, юный мастер спорта международного класса по стрельбе из лука, натягивал тетиву настоящего лука, чтобы добыть победу на международных первенствах.

И, наверное, тот его профессиональный выбор был все-таки правильным, если в книге мы находим такие слова: «Сейчас в российской (*думаю, не только в российской* – **А.Т.**) журналистике одна из главных проблем – острая нехватка хороших редакторов: грамотных, чутких и въедливых. А ведь это – соль нашей с вами профессии. Для нас Вы – идеальный образец именно такого редактора…»

«Люди – львы, орлы, куропатки, рогатые олени…»
А.П.Чехов «Чайка»

Классик, безусловно, прав – кого только не встретишь в человеческих «джунглях»: есть среди нас и слоны, и львы, и пернатые-крылатые, и пресмыкающиеся, и одноклеточные… Агрессоры и добряки, ленивцы и трудяги, бесстрашные охотники и охочие до падали шакалы, по-черепашьи неторопливые мудрецы и порывистые «стрекозы»...

Если вернуться к чеховской аналогии, Нугзар Микеладзе был, конечно же Львом – не только согласно модным нынче гороскопам (а он был рожден именно под этим созвездием), но и по всей своей царственно-благородной натуре, по ощущению солнца, исходящего от его облика, желанием собирать вокруг, защищать и пестовать своих «львят» (а если нужно, то и отвесить ощутимую оплеуху царственной львиной лапой – точнее, метким словом, сказанным в нужное время и в нужном месте). По свидетельствам очевидцев, он бывал крут, но отходчив, вспыльчив, но справедлив. Никто так внимательно не работал с текстом – пусть даже самой крохотной заметки, написанной самым юным из стажеров. Он черкал, правил, ругал, хвалил, а главное, на личном примере учил – не только профессии, но, в первую очередь, уважению к своему делу, своей читательской аудитории, основополагающим профессиональным и нравственным постулатам. «Я ж тебя не ругаю – я ж тебя, дурака, люблю!..» – эти слова, сказанные им как-то в запале очередной редакционной разборки, как нельзя лучше формулируют суть отношений Нугзара Микеладзе с газетным молодняком, многие из представителей которого на сегодняшний день занимают ведущие позиции в российской журналистике. «Он сделал из нас нас, какими мы стали», – так, с непреходящей благодарностью вспоминают они сегодня своего наставника в профессии и жизни.

«Я глубоко убежден, что если вашей целью является изменение мира,
журналистика – самое действенное и быстрое оружие для этого»
Том Стоппард

Давно известно, что главный стимул к тому, чтобы нам хотелось идти на работу – это даже не сама работа, а люди, которые нас там окружают. В этом смысле коллегам Нугзара Микеладзе очень повезло – им неизменно хотелось идти на работу и заходить в кабинет №305, где их ждала встреча с таким неординарным и харизматичным человеком. В нем была легкость, естественность, своеобразие мысли, острота, подчас резкость, хлесткая ирония, нетерпимость к происходящему, но никогда не было жестокости, горечи, злобы… Он никогда никого не унизил, потому что сам был, по определению одной из его коллег, «ростом до неба», и искренне хотел, чтобы и другие стали повыше, а значит, поближе к тому самому небу. Он не ностальгировал по прошлому, не клял настоящее, не примерял венец мученика, а просто делал все, чтобы обеспечить более достойное будущее своей стране и ее завтрашним журналистам.

Как и у многих «рожденных в СССР», в его жилах текла кровь сразу нескольких народов – грузинского, азербайджанского, русского… Соответственно, и генетическая память всех разнонациональных предков органично сливалась в его сознании, как говорливая горная речушка в маленьком селении Караджик Хачмазского района с норовистой горной речкой по имени Сурамула близ грузинского городка Сурами, куда его в детстве возили отдыхать к родственникам. Тогда, на заре 1990-х, мы еще не знали, что в скором времени на территории нашей бывшей общей родины, которую станут называть обезличенным определением «постсоветское пространство», мы вынуждены будем доказывать свое право на пребывание в том или ином из знакомых нам с детства городов и подвергаться бесконечным унизительным проверкам, в одночасье став «чужими среди своих»...

«Неправда, друг не умирает,
Лишь рядом быть перестает…»
К.Симонов

…В 2013-м коллектив «Новой газеты» шумно и весело отметил 55-летний юбилей своего любимого редактора, а менее, чем через два года Нугзара Микеладзе не стало… Жалея друзей и родных, он, пока это было возможно, не рассказывал им о своей тяжелой болезни. Мы очень часто разменяемся по пустякам и платим слишком дорогую цену за то, что на самом деле ничего не стоит. А такие люди, как Нугзар Кобаевич, который отличался истинно философским складом натуры, возвращают нас к пониманию того, что платить стоит только за счастье провести какое-то время на планете Земля и как много больше получить от пребывания на ней. И успеть как много больше отдать другим за полвека с небольшим, которые были отпущены ему Создателем.

Сборник, который теперь займет свое место в ряду новинок коллекции книжных миниатюр, называется «Ты теперь повсюду, Нугзар» – и в самом деле, сегодня он повсюду: в непреходящей памяти матери, в чертах своих детей и подрастающих внуков, в памяти ровесников и тех, чья молодость и профессиональное становление прошли под его редакторским «крылом», всех тех, кто с любовью и уважением создавал этот коллективный портрет красивого и достойного человека. И где-то в виртуальных редакционных коридорах, в том самом кабинете №305 он навсегда останется таким, каким знали и любили его здесь, на земле – увлеченным, ярким, солнечным и благородным «львом»… Его ученики обещали ему, что не подведут его здесь, а он всегда будет «курировать» их там…

Светлая ему память и высокого полета его душе…

Пользуясь представившимся случаем, мы поздравляем свою коллегу, корифея бакинской журналистики Галину Алекперовну Микеладзе с замечательной датой.

Уважаемая Галина Алекперовна!

Ваше имя хорошо знакомо бакинским читателям – в разное время Вы сотрудничали практически со всеми печатными (а позднее, и сетевыми) русскоязычными изданиями республики.

Все эти годы Вы неизменно держали руку на пульсе культурной жизни города, мимо Вашего критического внимания не проходили ни одна театральная премьера или литературная новинка, художественная выставка или музыкальное событие.

От имени всего коллектива «Литературного Азербайджана» желаем Вам крепкого здоровья, творческого долголетия, радуйте нас еще много лет своим присутствием в нашей профессии и жизни родного Баку.

70 ЛЕТ СЕРГЕЮ ШАУЛОВУ

Сергей Абрамович Шаулов для своего дебюта в литературе «выбрал» достаточно позднее время. С таким же успехом он мог дебютировать гораздо раньше – и в тридцать лет, и даже в двадцать со стихами. Проза, думается, пришла к нему позже. Он не спешил нести в редакцию свежеиспеченное, оно у него отлеживалось, дозревало. Многое и теперь дозревает и, не обязательно в написанном варианте, зреет в его душе. Ему было около пятидесяти лет, когда он появился у нас в редакции. Журнал с его рассказом лежал в хаотичной стопке вместе с другими номерами, Сергей же, статный, высокий, нервно ходил по коридору, то и дело заглядывая в кабинет главного редактора, чтобы узнать, не освободился ли Мансур муаллим.

Еще в рукописи, увидев фамилию «Шаулов», я подумал, не сын ли он сослуживца моего отца, работника идеологического отдела райкома партии, позже направленного на работу в торговлю, Абрама Шаулова. Я спросил у Сергея об отце, оказалось, что был прав. У нас сами собой сложились приятельские отношения.

В кабинет к Мансуру муаллиму он, конечно, вошел, не дожидаясь, пока тот освободится, вошел твердым шагом, щедро делясь энергетикой. Много позже он напрямик спросил у меня, нравится ли мне то, что он пишет. Я сидел в кабинете Мансура, перелистывал рукопись его прозы «Студенческая пастораль». Мне нравилось даже то, что в названии было слово «пастораль». Я тоже как-то в самом начале дал название «Пастораль» первому своему переводу на русский.

Проза Сергея Шаулова непростая, для литературных гурманов. Пишется со скрежетом пера, но в итоге все в ней взвешенно и четко. Никакой бытовой описательности, литература в чистом виде.

В общении со мной Сергей часто повторяет: «Этот мир спланирован тщательно!» Повторяет не столько для меня, сколько для того, чтобы еще раз убедить в этом себя самого. Проведя параллель от этой позиции к его творчеству, можно увидеть, что строит он литературу свою тоже тщательно, по многу раз шлифуя и оттачивая. Бывает, что возвращается к уже напечатанным произведениям, чтобы переделать их. К представленным к семидесятилетию стихам он добавил еще одно, которое публиковалось ранее, но его требующей скрупулезной отточенности душе угодно было стихотворение это вновь переработать, так как мир его литературы требует тщательности…

От редакции и по велению души, с искренними поздравлениями со славным 70- летним ЮБИЛЕЕМ, Надир Агасиев.

СЕРГЕЙ ШАУЛОВ

* * *

Город полон одуванчиков,
Тополиный пух летит,
Город близкий и обманчивый,
Чаша грусти и любви.

В переулочках акации
Опоили месяц май,
Город-бред, галлюцинация…
Я дошёл: не исчезай!

Ожидая в час таинственный
Звёзд янтарное зерно,
Ты шептала: «Мой единственный!»,
Гасло скромное окно.

Месяц, лепет, вспышка, зайчики,
Рифмы, губы, бред, стихи …
Город полон одуванчиков,
Тополиный пух летит.

*** * ***

Смеялись мы. Не досмеялись.
Слиялись мы. Дельфин кричал.
Огни маячные качались.
Я знал тебя. И не узнал.

Корабль прогулочный отчалил.
Ты рядом. На душе покой.
Забытой музыкой печали
Парят мечети за кормой.

Троллейбус сумрачный. Последний.
Ты рядом. Я тревожно сплю.
Твои уста огнём осенним
Упали и горят во лбу.

Аэропорт. Разверсты дали.
Неоном красным рейс твой жгут.
Ты улетела. Пусто в зале.
Как умер. И чего-то жду.

АБШЕРОНСКАЯ САГА

Памяти мамы

По утрам, по утрам…
… там по ранним утрам птичий гам.
По ночам
Там над гнёздами звёзды горят,
И квакушки-т от счастья кричат.

День горяч, деловит,
День жужжит, день струит,
Гамм и радуг сулит
Миражи…
Близких сумерек тюль
Ворожит.

Ты пришла – как взошла!
Ты взъерошила чувства мои.
Не спеши…
Хорошо так считать этажи:
Это – жизнь;
Это – явь;
Этот сон, этот свет…
Свет из окон и окнам вослед.

Во-о-он и ты.
Льётся свет твой с такой высоты…
Для меня – ты звезда!
Я окно.
По ночам я скитаюсь давно.

… по ночам, по ночам:
где над крышами звёзды парят;
где ракушки-т от боли хрустят;
где по ранним утрам птичий гам,
голос твой, голос мой и
Любовь.
Непогасшая наша любовь…

Ты звезда. Я окно.
Вот и всё.

* * *

Там должны быть вокзалы
в паровозном дыму,
грациозные дамы,
гиацинты в снегу;
в запотевшие окна
ждать укол огоньков,
охмелеть под игристый
разговор пузырьков;
на морозном перроне
вдруг увидеть глаза,
от сердечного звона
улететь в небеса.
Там-м-м возможно иное
воплощенье начал,
так возьмёт за живое
от тоски ль, сгоряча,
что бросает вокзалы
в жар фонарный
свеча!

АБШЕРОНСКИЙ ТОПОЛЬ

1

Гармония всхрипела от стиха
и замерла: лавиной мира...
Горят созвездья, блики, купола
по замыслу словесного эфира.

Дельфин трубит, гранат завис,
украсив ветку мирозданья,
А паутинка в этот миг
летит, не ведая сознанья.

Нашлись стальные мужики,
срубили тополь.
И лишь стихи, и лишь стихи
хранят предсмертный шёпот.

Пропоют, пропоют хорошо так
в тиши петухи,
Чуть лишь небо восходом проявится,
понесут меня в путь только эти стихи...
И вспорхнёт тополёк, и потянется!

2

По духовной браге брату моему
Надыру Агасиеву

Мне век не выбирать! Властители у трона
меняют лики, тени, имена,
Но серебрист мой абшеронский тополь,
и светит изумрудная звезда.

Пройдут дожди, осыпятся столетья,
покинет свет земное естество...
Иной поэт иного Абшерона
вглядится в призрачное хроно
И вновь откроет строки про него:

Мне век – не выбирать!
Высокий тополь
роняет в это время
серебро...

Вечернее письмо

П. Н.

Из тьмы, и тьмы, и тьмы немых тысячелетий,
Познавшая любовь, во мне ты воплотилась,
Но вот, скажи на милость, живое эхо спит,
А помнишь, как оно дворняжкою прижилось.

На улочке уют – я был там! Как и прежде
Над крышами скользит созвездие надежды,
Оранжевый торшер, весёлый абажур в пасьянсе окон,
Строкой осеребрён склонённый локон.

Там воздух так же чист. Вновь сквер отшелестел.
О, как пьянит земное ожиданье...
Лети, моя любовь, дыханье затаив,
Из тьмы, и тьмы, и тьмы на первое свиданье.

НОВЫЕ ИМЕНА

Поощрение публикациями талантов, особенно талантов молодых, одно из основных направлений работы нашего журнала. Предлагаемые читателям произведения двух авторов: ученика восьмого класса 132-134 школы Фуада Алиева и Гафара Гусейнова, человека уже, по всему, достаточно повидавшего в жизни, как никогда подходят под общий заголовок «Поощрение». Присланы они нам организаторами II-го конкурса рассказов, проводимого «Литературным Домом» Мир Джалала. Мы благодарны организаторам конкурса за выбор нашего журнала для поощрения авторов.

На конкурс, как следует из обращения к нам «Литературного Дома», поступили произведения 539 авторов. Зарегистрированным – последним – под 539 номером оказался Гафар Гусейнов. Он своим очень чутким, поэтическим, оставляющим щемящее чувство грусти рассказом «Путь к Ахматовой» как бы закрывает конкурс. А для нас этот автор, по всему, проживший большую жизнь, сохранивший чуткость души, только открывается…

Фуад Алиев, человек молодой, ученик средней школы, как всякий юноша, спешит повзрослеть, поэтому, видимо, герой цикла его рассказов «Люди» уже умудрен опытом жизни, он колесит на велосипеде по свету, чтобы знакомиться с людьми. Его интересуют только люди, не природа, не города, как он заявляет, только люди. Один из его героев – старик-отшельник, отрастивший из протеста длинную косматую бороду – городской сумасшедший, хотя некоторые называют его посланником Бога. «Бог не нуждается в посланнике», – утверждает старец. Утверждение сие заставляет задуматься. Наверное, можно найти контекст, в котором данное утверждение могло бы иметь смысл.

Фуад Алиев пока еще только в своем, написанном от первого лица, рассказе – человек, умудренный опытом. Он вырастет, повзрослеет, возможно,продолжит писать. Псевдоним, заявленный, как Геллерт Уайт, у него уже есть. Представляя читателям Фуада Алиева, остается только похвалить его, напутствуя, по-отечески похлопать по плечу: все хорошо, Уайт, вперед…И глядя внутренним взором в то самое далеко, которое ждет Фуада, видеть и знать, какая замечательная у нас молодежь, она не уронит, поднимет еще выше престиж страны.

ГАФАР ГУСЕЙНОВ

Путь к Ахматовой

Меня довольно долго терзали вопросы: когда я впервые услышал имя Анны Ахматовой и когда увлёкся её поэзией.

Сколько ни вспоминал – не получалось. Пока однажды молнией в память не ворвались воспоминания из детства, связанные с ссыльными немцами.

Постараюсь объяснить.

Дело в том, что, будучи из ссыльных, нам приходилось часто менять место жительства.

Таково было требование в те годы, когда ссыльных уже не так уж и притесняли. Но и не баловали. Не давали возможности осесть, обзавестись нормальным хозяйством, обрести постоянных соседей-друзей. Словом, время было такое.

Трудное.

И в силу этого нам приходилось жить в аулах, где отбывали свою ссылку, как и мы, люди самых разных национальностей: персы, немцы, греки, молдаване, русские, черкесы… Всех и не перечислишь.

Мне было семь лет, когда нас поселили к немцам, высланным из Ленинграда в 1941 году в силу сложившихся обстоятельств. Моим родителям соседи-немцы понравились сразу: чистоплотные, общительные, хозяйственные. Мне разрешалось играть с детьми немцев. Сначала так, на улице, тянувшейся вдоль канала, вырытого большими усилиями и ценой жизни многих тысяч ссыльных, способствовавшего оживлению части бесконечной казахстанской степи.

Детей моего возраста среди немцев было много. Немецкие семьи, в основном, были многодетными. Наверно, из всех национальностей некоренного населения немцы отличались именно этим. Теперь понимаю: они просто хотели выжить. Остаться нацией. Уж больно не любило их советское правительство.

Говорили они по-немецки. Помню, первое время трудно было общаться. И мне, и детям немцев. Но у меня не было другого выбора. Нас, азербайджанцев, была только одна семья. Братья и сестры были намного старше меня. А играть хотелось.

Общаться хотелось.

С одной семьей, помню точно их фамилию – Битнер, у нас наладились добрососедские отношения. Матери сдружились. Это даже по неписаным законам – основа дружбы. Детишек было много, интересы совпадали, и я целыми днями пропадал у них. Привык к ним. Да так, что вечерами старшая сестра еле уводила меня домой. Всякий раз немцы провожали меня так, как будто в последний раз видимся. Хотя каждый знал, что с наступлением нового дня будем вместе.

Но не только игрой со сверстниками привлекала меня эта семья.

Мне было интересно слушать рассказы их бабушки. Да, я забыл сказать, что ежедневно в предобеденный час у них было принято входить в комнату бабушки и слушать её. Честно говоря, вначале меня это раздражало. Скорее всего, это было вызвано незнанием языка: бабушка говорила только на немецком. Но прошли месяцы. В силу постоянного общения я стал понимать и говорить по-немецки. Помню, даже старшие сестры, учившиеся в школе и изучавшие немецкий язык (он был основным среди иностранных языков, и это, учитывая время, наверное, было правильно), часто обращались ко мне за помощью по переводу. И от того, что я стал понимать немецкий, рассказы бабушки стали увлекать меня все больше и больше. Я садился ближе к ней, устремлял на нее взгляд (наверное, полный интереса и любопытства), получал от нее добрый жест – она нежно проходила пальцами по лицу в знак благодарности от моего внимания к её рассказам – и слушал. Рассказы были интересные, живые.

Конечно, в силу моего детского возраста, тяги к играм, многое забывалось.

Однажды бабушка-немка рассказала об одной женщине-поэтессе, в семье которой она служила домработницей в Ленинграде. Рассказ был о том, что человек должен знать, что ему подходит, а что нет. И вот женщина эта любила подшучивать, особенно над близкими друзьями-поэтами. В тридцатые годы, оказывается, в Ленинграде мужчины любили носить пиджаки с большими нагрудными карманами. И многие, было ли это им к лицу или нет, вкладывали в этот карман платочек и расческу. Понятно, что это кого-то красило, а вот одного из друзей женщины-хозяйки делало напыщенным. И вот однажды она, чтобы не обидеть своего друга, проводив его до передней, оглядела с ног до головы, остановила пристальный взгляд на нагрудном кармане и спросила довольно серьезно: «А где ваша зубная щетка?». Конечно, друг сделал вид, что это была шутка, хихикнул и, не прощаясь, вышел. Во всей этой бабушкиной истории мне запомнилась фамилия женщины-хозяйки: Ахматова.

Чем-то родным повеяло от фамилии. Как-то она врезалась в память.

Ахматова…

И ещё:

Ленинград.

Поэты.

Да, я впервые тогда столкнулся и с этим словом.

А фамилия эта не отпускала меня. Порой я даже удивлялся тому, что волей-неволей повторяю её всякий раз, когда говорю или читаю на немецком.

Потом, спустя уже годы, я стал свидетелем того, что сёстры мои со своими подругами, завсегдатаями нашего дома, читали какие-то стихи, спорили, старались в чем-то убедить друг друга. В спорах часто упоминалась фамилия:

Ахматова.

Причем почти шёпотом.

Я не понимал тогда, почему фамилию эту произносили еле слышно. Помню, потом подошла к ним самая старшая сестра, оглядела их и поразила тем, что прочитала наизусть стихи, которые читались именно в тот вечер.

Долгие годы в моем сознании всплывали именно эти стихи:

Я пью за разорённый дом,
За злую жизнь мою,
За одиночество вдвоём,
И за тебя я пью, –
За ложь меня предавших губ,
За мертвый холод глаз,
За то, что мир жесток и груб,
За то, что Бог не спас.

Они очаровали меня в тот вечер.

Они увлекли поэзией **чингизки**[1]. А с годами тетя моя, жившая в Ташкенте, узнав, что я интересуюсь творчеством **чингизки**, рассказала, что, будучи в эвакуации, Ахматова жила по соседству… «Простая, не очень общительная, с сухой улыбкой. Всё грустила о своём городе», – вот что говорила тетя, вспоминая её и тяжёлые военные годы.

Огромное желание – увидеть дом в Ленинграде (ныне Петербурге), где жила Ахматова, и где работала бабушка-немка, не давало мне покоя очень долгие годы.

И вот случилось.

Я во флигеле Шереметьевского дворца.

И первые мои впечатления, первые записи в дневнике:

«Высокие деревья во дворе, тихом, питерском, историческом.

Осматриваю верхний этаж.

Откуда же смотрела Ахматова на этот дворик?

О чём думала?

А может, её окна и вовсе не на дворик выходили?

Может, именно отсюда, попав случайно в этот флигель, она в далёком 1913 году написала знаменитые строки:

Оттого, что стали рядом
Мы в блаженный миг чудес,
В миг, когда над Летним садом
Месяц розовый воскрес, –
Мне не надо ожиданий
У постылого окна
И томительных свиданий.
Вся любовь утолена…

[1] «Назвали меня Анной в честь бабушки Анны Егоровны Мотовиловой. Ее мать была **чингизидкой,** татарской княжной Ахматовой, чью фамилию, не сообразив, что собираюсь быть русским поэтом, я сделала своим литературным именем». Анна Ахматова.

Может быть.

Мысли обволакивают душу, хотят перенести туда, в Петербург начала XX века, хотят многое напомнить, показать, засвидетельствовать.

Но…

Чувствую руку провожатой. Она, как это всегда бывает в музеях, торопит, не даёт постоять во дворе, отгадать загадки, что таятся в окнах этого загадочного, невзрачного на фоне дворца флигеля.

Но мне не хочется вот так, быстро, всё обойти, посмотреть, как говорится, в полглаза и уехать.

Хочу понять, отчего же душа моя тянется к поэзии великой **чингизки**…

И сегодня, наверное, волею Бога, 21 августа.

В полупустой гостиной музея прочитали стихи:

Двадцать первое. Ночь. Понедельник.
Очертанья столицы во мгле.
Сочинил же какой-то бездельник,
Что бывает любовь на земле.»

Потрясающие.

Незабываемые.

«Мои!» – сразу подумал я.

С тех пор, словно хиромант, эти стихи определяют мне судьбу, с 21-го числа по 21-е каждого месяца.

С тех пор живу от 21-го по 21-е.

И жду, когда наступит этот день месяца.

В этот день мысленно поднимаюсь по лестницам невзрачного петербургского флигеля на встречу с любимой поэтессой.

Вижу рядом неспокойную, ворчливую, всегда спешащую вожатую.

Прошу не торопить меня.

Чтобы увидеть всё, что хотел я увидеть в этом городе поэтов:

Вновь Исакий в облаченье
Из литого серебра.
Стынет в грозном нетерпенье
Конь Великого Петра.

Ветер душный и суровый
С чёрных труб сметает гарь…
Ах! своей столицей новой
Недоволен государь.

В музее самым уютным местом для меня оказалась передняя. Запомнилась больше.

Я представлял Ахматову, провожающую гостей, которые в знак благодарности цитировали её стихи. А она улыбалась. Сухо. Еле-еле.

Можно сказать, здесь, в передней, я понял Ахматову с её незатейливыми, недоговоренными очень часто строчками. Вспомнил бабушку-немку, мысленно вновь благодарил её за возможность узнать Ахматову. И сестёр… За возможность узнать поэзию.

Совершенно другую.

Душевную.

Сокровенную.

Ахматовскую.

Геллерт Уайт (ФУАД АЛИЕВ)

Я хочу посвятить эту книгу моим Друзьям. В моей жизни Друг – это самое главное слово. Я не представляю и дня без Друзей. Я не променяю вас ни на что. Вы те, кто приняли меня таким, какой я есть, со всеми моими странностями и тиками. Я хочу сказать – спасибо…

Джавиду – который всегда выслушает. Ты знаешь, какого дня я жду больше всего в жизни

Нурки – каждая встреча с которым заканчиваеться истерическим смехом

Ниджату – который всегда развеселит

Амину – который будет терпеть любую странность, которую я вытворю

Фариду – который всегда разрядит обстановку

Наргиз – которая всегда посоветует и поднимет настроение

Ну и, конечно, моему идеальному читателю – который читает это самый первый, и который всегда скажет, что делать. Мика, спасибо, что терпишь ту чушь, которую я пишу. Люблю вас.

Л Ю Д И

Пролог

Однажды, а точнее, ровно двадцать лет назад, я совершил довольно долгое, занявшее у меня полтора года, путешествие на велосипеде. Я скажу сразу: по-моему, этой истории совсем не нужны названия городов или стран. Моя история не про географию, а про людей. Ещё с первой минуты моей поездки я понял, что я еду не для того, чтоб увидеть города, нет. Я выехал с одной целью: увидеть людей. Помнится даже, я собирался объехать всего пару мест и вернуться где-то через полгода, однако ты никогда не знаешь, во что выльется то или иное дело. Так же хотелось бы уточнить, что я могу легко перепутать хронологию моего путешествия, но поймите, много воды утекло с тех пор, а я не молодею. В силу того же возраста я могу забыть какие-нибудь мелкие вещи. Итак, думаю, мы условились обо всём, и можно начинать.

Глава 1

Посланник

Всё, что у меня было – это спальный мешок, запасы еды и воды, сменная одежда, карта с компасом, телефон с зарядкой, наушники, пара книг, велосипед и пара сменных колёс. Я просто сел и поехал. Ехал я долго, где-то месяц, пока не выехал из своей страны. Первое место, где я остановился после выезда, был маленький городок, в котором, если честно, я был разочарован. Люди уж слишком были похожи на «моих». Правда, был там один пожилой мужчина, который заинтересовал меня. Звали его Аристарх. Он не брился более семнадцати лет, и его борода вполне могла бы волочится по всей моей двухкомнатной квартире. Если я ничего не путаю, то это было сделано в знак протеста, правда, вспомнить, против чего он протестовал, мне уже не удастся. Некоторые называли его городским сумасшедшим, а некоторые говорили, что он истинный мудрец, посланник Бога. Однако ни в первое, ни во второе мне не верилось. Говорили мы с ним довольно долго, и после этих разговоров ни у кого язык не повернётся назвать этого человека сумасшедшим. Это был приятный старикашка, он угостил меня чаем и предлагал почти всё, что у него было, хотя вещей было немного. Ну, а что насчёт второго, то он сам сказал мне, что считает, будто Богу не нужны посланники.

– Я не говорю, что не верю в Бога, – говорил Аристарх. – Бог есть, и он наш всемогущий спаситель, однако, как я уже сказал, он всемогущ и ему не нужны посланники. Возможно, я просто слишком стар или глуп, чтобы понять это, но таким сотворил меня Бог, и я готов умереть в неведении, если Он так хочет. Всё, что мне надо было – это донести свою мысль, в знак протеста я отрастил бороду, я знаю, что ничего не изменилось, но также я уверен в том, что некоторые поняли то, что я хотел донести.

Через пару лет я вернулся в этот город, чтоб снова с ним увидеться, и с ужасом узнал, что его убили через несколько месяцев после моего отъезда. Это были какие-то проезжие, ярые атеисты, которые наслушались слухов о том, что его послал Бог. Они решили доказать всем, что Бога нет, убив Аристарха.

Глава 2

Сторона Дьявола

Два дня я провёл в каком-то племени. Не сказать, чтоб оно отличалось от обычных представлений о племени. Всё те же голые люди, всё те же диски в ушах и всё те же маленькие шалаши. Меня приютил у себя один из лесников (если их можно так назвать), к сожалению, имени его я уже не помню. Наутро мы пошли с ним в лес. Говорил он со мной на ломаном английском и чтоб разобрать, что он говорит, нужно было вслушиваться в каждое слово, а потом ещё минуту стоять и прокручивать в голове его слова. Понял я, конечно, не всё, но что-то мне понять и запомнить удалось. Он рассказал, что у них в племени запрещено жениться. Запрет был введён для большего размножения, тем самым племя продолжало жить. Ещё оказалось, что если кто-нибудь убьёт вождя, то его сожгут. Лесник рассказал мне, что в этом лесу есть срубленные деревья, которые уложены в виде длинной линии, за которую никто не заходит. Якобы, там начинается сторона дьявола, и если они зайдут туда, то весь лес сгорит, а они умрут от страшной болезни. Пройдя, наверно, километра три, я сам увидел эту линию. Это были поваленные деревья, которым не было конца. А на той стороне я увидел пару сгнивших деревьев, несколько мёртвых птиц и животных. Лесник рассказал мне легенду, связанную с этим лесом.

– Бог создал Землю, – рассказывал он, – и создал этот прекрасный лес. Увидев его красоту, Дьявол решил захватить лес, чтоб уничтожить его. И пока Бог работал на другой стороне Земли, Дьявол напал на лес. Бог почувствовал это и поспешил туда. У них началась схватка, и гнев Божий вызвал страшный ураган, который снёс деревья и уложил их в эту линию, по другую сторону от которой Он запер Дьявола, и если кто из людей войдёт туда, то выпустит его. Вот так тяга Дьявола к прекрасному разрушила целую половину леса.

Я готов поспорить, что мужчина не понимал и половины слов из тех, что сказал. Я уверен, что эти слова всё племя учило наизусть. Мы вернулись обратно прямо к обеду. Они поджарили свинью. После я попробую ещё не одну свинью, однако такого вкуса я больше никогда не почувствую, я ощущал свободу в каждом куске мяса.

Глава 3

Смысл

Однажды меня занесло в пустыню. Было безумно жарко, но, к счастью, воды у меня было достаточно. Я снял с себя рубашку, завязал на поясе, и поехал дальше. В какой-то момент ехать стало невозможно, я слез с велосипеда и начал идти. Однако меня хватило ненадолго. Через тридцать минут я уже лежал без сил, моля смерть не

мучить меня и прийти поскорее. Но вот я услышал чьи-то крики. Я поднялся. Вдалеке я увидел караван. Спасение пришло! Я сел на велосипед и поехал к нему. Меня приняли хорошо, предложили еды и воды. Верблюдов было, наверно, десять или пятнадцать, и каждый имел своего наездника. Почти всю дорогу я прошёл рядом с караванным вожаком. Звали его Амаль. Говорили мы с помощью переводчика, которого он везде брал с собой. К вечеру мы добрались до одного из караван-сараев, где и остались на ночь. Наутро, набравшись сил, я начал расспрашивать Амаля. Оказалось, что они в дороге уже семь дней, и это был их третий сон. Амаль был неразговорчив, и лишь на один вопрос я получил полноценный ответ: что у вас за работа?

– Наша работа – это тяжкий труд, – начал переводчик, – но прелесть любого труда в том, что ты получаешь вознаграждение. Проведя тяжёлый день, вы ложитесь в постель, и это настоящее удовольствие. Через неделю, может, даже раньше, я доберусь до дома, где меня ждут жена и двое сыновей, я смогу купить им прекрасной еды и увидеть их радостные лица. С одной стороны, наша работа безумно тяжела, но, с другой стороны, мы просто переходим с одного места на другое. Еды и воды у нас предостаточно, а передвигаться можно на верблюдах. Главное – знать, что есть ради чего это делать. Некоторые говорят, что у них в жизни нет никакого смысла, так пусть их смысл будет хотя бы в том, чтоб в конце дня лечь в кровать.

Глава 4

Бургер

Я не рассчитывал на то, что в каждом городе меня кто-нибудь приютит. И вот в одном из больших городов я остался без крыши над головой. Деньги у меня были, но их не хватало даже на хостел. Мне нужно было переждать всего одну ночь. Вечером я заехал за угол какого-то ресторана и лёг там в спальный мешок. Пролежал я, наверно, двадцать минут, и услышал чей-то хриплый голос, спрашивающий, можно ли присесть рядом со мной. Я обернулся. Это был старик с седой бородой, в старой шапке и лохмотьях. Я был сонный, поэтому не помню, что ответил, но старик сел. В окнах ресторана виднелись люди, жадно поедавшие какую-то дорогую еду.

– Ты скучаешь по всей этой еде? – спросил старик. – На улице такой не найдёшь.

Я объяснил ему, что на самом деле я не бездомный, а просто путешествую.

– Повезло тебе, – сказал он, – в последний раз я нормально ел года четыре назад. Видишь ли, у меня была жена, прекрасная женщина почти во всём, но вот только у неё были проблемы со спиртным. Ну, и вот однажды она другую бабу избила чуть ли не до полусмерти. Ей светило десять лет, не меньше. Я взял вину на себя, ведь женщина тоже была в стельку, так что она поверила в то, что что-то перепутала. Мне дали пятнадцать лет. Через восемь лет я узнал, что она подала на развод. Не знаю, что на неё нашло, но она нашла кого-то другого. А ведь всё было оформлено на неё, и машина, и дом, и всё остальное. Когда я вышел, у меня не было ни родных, ни друзей, ни вещей. Я верил в то, что добро возвращается, однако моя доля добра, видимо, потерялась. – Он вновь посмотрел в окно ресторана. – Я бы всё отдал за кусок горячего мяса.

Я встал и сказал, что сейчас приду. Я перешёл дорогу. Там была маленькая бургерная. Я купил самый большой бургер и отдал этому старику. Он начал благодарить меня. Из глаз его потекли слёзы, настоящие слёзы радости. Он смотрел на бургер, как некоторые смотрят на бриллианты. Я лёг обратно и заснул. Утром его уже было. Осталась только обёртка от бургера, прижатая камнем, с надписью «спасибо».

НАРГИЗ БАГИРОВА

Ю М О Р Е С К И

Теплый Морозный Дед

Я в детстве свято верила в существование Деда Мороза. Насчет Снегурочки как-то сомневалась, но на Деда возлагала нехилые надежды. Если память мне не врет, то пару раз я даже отправляла ему довольно откровенные послания, в которых в эпистолярной форме излагала свою очередную просьбу. При этом я деликатно (как мне тогда казалось) намекала на то, что хорошо бы ему проявить оперативность и расторопность.

До поры и времени Дед не обманывал моих чаяний и доставлял мне новогодние подарки в виде младшей сестры, плюшевого медвежонка, кукольной мебели, проектора для показа диафильмов, если кто помнит такое чудо советской бытовой техники. А однажды старикан даже расщедрился на новую квартиру.

Удручало другое – я никак не могла его застукать во время визита!

То есть я видела разных Дедов Морозов на новогодних елках, но зорким взглядом отмечала их внешнюю несхожесть, разницу в манерах поведения и костюмах. И тогда родители мне объяснили, что праздничных елок на Новый Год по всему земному шару несколько тысяч, а старик один, и он физически не в состоянии присутствовать на всех мероприятиях одновременно. Вот почему в ТЮЗе, цирке и Домах культуры нас развлекают Деды Морозы, хоть и работающие с «одобрения и разрешения», но все же ненастоящие.

А натуральный Дед Мороз приходит в дома, где есть маленькие дети, и дарит им подарки, но при условии, что дети за весь предшествующий период хорошо себя вели и слушались старших.

Слушаться старших в течение целого года, думаю, не получалось ни у одного ребенка в мире, это было не то, чтобы сложно, а практически невыполнимо. Поэтому все мы вели себя одинаково – безобразничали, не убирали за собой игрушки, не спали днем, плохо ели и только с приближением знаменательного праздника смирнели и подлизывались к взрослым, чтобы те не наябедничали взыскательному подаркодарителю...

Из безмятежного рая неведения я была изгнана во втором классе, изгнана стараниями своей классной руководительницы. Я, решив раскрыть душу, поведала ей, каких даров жду на этот Новый Год от Деда. А тетка вдруг снисходительно рассмеялась и, довольно бесцеремонно меня перебив, объявила во всеуслышание, что никаких Дедов Морозов и Снегурочек в природе не существует и что это давно доказанный наукой факт. Вдобавок хмуро добавила, что, выстояв в чудовищной очереди, подарки нам покупают наши родители в самых обыкновенных магазинах.

И я вспомнила, как в прошлом году ночью проснулась, когда мама клала мне коробку с немецкой куклой под подушку. Правда, наутро мама мне объяснила, что Дедушка Мороз очень спешил к другим детям и потому вручил мне мой заказ через родителей.

Теперь, благодаря классной даме, пелена обмана спала с моих глаз. Я уже не была наивной малышкой, о чем вечером разочарованно и потерянно улыбаясь, сообщила родителям.

Мама оторопела, а папа в сердцах воскликнул:

– Вот дура ваша учительница! Ну просто круглая дура!

Таким образом я перенесла два мощных потрясения в один день... Первым было то, что Дедов Морозов не бывает, а вторым – это то, что моя первая учительница, оказывается, «круглая дура»! Земля ей пухом...

Я постепенно перестала ждать и практически сразу перестала просить.

А теперь вот думаю – если Дед Мороз не посещал Валентину Николаевну по каким-то своим субъективным причинам, это же не значит, что его не существует вовсе? Может, ему не нравился ее педагогический стиль работы... Или манера одеваться... Зря я тогда так погорячилась...

Попробовать, что ли, попросить его о чем-нибудь? Вдруг он услышит и проникнется... И снова, торопясь по другим спецзаказам, оставит подарок под дверью, а ласковые мамины руки положат мне его под подушку.

Я проснусь среди ночи от ощущения Праздника, от счастливого ощущения волшебства…

И на этот раз точно и уже навсегда уверую в чудо, в существование белобородого старика, который исполнит любую мечту – добросовестно исполнит и в положенный срок...

С Новым Годом всех нас, мои дорогие, близкие и далекие друзья, с Новым Счастьем!

И пусть этот милый Дедушка Мороз со старомодными манерами подарит всем нам добрую вечную сказку!

Новогодний серпантин

С утра тридцать первого декабря каждая семья готовится к вечеру тридцать первого декабря. Все члены семьи, за исключением грудных младенцев, суматошно гоняют вдоль и поперек своих весело трещащих по швам квартир. Предновогодняя семейная лихорадка напоминает беспорядочную суматоху частиц – «броуновское движение», открытое незабвенной памяти Робертом Броуном.

– Не ешьте овощи – это для салата!

– Мама, где красные салфетки?

– На подоконнике.

– Там нету!.

– Дорогая, ты не знаешь, где штопор?.

– А тебе он сейчас нужен? Лучше возьми стремянку, оботри верх шкафа в спальне!

– С чего ты взяла, что это лучше?. Кто верх шкафа будет проверять?.

– Не понимаю, тебе что, трудно?! Раз в году..

– Мам, где ёлочные игрушки?

– Папа тебе даст, когда за шкаф наконец возьмётся. Ты зачем картошку ешь, просила же – это для салата!

– Маааам, а она ещё яйцо крутое съела одно.

– Алло! Да! Не слышу! Да, заказывали! Куда подойти? А? Зачем же вы писали, что с доставкой на дом?! Безобразие!

– Шкаф вытерт. Я пошел за фруктами.

– Заодно подойди к остановке, сейчас туда суши подвезут.

– Ураа! Суши!

– До вечера не ешьте, гостей дождитесь!

– Забыл сказать, Руслан не придет. У его девушки умер дед.
– Начинается.. Лучше бы я Асю пригласила. Положи солёный огурец на место!
– Я ж только один взял.. Ася твоя опять рыдала бы после первой рюмки. А потом приставала бы к моему брату.

– Мама, а она с дядей целовалась в ванной! Мы видели!
– Когда?
– На прошлом Новом Годе.

– Алло! Да, милая, взаимно! И тебе. И у тебя. И с тобой. Созво.. И тебе. Созвонимся ещё. Целую. Взаимно. Взаимно, говорю.. И тебе.. Пока!

– Маааам! Можно я красное платье надену?
– Да! Принеси майонез! Тебя муж через неделю прогонит – ложку принеси, всё надо говорить.

– Я в маркете Тимура с женой встретил.. Пригласил их к нам..

– Кто съел розочку с торта?!
– Он!
– Она!

– На черта ты его пригласил? Куда ты его с его толстухой посадишь?!
– Руслан же все равно не придет..
– Придет твой Руслан. Он мне SMS прислал. Что ты за девочка такая, вилки надо слева.. Паштет на стол положите! И пирожки! Куда ты буженину дел? А пирожки?.

– Он же без девушки.. У неё дед умер.. Одно место найдем как-нибудь..

– Где шуба?! Нет никакого одного места – он с другой девушкой придет. Шуба где?!
– В прихожей висит. Чертов Дон-Жуан, и когда он женится?.
– Я про селедку под шубой! Никогда не женится – кто его терпеть станет?

– Мама, какие бусы красивые..
– Где вы их нашли? Доченька, нарежь сыр. Огурцы с помидорами – на стол!
– Они в ёлочных игрушках были. Очень красивые бусы.
– Весь год я их искала! Ты ковер пропылесосил? И чего ждёшь? Это Асины бусы, океанский жемчуг..

– А зачем она их снимала? Это, наверное, перед поцелуем в ванной..
– Вздор, чепуха, не целовалась она ни с кем! Она твоего брата терпеть не может.
– А зачем целовалась тогда?

– Умерь своё любопытство, тут дети.. Помоги мне вытащить мясной пирог!
– Дети, тётя Ася целовалась или нет?
– Целовалась, целовалась! Мы видели!
– Вздор, ерунда! Если она и была в ванной, то с Ариком!

– Арик уехал встречать Новый Год в Турцию. Кого она теперь в ванную затащит?

– Мамааа! Где красные салфетки?

– Я одна в этом доме живу?! Кто-нибудь возьмите телефон! Алло! Ася, привет, родная! И я тебя! Взаимно. И тебе того же. Спасибо! Кстати, Асюся, твои бусы отыскались. Не трогайте пирог, убью! Как это – какие?! Ты их у нас в прошлом году потеряла..

– Мама, можно я пирожок возьму? Я голодный!
– Возьми. Не со стола, ну что за ребёнок? В зелёной кастрюле.. Куда ты полез, это винегрет!
– А я винегрет тоже хочу!

– Как нашлись, Ася, ты что? А это тогда чьи? Нет, не отмечаем.. Мой заболел, не до гостей.. Я только пирог испекла, все же праздник, все же дети. Увидимся, родная!.. И я. И тебе. И у тебя. И взаимно. Целую!

– Можно узнать, почему именно я «заболел»?
– А кто ещё? Не могу же я про детей так сказать, не приведи Бог, правда заболеют!
– А меня не жалко? Я не человек?

– Сними красное платье, оно летнее!
– Ты же сама разрешила!
– Не выдумывай, я не могла такого разрешить! Переоденься немедленно!
– Аааа! Я хочу в красном!

– Слушай, я вот подумал... Может, это твои бусы?.
– Боже мой, я ещё не переоделась! Кто-нибудь разлейте компоты по графинам! С ума ты сошёл, откуда они у меня?

– Не знаю.. Наверное, подарил кто-то, а ты спрятала и забыла..
– Псих ты. Такое не забывают – это океанский жемчуг. Колбасную нарезку забыли! Курица печёная где? Рыбу лучше поставить на середину! Выключите музыку! Включите телевизор! Псих самый ты настоящий.

– Мамааа! А я жакет сверху одену! Можно?
– Нет!
– Хочу в красном платье! Аааа!

– Штопор где?!
– До сих пор не нашёл? Что за манера – всё оставлять на последнюю минуту? Откройте дверь, я бегу переодеваться!

– Заходите, заходите, наконец-то! А то нас с детьми голодом морят! Ты, вижу, с вискарем? Супер!

–Дядя Арик, а вы не в Турции? Ух ты! А мама, как назло, тётю Асю не пригласила.
– Садитесь за стол, добро пожаловать! Ну зачем ты, не надо было тратиться..

Обожаю этот торт, но всё равно не надо было.. А вы и есть девушка Руслана? Очень приятно.. Вы ещё красивее, чем он про вас рассказывал.

– Пап, а пап! Это у неё дедушка умер?

– Дети, вы забыли ёлку включить.. про огни на ёлке вы забыли, вы.. Ну что ты, родная, – ничего особенного я не приготовила.. На здоровье..

– Ну что, по первой?.
– Да, пора..
– С Новым Годом, други!
– С Новым счастьем!

– Начните с пирога, а то остынет!
– Девушка Руслана, можно я вам вина налью?
– Звонят или мне показалось?
– Здоровья всем нам!

– Давайте по второй!
– Дети, хватит суши есть! Хотите курочку?
– Удачи всем, любви!
– Вроде в дверь стучат..
– Какой прекрасный вечер, давно так не было..
– Горячее нести? Или рано?..

– Шуба невероятная!
– Мехами питаешься?
– Ха-ха-ха!
– Рыба обалденно пропеклась!
– На здоровье, дорогие мои, на здоровье..
– Звонят, не слышите?!

– Счастливого года этому гостеприимному дому!
– Ну что, по третьей?..
– Давно пора!
– Кто-то в дверь ломится..
– Кто бы это мог быть?. Вроде все тут.. Дети, сбегайте, посмотрите в глазок! Без нас не открывать! Люди, ешьте, не стесняйтесь!

– По четвёртой?
– Что ж ты считаешь их все время?
– Ха-ха-ха!

– Мамааа! Там тётя Ася в дверь кулаками стучит! Открывать?!

МИРЗА МЕХТИЕВ

(Австралия)

Унитаз

Удрав от яростных баталий,
В последний испражнившись раз,
Слегка очистив от фекалий,
Ашот выносит унитаз.

На нём всего лишь пара трещин
И пятна желтые мочи,
Но нет родней и ближе вещи!
Оставить туркам? Не взыщи!

Представьте, что адербейджанец
Своею задницей, вот так,
Разрушит древний блеск и глянец
(Там, кстати, новенький стульчак!).

И пусть они воротят рожи
(От ржачки стонет весь Кавказ!),
Ашоту ведь всего дороже
Дерьмом краплёный унитаз.

Он дорог как хачкар узорный
И всё, что там под ним лежит.
Как дорог был окоп бетонный,
Как Миацум, как Геноцид!

Отбросов общества колонны,
Шаланды с хламом и жульём,
Паденья нравов эталоны
Бегут, сжигая всё кругом.

Но сзади кто-то дёрнул газу –
Удар! О боже, звон и шум!
Везде осколки унитаза,
Разбился сраный Миацум!

Содержание журнала за 2020 год

ПРОЗА

Абрамов Ефим, Лейла Бегим. Черные подснежники. Повесть. №2
Агамамедова Гюлюш. Хроники коронавируса. Гризли. №8
Агаоглу Мирмехти. Лик имама. Рассказ. №10
Алаев Амин. Джонни. Рассказ. №10
Алиев Самит. Всей содранной кожей. Повесть. №7
Анар. Зимние ночи города. Пьеса. Пер. Зиязаде Х. №1
Андреева Елена. Истории, происходящие у моря. №3
Аран Саяд. Рассказы. Пер. Ахундовой П. №4
Айдан. Притчи. №3
Багирова Ляман. Два эссе и новелла. №5; Миниатюры, рассказы. №9
Багирова Наргиз. Этюды. №3; Юморески. №12
Баранчикова Елена. Новеллы. №1
Берколайко Марк. Вика и Сева. Эссе. №2
Борода Моисей. Мысли и афоризмы. № 5
Будаглы Садай. Рассказы. Пер. Каракмазли Д. №5
Верховский Марк. Эссе и новеллы. №11
Гасанбек Юсиф. Пробуждение. Повесть. Пер. Халиловой Н. №1
Гафар Гусейнов. Путь к Ахматовой. №12
Геллерт Уайт (Фуад Алиев). Люди. №12
Гусейнов Пярвиз. Записки кукольного мастера. №7
Гусейнова Хиджран. Сны Айгюн, или имитация счастья. Рассказ. Пер. Мустафаевой Е. №3
Дедовец Михаил. Памятный день. Документальный рассказ. №5
Дейкун Раиса. Сплотка. Рассказ. №5
Дурсунов Малик. Длинная дорога в рай. Отрывок из романа. №9
Елчиев Варис. Последний из могикан. Рассказ. Пер. Садыговой Р. №8
Кандова Яна. Боевой клич кота Микэ. Рассказ. №9
Лачин. Сказки о девочках и мальчиках. №1
Мамедов Афанасий. Киноварь, или Перезагрузка в Тунисе. Повесть. №2
Мехтиев Фархад. Юморески. №9
Мина. Рассказы. Пер. Мустафаевой Е. №3
Мираламов Г. Последнее путешествие. Повесть. №11
Мурсалова Марина. Время цветения любви. Рассказ. №3
Мустафазаде Руфат. Кандидат. Юмореска. № 4; Пандемия. Миниатюра. №7
Нагиев Рашид. Рассказы. №6
Наджафоглу Новруз. Выстрел с белой скалы. Киноповесть. Пер. Джафаровой Н. №11
Нуругызы Севиндж. Меллиса. Повесть. Пер. Азизовой Э. №6
Пересада Ирина. Марьям. Повесть. №8
Расулзаде Натиг. Мой друг, Мика. Повесть. №6; Рассказы №12
Рустамли Татьяна. Научись слышать тишину. № 3
Смирнов Михаил. Рассказы. №10
Таир Али. Кариатида. Киноповесть. № 4; Мирза Халил и вирус. Повесть. №8
Тофикгызы Гюльшен. Сказки для взрослых. №1; Рассказы. №10
Ширинова Кенжегуль. Простое счастье. Рассказ. №3
Эльдарова Медина. Миниатюры. №3
Эминли Гюнель. Рассказы. Пер. Мамедова Н. №2
Эльчин. Сталин. Трагифарс. Пер. Халиловой Н. №2
Эюб Гияс. Последний идол. Роман. Перевод Али Сеидова. №12

ПОЭЗИЯ

Агаев Тофик. Цветок без названия. Хайку. №4; Стихи. №6; Дистих. №9
Алавердова Лиана. Две поэмы. №4
Алибалаев Тимур. Поезд в ночи. Стихи. №8
Багирова Ляман. Стихи. №3; В гостях у соседки. №5
Бадалбейли Ильхам. Стихи. №7
Бадалбейли Майя. Стихи. №3
Браурман Софья. Стихи. №8
Велиханова Вера. Стихи. №9
Габиль. Рубаи. Перевод Гаджиева Э. №12
Гаджиев Энар. Стихи. № 10; Вандалы. Стихи. № 11
Газизова Лилия. Турецкий дневник. Стихи. № 10
Гюлемаил Мурад. Высота Лалели. Стихи. Пер. Талыбовой А. № 11; №12
Гюльага Танха. Стихи. Пер. Талыбовой А. №8
Зейналлы Ирина. Времена года. Стихи. №10
Каракмазли Динара. Переводы. №1
Касумова Елизавета. Изолгавшиеся. №2; Стихи. №№3, 8
Кафаров Владимир. Переводы азербайджанских народных баяты. №5
Керимова Седагет. Стихи. Пер. Талыбовой А. №6
Лебедь Юрий. Стихи. №2
Мамедов Рауф. Стихи. №7
Маркова Татьяна. Год без любви. Цикл стихов. №3
Мехтиев Мирза. Унитаз. Стихи. №12
Мороз Владимир. Стихи. №5
Нигяр Ариф. Стихи. №2
Рагимова Юлия. Стихи. № 4
Салаев Геннадий. Стихи. №1
Степанов Евгений. Стихи. №1; Точка зрения. Стихи. №6
Талыбова Алина. Стихи. №1
Тасалова Ирэн. Стихи. № 10
Хезангуль. Я – Зохра. Пер. Мамедова Н. №2
Шаулов Сергей. Стихи. №12
Эфенди Азер. Стихи. №5; Memoria. Стихи. №11
Ягубов Аладдин. Стихи. №9

ПУБЛИЦИСТИКА

Азер Абдулла. А теперь я отвечу. Перевод Ильгара Фарзалиева. №12
Агамамедова Гюлюш. Традиция лжи. №2; Диктатура власти. № 7. Плагиат. №12
Алиева Эльмира. Наш человек в Америке. №11
Аскеров Рафик. Надежда. №8
Бабаев Агаддин. Свидетель Ходжалинской трагедии. №2
Бабанлы Видади. Три незабываемые встречи. Пер. Ахундовой Э. №5
Багирова Ляман. Лики. №1; Эссе. №3
Буланова Оксана. О Карабахе, армянах и «великой» армянской идее. №11
Верховский Марк. Слово о Софье Браурман. №8
Гаджиев Энар. «Здравствуйте, мои дорогие!» №5
Газизова Лилия. «Петроград пастанеси», или личный опыт турецкой жизни. №10
Гасанова Лала. Литературные горизонты: между прошлым, настоящим и будущим. №8

Грич Александр. «Безумство храбрых» в исполнении Марка Берколайко. №5; С днем рождения, Интигам! №9

Гулиев Вилаят. От Гянджи… до Алтая. №1

Гусейнов Алисафдар. Танцующие пальцы. №5

Гусейнов Чингиз. Карантинные размышления. №10

Джафарова Таира. Открытое окно. №3

Джумазаде Валентин. Забвению не подлежит. №5

Ислам Садыг, Периназ Садыглы. Возрождение идеи и создание армянского государства. №11

Касумова Елизавета. Стратегия лжи. №2; Метаморфозы кинотеатра «Феномен». №6; Бедный, бедный оккупант. №11; Голуби над Шушой и азан над Карабахом. №12

Кайбах Беттина. Перепалка в патриотической клоаке. №3

Литвинцев Геннадий. «Красное колесо» остановилось в Реште. №10

Мамедов Ниджат. Мысли во время карантина. №9; В защиту науки. №10

Мамедов Низами. Симфония длиною в жизнь. №4

Манафов Ширин. 20 января в воспоминаниях участников трагедии. №1; Это наша общая боль. №4; Рашад Меджидов – зам. коменданта Берлина. №5; Автор и личность. №6

Меликли Тофик. Верлибр в литературе Турции и Азербайджана. №11

Меликов Ибрагим. Нас вдохновляющий Ильхам. №7

Мустафаев Намазали. Жизнь, посвященная науке о живой старине…№11

Салаев Геннадий. Король поэтов Игорь Северянин. №10

Талыбова Алина. Слово о журналисте. №12

Третьякова Антонина. Со слезами на глазах… №5

Удалых Галина. Поэтика рассказа И.А. Бунина «Божье древо». №9

Фейзуллаева Аида. Мировая скорбь Чехова. №10

Хакимов Александр. Титанец. Эссе. №4; Капитан Меконга. №8: Лучшее из лучшего. Белые паруса против черного паруса. №10

Шафиев Марат. «Я жажду! я стражду! Я жизнью не сыт! №5; Будущее – будь! №7; Аэлита из Баку. №9